

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»**

На правах рукописи

Баринаева Байрта Валерьевна

**ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ОБЪЕКТЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
(ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (монгольские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Мушаев Владимир Наранович,
доктор филологических наук,
доцент

Элиста – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ОБЪЕКТОВ В ЯЗЫКОЗНАНИИ	11
1.1. Лексика как система и особенности системной организации лексики природных явлений и объектов в монгольских языках	11
1.2. Природные явления и объекты как предмет изучения в лингвистике ..	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	31
ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ	34
2.1. Состояние погоды	37
2.2. Температура воздуха	54
2.3. Атмосферные осадки	79
2.4. Движение воздушных масс	124
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	137
ГЛАВА III. ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ (НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА) В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ О ПОГОДЕ.....	141
3.1. Солнце	142
3.2. Луна	157
3.3. Небо, звезды	163
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	189
ИСТОЧНИКИ	191
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	194
ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ	215
ПРИЛОЖЕНИЕ	216

ВВЕДЕНИЕ

Согласно общепринятому в современной лингвистике представлению язык является организованной системой, элементы которой закономерно связаны друг с другом определенными отношениями, образующими целостную структуру. Особое место в ней занимает лексико-семантический уровень, специфика которого заключается в особой упорядоченности, а не хаотичности его единиц (слов). Так, одна из микросистем (лексических объединений) языка отражает природные явления и объекты, в наименовании которых используются метеолексика и наименования небесных тел. Важность этого лексического пласта заключается в его связи с первыми этапами освоения человеком окружающего мира, практическим и культурным опытом сравнительно-оценочной локации человека в природе и социуме.

К природным явлениям относится следующая метеорологическая лексика: наименования гидрометеоров (дождя, снега, града); наименования воздушных метеоров (разновидностей ветра); наименования светящихся метеоров (радуги, миража); наименования огненных метеоров (молний). Наименования природных объектов представляют собой обозначения основных небесных тел (*нар(ан)* 'солнце', *сар(ан)* 'луна', *тэнгэр* 'небо', *од(он)* 'звезда').

В данном исследовании наименования природных явлений в монгольских языках классифицируются по следующим лексико-семантическим группам: 1) широкоупотребительные лексические единицы, характеризующие общее состояние погоды; 2) наименования, характеризующие температуру воздуха; 3) лексика, характеризующая атмосферные осадки; 4) обозначения движения воздушных масс, характерного для климата территорий проживания монгольских народов.

В главе о природных объектах анализируются космонимы, обозначающие небесные тела (солнце, луну, звезды и созвездия).

Названия природных явлений и объектов монгольских языков тесно связаны с творческим сознанием народов, а именно с разными жанрами фольклора, зафиксировавшими языковую картину мира номадов. Язык того или иного народа, отражая среду его обитания, одновременно ее и интерпретирует. Так, данный пласт лексики (метеонимы, астронимы, космонимы) хранит в себе объемную культурно-историческую информацию, тесно связанную с мировосприятием, этнопсихологией, этнографией и языковой картиной мира народа. Однако в монголоведении этот интереснейший лексический пласт, требовавший системного анализа, исследовался лишь фрагментарно – в отдельных статьях и разделах научных трудов [Бакаева 2003, Пюрбеев 2015, Баярсайхан 2004, Омакаева 2024, Куканова 2021, Чимитдоржиева 2013].

Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью специального системного изучения наименований природных явлений и объектов в монгольских языках, способного выявить лексико-семантические и лингвокультурологические особенности метеолексики и космонимов монгольских языков, закономерности формирования и функционирования элементов этой лексико-семантической микросистемы.

В этнокультуре номадной (кочевой) цивилизации, присущей монгольским народам, человек предстает как часть природы. Он познавал, оценивал, подстраивался и воспринимал свой окружающий мир с позиции выживания, адаптации, удобства и единства с природой, что находило свое отражение в языке.

Комплексное изучение названий метеорологических природных явлений и объектов монгольских языков в семасиологическом и лингвокультурологическом плане позволяет извлечь лингвистическую и

экстралингвистическую информацию, обнаружить материал, относящийся к традиционной культуре монгольских народов, способствующий постижению национальной ментальности.

Целью исследования является описание, систематизация и анализ одного из важнейших пластов лексики монгольских языков, связанного с природными явлениями и объектами. Исследование реализует комплексный подход к процессам формирования и развития данной лексической группы.

В соответствии с целью исследования решаются следующие **задачи**:

– описать семантику монгольских метеонимов и космонимов / астронимов как важную часть номадного лексикона, на основе их контекстного употребления;

– дать комплексный анализ лексико-семантических особенностей обозначенного лексического пласта;

– определить экстралингвистические факторы, влияющие на формирование данной лексики;

– выявить лингвокультурологическую специфику этих наименований, на основе анализа процесса их философского и творческого (художественного, образного) переосмысления в сознании кочевых народов;

Материалом исследования послужили словари различного типа (двуязычные, сравнительные, толковые, этимологические), в частности: «Этимологический словарь монгольских языков» [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015, 2016, 2018], «Монгольско-английский словарь» Лессинга [Лессинг, 1960], «Монгольско-русский словарь» [Лувсандэндэв, 1957], «Большой академический монгольско-русский словарь» [2001-2002, в 4-х т.], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001], «Современный монгольско-русский тематический словарь» [Ульгийсайхан, Скородумова, 2008], «Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора)» Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 2001], «Калмыцко-русский словарь» [Муниев, 1977], «Калмыцкий словарь»

Г.И. Рамстедта [Рамстедт, 1935], «Калмыцко-русский словарь» А. Позднеева [Позднеев, 1911], «Бурятско-русский словарь» [Шагдаров, Черемисов, 2006, 2008]; словари пословиц и поговорок, фразеологизмов: «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 2007], «Фразеологический словарь калмыцкого языка» [Бардаев, Пюрбеев, Муниев, 1990] и др.; наблюдения над разговорной речью, фольклорные и художественные тексты.

Источниками исследования являются языковые материалы в общем объеме 859 лексических единиц, зафиксированных методом выборки из литературных и фольклорных произведений, авторитетных словарей, а также фрагментов разговорной речи носителей языка за период с 2018 г. по 2024 г.

В ходе исследования использовались следующие интернет-источники: «Монгольский национальный корпус», «Национальный корпус бурятского языка», «Национальный корпус калмыцкого языка», «Карта слов и выражений русского языка».

Методология и методы исследования. Методологическую базу диссертации составили труды ведущих лингвистов в области общего и частного языкознания: Г.О. Винокура, О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова, А. А. Уфимцевой, Е. С. Кубряковой, Н. С. Шанского, Д. Н. Шмелева, О. Б. Сиротининой, Т. А. Бертагаева, Г. Ц. Пюрбеева, Э. Ч. Бардаева, Т. С. Есеновой и др.

В работе используются такие методы лингвистического и междисциплинарного анализа, как описательный, этимологический, сравнительно-сопоставительный, лексико-семантический, лингвокультурологический и статистический.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе данного пласта лексики в двух заявленных аспектах (лексико-семантическом с элементами морфолого-синтаксического анализа на уровне сочетаемости лексем; лингвокультурологическом), который впервые проводился на

материале монгольских языков. В работе дана тематическая классификация метеонимов и описание космонимов в контексте традиционных представлений монгольских народов о погоде, определены их структурно-семантические особенности с учетом лингвокультурологических факторов. Кроме того, предпринято обращение к ментальным и культурным характеристикам монгольских народов, повлиявшим на формирование данных групп слов.

Теоретическая значимость работы состоит в востребованности и полезности эмпирического материала исследования, а также полученных результатов при изучении терминологии и лексики монгольских языков, в мотивации дальнейших подобных лингвокультурологических разработок в области монгольского языкознания на примере других лексико-семантических групп.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования положений и содержания диссертации в учебном процессе при преподавании дисциплин по истории монгольских языков, исторической лексикологии, а также в спецкурсах и спецсеминарах по этнолингвистике, общей и частной терминологии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В **структурном плане** языковые единицы, обозначающие природные явления и объекты, представляют собой систему *простых, составных и сложных* онимов; в **лексико-грамматическом** отношении они отражают как системную специфику определенных монгольских языков, так и лингвокультурологические особенности, определяемые материальной и духовной культурами монголоязычных народов.

2. Процесс обогащения наименований природных явлений и объектов в языках монгольских народов осуществлялся двумя способами: 1) основной способ – использование собственных языковых ресурсов; 2) заимствования, главным образом, из тюркских языков, а также из тибетского или через него.

При этом под влиянием контактирующих языков возникали территориальные варианты исследуемых лексем.

3. Будучи лексическим сегментом монгольских языков, данные номинативные единицы связаны с уникальными культурно-эстетическими факторами, изучение которых позволяет проследить эволюцию восприятия человеком окружающей природы и объектов.

4. Исследуемая лексика, кроме номинативной функции, реализует художественно-эстетические задачи, что особенно ярко выражается в малых жанрах фольклора монгольских народов, которые вместе с высокохудожественными национальными литературными произведениями дают картину иерархии этических норм, сравнительных стандартов и оценок, ориентированных на природные явления и объекты.

5. Метеорологические условия как один из важнейших факторов в кочевом образе жизни номадов, способствовал формированию знаний и особого мировидения, нашедших отражение в языке монгольских народов. Хозяйственно-экономический уклад монголоязычных народов во многом зависил от состояния окружающего мира и погоды. Наблюдая за погодой, в своей языковой картине мира номады прогнозировали метеоусловия по характерным признакам протекания природных явлений, по особенностям небесных тел, а также последовательно и всесторонне использовали данные характеристики в повседневной жизни.

Непосредственный вклад автора исследования. Личный вклад соискателя состоит в сборе и систематизации фактического материала, определении и обосновании целей и задач исследования, в доказательстве правомерности выводов, полученных при анализе материала, в формулировке основных положений работы и ее итогов, в опубликовании промежуточных и конечных результатов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается достаточным

объемом лексического материала, апробированными методами анализа, соответствующими целям и задачам работы. Основные результаты исследования отражены в 12 статьях, из них 6 опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации. 3 статьи соответствуют научной специальности.

Промежуточные итоги данного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях и научных семинарах кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова». Основные положения и выводы диссертации были представлены в виде докладов на международных научных конференциях: II международный научный форум «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия» (Элиста, 2018 г.); III международный научный форум «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве» (Элиста, 2019 г.); XX международная конференция молодых ученых «Прогресс науки – залог развития инновационного общества», посвященная 1150-летию выдающегося мыслителя Востока аль-Фараби (г. Уральск, Казахстан, 2020 г.); IV Международный научный форум «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований» (Элиста, 2020 г.); V международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире» (Элиста, 2021 г.).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Института калмыцкой филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова» (протокол № 2 от 12.09.2024 г.).

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, источников, списка литературы, интернет-ресурсов и приложения.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ОБЪЕКТОВ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Лексика как система и особенности системной организации лексики природных явлений и объектов в монгольских языках

Понятие системности как лингвистической концепции впервые нашло четкое отражение в трудах Ф. де Соссюра, который подчеркивал, что «язык есть система знаков» [Соссюр, 1977: 38]. В дальнейшем системный подход стал применяться по отношению ко всем сферам языка, включая и лексико-семантическую систему. Осмысление и изучение языка как системы, сформированное и обоснованное первоначально в трудах М.М. Покровского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, получило развитие в работах таких лексикологов, как С.И. Ожегов, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелёв, О.С. Ахманова и др. Их идеи плодотворно применяются в лингвистических исследованиях.

М.М. Покровский, говоря о системности в лексико-семантической сфере языка, подчеркивал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе) независимо от нашего сознания в различные группы, причем основанием для их группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский, 1959: 82]. Суть лексической системы состоит в иерархических связях и отношениях составляющих ее языковых элементов и их совокупностей.

Основными проявлениями системности лексики признаются *парадигматические, синтагматические* и *эпидигматические* отношения, а важным признаком системности является способность слов объединяться в разнообразные группы. Среди классов слов, которые характеризуются парадигматическими связями, лингвисты выделяют лексико-семантические группы.

«Отличительной особенностью лексико-семантической системы является то, что единство системы обеспечивается принципом интегрирования (суммарного накопления) единиц предельного членения (значений слов) в более сложные единства» [Уфимцева, 1986: 43]. Поэтому при анализе отдельного слова или лексико-семантической системы в целом путь исследования лежит через лексико-семантические подсистемы (микросистемы).

Очевидно, что нельзя познать адекватно сущность слова, не обращаясь ко всей лексико-семантической системе, как нельзя исследовать и лексико-семантическую систему в целом, «игнорируя слово как основную ее единицу» [Уфимцева, 1986: 45]. Слово же выступает как единица этой системы и может быть охарактеризовано, во-первых, с точки зрения его собственных, только ему присущих функций, во-вторых, с точки зрения тех особенностей, которые обусловлены его взаимоотношениями с единицами других уровней, непосредственно связанных с лексическим уровнем. Являясь единицей своего собственного лексического уровня, слово определяется по своей уникальной функции – быть средством номинации. Слова существуют, прежде всего, как наименования различных явлений действительности благодаря тому, что в их значениях содержатся обобщённые образы этих явлений, информация о них.

По мнению Д.Н. Шмелёва, «слово – это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [Шмелёв, 1973: 52]. В нём органически слиты две стороны – форма и значение. Форма слова представляет собой комплекс морфем и выражает содержание – лексическое значение слова. Именно оно даёт возможность слову выполнять его основную номинативную функцию и является в слове как единице лексической системы главным.

Исследователи монгольских языков также обращались к данной базовой теоретической проблематике.

По мнению У-Ж.Ш. Дондукова, «слово в монгольских языках является сложным сочетанием морфем со строго закреплённым за ним лексическим значением» [Дондуков, 2007: 20]. Лексическое значение слова определяется рядом факторов, среди которых можно выделить вневелингвистические и внутрилингвистические. Первые, по мнению ученого, являются наиболее важными. К ним относятся: 1) связь лексического значения слова с явлениями реальной действительности (денотатами); 2) связь лексического значения слова с понятием как формой мышления, отражающей эти явления. Предметно-денотативный фактор обуславливает возможность использования слова как названия применительно к любому конкретному предмету определённого типа. Именно этот фактор обнаруживает номинативную функцию слова. Связь с понятием (сигнификативный фактор) обуславливает обобщённость лексического значения слова, делает слово орудием человеческого мышления. Как известно, реальный мир в своей системности отражается в языке через систему понятий о нём. Связь с понятием является для слова самым важным моментом: именно понятие лежит в основе лексического значения слова, определяя многие его особенности. Понятие – это одна из основных форм мышления, с помощью которого реальная действительность отражается в человеческом сознании обобщённо. Каждое понятие имеет две основные характеристики: объём и содержание. Лексическое значение слова определяется прежде всего содержанием понятий. Понятия и слова – элементы разных систем: системы мышления и системы языка. Отличие лексических значений слов от понятий проявляется в том, что в них, помимо содержания, присутствуют и другие значимые для носителей языка элементы, имеющие специфически языковой характер.

Большинство лингвистов считает, что слово обозначает понятие. А по Т.А. Бертагаеву, «значение слова может передавать и чувственный образ, и

представление, и категории мышления – понятия и суждения. Слово в своей исходной позиции отражает что-либо единичное, например, какой-нибудь характерный признак данного явления. Это единичное выражает и общее. Но общее через единичное, конкретное не всегда вначале может быть понятийным, то есть это первичное обобщение может граничить и с представлением» [Бертагаев, 1974: 52]. По мнению У-Ж.Ш. Дондукова, данное теоретическое положение «намечает ступени обобщения: узуальное, дискурсивное, научно-логическое, соответствующее научному понятию. Если первые две ступени обобщения представляют собой развитие значения по горизонтали, то научное понятие – это развитое обобщение, ведущее в глубину» [Дондуков, 2007: 23].

Значение слов основано на адекватном или приближённом к нему восприятию действительности носителями языка и конструируется ими в соответствии с этой действительностью в зависимости от познавательного потенциала, которым носители располагают на данном уровне своего общественного бытия.

В лексике на первый план выступает познавательный аспект языка, поэтому любое объединение слов в системе лексики формируется как результат обработки нашим сознанием материала реальной жизни и реального мира. «В лексике немедленно откликается любое изменение в производстве, в общественных отношениях, в быту, в идеологии и т.д., и потому она находится в состоянии непрерывного изменения и обновления» [Дондуков, 2007: 45].

Современная лингвистика исходит из положения о том, что язык представляет собой определённым образом организованную систему, т. е. такое органическое целое, элементы которого закономерно связаны друг с другом определёнными отношениями. Лексическая система языка, по сравнению с другими его уровневыми подсистемами, включает в себя большое количество связанных различными отношениями элементов, при

этом не отличается стройностью и строгой упорядоченностью, тем самым является наиболее сложной по своей организации и структуре и наименее исследованной. Лексика тесно связана с внешними, экстралингвистическими, факторами языка. Лексическая система характеризуется подвижностью и открытостью, поэтому системная организация этого уровня представляется труднообозримой, вследствие этого некоторые исследователи одно время подвергали сомнению системность её организации. В качестве одного из главных доводов против признания системности лексики выдвигалось положение, что эта системность представляет собой простое отражение связей и отношений к действительности и потому, в силу ее внешнелингвистической природы, она не может быть предметом лингвистического исследования [Шмелёв, 1973: 75]. В качестве другого аргумента против признания системного характера лексики выдвигается мысль о том, что словарный состав языка безграничен и обладает особой подвижностью. Но подвижность – это внутренне необходимое качество языковой системы, которое присуще всем сферам языка. В лексике оно проявляется наиболее ярко. Это объясняется тем, что лексика непосредственно связана с действительностью, постоянно реагирует на изменения в жизни социума.

Однако в последнее время вопрос о системном характере лексики решен положительно. В связи с этим Л.А. Новиков отмечает: «Это всё же система: ведь в противном случае мы не смогли бы сравнительно легко выбирать нужные слова и, сопоставляя их друг с другом, употреблять в речи или воспринимать их смысл» [Новиков, 1982: 60-61]. Система эта во всей её сложности и многообразии находится в сознании носителя языка. Задача же исследователя – обнаружить систему и описать её закономерности. При этом «системы слов (тематические группы, лексико-семантические группы, семантические микрополя, семантические ряды и т.п.) представляют собой лингвистические конструкторы, лингвистические модели, приближающиеся,

“похожие” на объективно существующие, но не тождественные им» [Лукьянова, 1986: 110].

Изучение системности лексики предполагает выделение в ее пространстве различных групп слов. «Упорядоченность, организованность лексики (словарного состава) того или иного языка достигается путём группировки, объединения слов по признакам, важным с точки зрения их использования в процессе общения» [Кодухов, 2007: 133]. Таким образом, в настоящее время лексический уровень языка изучается на уровне объединений слов – *семантических полей, семантических общностей* и др.

Семантическое поле характеризуется связью слов или их отдельных значений, объединяет слова различных частей речи, значение которых имеет один общий семантический признак. Лексико-семантическое поле оперирует такими понятиями слова, как семантика, значение, сема, лексика.

Семантическое поле включает лексические объединения слов, которые именуется тематическими (ТГ) и лексико-семантическими (ЛСГ) группами. Вопросы разграничения и взаимосвязи ЛСГ и ТГ в современной лингвистике являются сложными и дискуссионными.

В отечественном языкознании одним из первых пристальное внимание на указанные проблемы обратил Ф.П. Филин. В своих работах он обоснованно разграничивает ЛСГ и ТГ. *ТГ лексики – это объединения слов в рамках определённой «темы», которые «основываются не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений»* [Филин, 1984: 5]. Слова в таких группах связаны так же, как связаны называемые им реалии внешнего мира. *ЛСГ – это такие объединения слов, которые не только основаны на классификации самих предметов и явлений, но и характеризуются семантической соотнесённостью всех входящих в них лексических единиц.* «Эта соотнесённость основывается на том, что в значениях слов, объединённых в рамках одной ЛСГ, имеется один, общий для всех семантический признак, который и связывает слова. Наряду с ним в

значениях слов присутствуют и другие семантические признаки, которые служат для семантической дифференциации слов, противопоставляют их внутри группы» [Кузнецова, 1980: 79]. Ещё одним отличием ЛСГ и ТГ, отмеченным исследователями, является то, что ТГ включает в себя как слова одной части речи, так и разных частей речи, а ЛСГ – только слова одной части речи.

Ф.П. Филин, разграничивая ЛСГ и ТГ, в то же время отмечал, что резкой границы между объединениями слов нет и не может быть, так как, с одной стороны, «и те, и другие отражают познанную объективную действительность», с другой стороны, «любая лексико-семантическая группа слов входит в то или иное объединение слов, являясь её составной частью» [Филин, 1984: 3].

В работах некоторых исследователей нет чёткого разграничения понятий ТГ и ЛСГ. Данный факт объясняется сложностью самого явления. Д.Н. Шмелёв отмечает: «Группы слов, выделяемые на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, иначе говоря, многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами» [Шмелёв, 1973: 103].

Конкретная лексика не всеми признаётся объектом собственно лингвистического описания. Ряд исследователей считает, что её системные связи отличаются от системной организации других групп прежде всего тем, что значения конкретных слов различаются признаками, присущими самим объектам окружающей действительности, то есть находятся вне собственно лингвистической сферы. Другие лингвисты, наоборот, указывают, что вряд ли необходимо заранее отказываться от семантического анализа предметной лексики. Д.Н. Шмелёв, отстаивая правомерность изучения языковедами конкретной предметной лексики, отмечал: «Нет, по-видимому, никаких оснований для того, чтобы при семантическом анализе одних слов

стремиться к их “исчерпывающему разложению” на семантические компоненты, а при анализе других заранее отказаться от таких попыток» [Шмелёв, 1973: 148].

Исследование системы в лексике предполагает изучение многообразных семантических отношений слов, в которых они находятся в структуре языка. Многообразие этих отношений определяется причинами неязыковыми и языковыми. «Семантические связи слов определённой языковой системы отражают реальные связи между объектами и явлениями действительности: системна сама действительность, “мир вещей”, поэтому и системна лексика, отражающая эту действительность» [Кузнецова, 1980: 60]. Как отмечает Л.А. Новиков, «к предметной действительности, или некоторой относительно упорядоченной предсистеме..., можно подойти как с точки зрения носителей данного языка, через их языковое восприятие, субъективно, так и с точки зрения того, какой эта действительность является объективно» [Новиков, 1982: 71].

Окружающий мир может быть «увиден» с точки зрения «научной» и с точки зрения «обыденной», отраженной в языке, а они могут не совпадать. Существование определённых слов в языке, в особенности смысловых отношений между ними, зависят от того, как данный конкретный социум воспринимает окружающий мир. В основе научного членения лежит сам объективно существующий мир с его реальными объективными связями. В основе языкового членения – то, как этот реальный мир воспринимают носители языка. Человек на уровне обыденного сознания выделяет из окружающей природы, называет, систематизирует только то, что может быть важным для него, то есть имеет практическую ценность.

Таким образом, одним из главных, определяющих факторов, лежащих в основе «народной сегментации» действительности, является *прагматический*. Под *прагматическим фактором*, вслед за О.П. Солодубом, понимаем «такой фактор, который связан с использованием объекта в

практической деятельности человека» [Солодуб, 2002: 104]. «В зависимости от особенностей языковой системы конкретных языков, отражающих развитие соответствующих культур, создаются различные языковые представления действительности, возникает то или иное видение мира, его объективной, абсолютной реальности» [Новиков, 1982: 69]. Данное видение мира зависит от особенностей жизни, хозяйственной деятельности, социального опыта носителей языка.

Как пишет академик Б.А. Серебренников, «понятие возникло раньше слова потому, что жизненная практика человека побудила его к этому. В противном случае он не мог бы каждый раз добывать огонь путем трения. А появление слов диктовалось потребностью в удобном средстве общения» [Общее языкознание, 1972: 41]. Иными словами, явление действительности отражается в понятии, и слово связано с этим явлением через понятие. С развитием научных знаний углубляются и уточняются понятия о предметах и явлениях, что находит отражение и в языке. Т.А. Бертагаев, определяя термин «значение слова», пишет: «Значение есть трансформированное в процессе общения людей и реализованное в нем адекватное и приближенное отражение в сознании дискретных элементов действительности, их связей и взаимоотношений» [Бертагаев, 1974: 105].

Семантические признаки в составе значения определяют его структуру, имеющую иерархический характер, и могут выполнять различную функцию. В структуре значения в первую очередь выделяются самые общие признаки грамматического и лексико-грамматического характера. На их основе слова объединяются в грамматические и лексико-грамматические классы. Менее общими являются категориально-лексические признаки, являющиеся важнейшими в организации лексического значения слова. Категориально-лексическим подчинены все остальные, менее общие, так называемые дифференциальные признаки (далее ДП). Именно они отражают отношения слова с другими словами в системе языка, то есть организуют его

парадигматические связи. Благодаря ДП слова в составе ЛСГ объединяются в различные группировки меньшего объёма.

Интерес к лексике подобного рода не угасает: видимо, обращение к изучению отраслевых лексических единиц продиктовано временем. Богатейший материал доказывает, что данные лексические единицы прошли длительный исторический путь становления вместе с развитием взаимоотношений между природой (метео), окружающим миром (небесные тела) и человеком. Эти взаимоотношения формировались на протяжении многих столетий, находя выражение в языке и образуя целостную систему. Лексика природных явлений и объектов особенная: предметная по своей природе, она характеризуется чёткой денотативной соотнесённостью и номинативной функцией.

Таким образом, опираясь на приведенные выше научные теоретические изыскания ведущих ученых в области лексикологии, в данной работе при анализе языкового материала мы принимаем следующие определения и положения:

– под *словом*, как основным элементом лексики понимается «единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [Шмелёв, 1973: 52]. В нём органически слиты две стороны – форма и значение. Все это актуально и для монгольских языков. «Слово в монгольских языках является сложным сочетанием морфем со строго закреплённым за ним лексическим значением» [Дондуков, 2007: 20];

– лексическое значение слова определяется внелингвистическими (связь с денотатами) и внутрilingвистическими (связь с понятием как формой мышления, отражающей явления) факторами. Вслед за Бертагаевым, признаем прагматический аспект значения слова. «Значение есть трансформированное в процессе общения людей и реализованное в нем

адекватное и приближенное отражение в сознании дискретных элементов действительности, их связей и взаимоотношений» [Бертагаев, 1974: 105];

– упорядоченность лексики создается способом группировки в объединения слов: семантическое поле/общность, тематическая группа (ТГ), лексико-семантическая группа (ЛСГ) и др. Не вдаваясь в дискуссию, определим метеолексемы и космонимы как ЛСГ, представляющие собой объединения слов, которые «не только основаны на классификации самих предметов и явлений, но и характеризуются семантической соотнесённостью всех входящих в них лексических единиц», базирующейся на том, что в значениях слов, объединённых в одной ЛСГ, имеется общий для всех семантический признак, связывающий слова. Наряду с ним в значениях слов присутствуют и другие семантические признаки, которые служат для семантической дифференциации слов, противопоставляют их внутри группы» [Кузнецова, 1980: 79].

Считаем, что подобный теоретический подход к рассматриваемой проблематике позволит системно и в полном объеме представить анализируемый языковой материал.

1.2. Природные явления и объекты как предмет изучения в лингвистике

Лексика, связанная с явлениями и объектами природы, является одной из малоисследованных ЛСГ в монгольской лексикологии и представляет собой интересную область для исследования.

Природные явления – это любые изменения, происходящие в природе и определяемые как физические, биологические, астрономические, геологические, атмосферные, оптические, метеорологические и др.

Природные объекты – это объекты, созданные природой. Природа – это все то, что нас окружает и создано без участия человека.

В данной работе рассматривается лексика, именуемая метеорологические природные явления и объекты в монгольских языках.

Термин «метеорология» произошел от греческого слова «meteoros», что значит «нечто о небе», «парящий в воздухе». В более широком плане «метеорологию» определяют как науку о погоде, причем в настоящее время такое толкование считается широкоупотребительным. Погода оказывает влияние на жизнь каждого из нас – иногда едва заметно, иногда резко и драматично. Еще в IV в. до н.э. стало известно о влиянии колебаний метеорологических условий на здоровье людей: Гиппократ установил тесную связь между болезнями человека и погодой. С древнейших времен люди проклинали бури и возносили молитвы богам, моля о прекращении ненастья, наслаждались теплом ранней весны, радовались дождям, возрождающим жизнь растений. Погода оказывает воздействие не только на самочувствие человека, но и на различные аспекты его жизнедеятельности: сельское хозяйство, транспорт, строительство, отдых и т.д. На протяжении многих веков взаимоотношения цивилизации и природы строились в пользу последней: природа наступала на незащищенного перед необъяснимыми атмосферными явлениями человека. В результате возникла необходимость наблюдения, изучения причин изменения метеорологических условий.

Лексика метеорологических природных явлений как семантическое единство традиционно привлекает внимание отечественных исследователей [Данилова 1972, Касьянова 1984, Супрун-Белевич 1987, Щербакова 1983, Толстой 1997, Кондратенко 2000, Искандаров 2009, Анисимова 2009, Норманская Ю.В., Дыбо А.В., 2010 и др.]. Поскольку атмосферные процессы непосредственно влияли на жизнь людей, понятия о метеорологических явлениях занимало важное место в осмыслении мира человеком. Практика мифологического, религиозного и философского осознания проявлений погоды закрепились в *метеонимах* – одной из древнейших и обширнейших групп диалектной лексики. Еще в 1980 году И.А. Попов отмечал, что, хотя диалектные словари и картотеки содержат множество подобных слов, «лексика природы остается менее изученным в диалектологических

исследованиях пластом слов по сравнению с лексикой, связанной с особенностями материальной культуры, этнографии» [Попов, 1980: 12]. К настоящему времени этот пробел можно считать заполненным: опубликованы работы, посвященные описанию метеонимов брянских, кузбасских, новосибирских, пермских, печорских, прииртышских, приобских говоров [Васильев 1986, Гынзагова 1984, Кондратенко 1989, Михеева 1970, Пойда 1988, Пыхтеева 1978, Щербакова 1979].

В последнее время в тюркском языкознании также уделяется внимание исследованию лексики природных явлений, правда, на фоне превалирующих работ по изучению лексико-семантических и тематических групп отраслевой лексики, относящейся к различным сторонам материальной и духовной культуры тюркоязычных народов.

В работе Л.В. Даниловой «Метеорологическая лексика тюркских языков» на большом фактическом материале показан процесс её формирования и развития. Автором проведена классификация данной лексики, исследована структура каждой ЛСГ и определен ареал той или иной лексической единицы, а также отслежены основные способы словообразования. Хотя данная работа построена на языковом материале одного языка, она позволяет сопоставить пути формирования и развития одной и той же ЛСГ в разных языках, выделить общее и специфическое в возможностях функционирования ее элементов [Данилова, 1972].

Метеорологической лексике в башкирском языке посвящено диссертационное исследование А.Г. Искандарова. Работа представляет собой структурно-семантический и лингвокультурологический анализ данной лексики: собрана, систематизирована и расклассифицирована метеорологическая лексика башкирского языка в народном представлении в соответствии с временами года. Так, метеорологические прогнозы сгруппированы по особым качествам небесных тел, по определенным характерным признакам и особенностям протекания природных явлений, в

том числе предыдущих лет, времен года, месяцев, дней, по специфике состояния растений, поведения представителей животного мира, по различным изменениям физического состояния человека. Жанры фольклора (предания, пословицы, поговорки) также рассмотрены с учетом времени года [Искандаров, 2009].

Диссертационное исследование Л.Е. Щербаковой «Формирование русской метеорологической лексики: наименования осадков, наименования состояний погоды» осуществлено на материале русского языка. Свою задачу автор видит в заполнении так называемой *понятийной сетки*, то есть составлении классификационной схемы, включающей в себя все метеорологические понятия, зафиксированные в исторических текстах, в современных толковых и диалектных словарях. При этом рассматриваются не только названия, используемые в общенародном языке, но и терминологические обозначения того или иного явления [Щербакова, 1983].

А.А. Чемерчева считает, что первыми научными работами на материале русского языка, целенаправленно описывающими метеорологию (обряды, поверья, терминологию), можно считать исследования Н.И. Толстого, который проанализировал ритуалы и обряды, посвященные вызыванию дождя, используя архивные и полевые материалы сербского ареала [Чемерчева, 2006].

Н.В. Анисимова отмечает, что научная метеорологическая терминология как система не была объектом специального лингвистического исследования – синхронного или диахронного, хотя общеупотребительная и диалектная метеорологическая лексика в русском языке изучена достаточно подробно следующими исследователями: В.М. Касьянова, О.А. Макушева, Л.Р. Супрун-Белевич, Л.Е. Щербакова и др. В своей статье Н.В. Анисимова рассматривает особенности фиксации сведений о погоде и атмосферных явлениях в русском языке до начала XVIII в. [Анисимова, 2009].

В диссертационном исследовании В.М. Касьяновой дается история и рассматривается функционирование русской метеорологической лексики. Основное внимание уделяется её лингвистическому описанию, процессу формирования, развития и современного состояния в историко-семантическом и стилистическом аспектах [Касьянова, 1984].

Метеорологические явления в уральских языках рассмотрены в монографии Ю.В. Норманской и А.В. Дыбо «Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках». Научный труд посвящен реконструкции системы названий метеорологических явлений в праязыках. Ученые собрали и проанализировали слова, характеризующие климатические условия, растительный и животный мир, то есть окружающую среду, привычную для предков носителей уральских языков [Норманская, Дыбо, 2010].

На исследование лексики метеорологических природных явлений в других языковых культурах ориентированы работы М. М. Кондратенко, А. А. Пыхтеева, Л. Р. Супрун-Белевич, Лю Яньчунь и др.

В монгольском языкознании специальных крупных трудов, посвященных изучению лексики данной тематики, нет, но некоторые метеорологические лексемы анализируются в отдельных статьях и разделах научных трудов [Бакаева 2003, Пюрбеев 2015, Баярсайхан 2004, Омакаева 2024, Куканова 2021, Чимитдоржиева 2013].

Ё. Баярсайхан в своей кандидатской диссертации «Лексика современного монгольского языка, отражающая этнокультурные реалии» в одном из параграфов рассматривает слова, характеризующие времена года, сезоны, погодные и природные явления, астрологию [Баярсайхан, 1998]. В своей работе ученый проводит лексикологический и культурно-исторический анализ слов определенных лексико-семантических групп.

На материале бурятского языка Г.Н. Чимитдоржиева рассматривает лексику через призму языковой картины мира народа, классифицируя ее по семантическим разрядам. В статье ученого представлена детальная лексико-

семантическая характеристика *дождя* в бурятской языковой культуре [Чимитдоржиева, 2013].

В калмыцком языкознании лексика природных явлений анализировалась такими учеными, как Г.Ц. Пюрбеев, Э.У. Омакаева, В.К. Куканова и др. Г.Ц. Пюрбеев в монографии «Эпос Джангар: культура и язык» выделяет три группы природных явлений, зафиксированных в героическом народном эпосе «Джангар»: **атмосферные осадки** (*хур* «дождь», *цасн* «снег», *мөндр* «град», *хур цасни тоосн* «пыльная буря с дождем и снегом», *бур-бур гидг хур* «слегка морозящий дождь», *билгин хар хур* «волшебный, целительный дождь»); **погодные условия** (*зад* «ненастье, непогода», *һаң* «зной», *һаңду* «засуха», *ширмин ик халун* «испепеляющий зной, невыносимая жара», *серүн* «прохлада, свежесть», *будн* «туман», *манрх* «покрываться туманом», *заһлма кийтн салькн* «перекрестный холодный ветер» и др.); **небесные явления** (*айңһ* «молния, гром», *лууһин дун* «гром» (досл. голос дракона), *солңһ* «радуга») [Пюрбеев, 2015: 35].

В исследованиях Э.У. Омакаевой подробно рассматривается метеорологическая и астрономическая лексика в тюркских, монгольском, калмыцком языках. Особое внимание уделяется специфике вербализации традиционных метеорологических и астрономических знаний в метеолексиконе и погодно-климатическом дискурсе монголоязычных кочевников [Омакаева, 1993, 2024].

А.В. Дыбо, В.В. Куканова и др. в коллективной статье исследуют этимологию и семантику названий *неба* в монгольских языках. Авторами зафиксированы четыре наименования неба и два названия воздуха/воздушного пространства, связанные с распространением определенных верований на разных территориях в различное время [Дыбо, Куканова, 2022].

Лексика природных явлений в монгольских языках, впрочем, как и во всех других, отражает мировоззрение, менталитет народа. Язык, культура и

этнос рассматриваются в качестве важных факторов, которые представляют собой мировоззренчески ориентированные ментальные единицы, отражающие культуру, быт, опыт, сознание, миропонимание, мировосприятие в языке.

Понятие «*картина мира*» возникло на основе антропоцентрического научного направления, стремящегося объяснить природу человека в соответствии с объективными мировыми законами, во взаимосвязи объектов. *Картина мира* – это в некоторой степени собирательный образ. Именно через него человек принимает реальность и строит свою модель. Языковая картина мира отражается в языке, реализуется в процессе речи и ее осмыслении, что создает духовные, культурные и национальные ценности. Ученые лингвисты, как правило, исследуют фрагменты языковой картины мира, обращая внимание на особенности человеческого языка, ориентируясь при исследовании текстового материала на восприятие мира человеком как представителя своей этнической культуры и носителя национального характера.

Таким образом, **языковая картина мира** представляет собой совокупность впечатлений, накопленного языкового опыта о реальности на отдельном этапе развития нации в целом. Именно в языке отражается мировоззрение и информация о сознании, о языковой картине мира, о материальных и духовных ценностях общества.

В центре *языковой картины* стоит носитель языка – *языковая личность*. Язык не только называет культурные реалии, но и отражает их, помещая *языковую личность* в систему национальных духовных ценностей. Следовательно, язык является инструментом возникновения, развития, сохранения и построения языковой культуры. На основе этой идеи появилась новая наука – *лингвокультурология*. «*Лингвокультурология* – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая

проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001: 28].

По мнению В.А. Масловой, термин *языковая картина мира* – это «не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которые порождаются спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2001: 53].

В.Л. Моисеева считает языковую картину мира «отражением способа моделирования и структурирования действительности, характерного для конкретной лингвокультурной общности» [Моисеева, 1998: 3].

Под термином *языковая картина мира* Е.В. Урысон понимает тот пласт семантической системы языка, который фиксируется языковым сознанием [Урысон, 2003: 3-21].

В.Б. Касевич предлагает следующую трактовку: «... знания, закодированные оппозициями словаря и грамматики, – это языковые знания, а их совокупность – языковая картина мира» [Касевич, 1996: 179].

Под языковой картиной мира Е.С. Яковлева подразумевает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева, 1994].

Таким образом, языковая картина мира – это своего рода «мировидение через призму языка».

В отечественном языкознании *языковая картина мира как научная дефиниция* обсуждалась и определялась такими лингвистами, как Е.И. Зиновьева, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Е.В. Урысон,

З.Х. Бижева, Р.Р. Замалетдинов, М.В. Зайнуллин, З.М. Раемгужина, Г.Г. Кульсарина и др.

В работах Е.С. Кубряковой *языковая картина мира* рассматривается как концептуализация реальности и совокупность представлений, взглядов о мире. Е.С. Кубрякова в научной статье «Языковое сознание и языковая картина мира» отмечает, что рассматриваемое понятие синонимично *концептуальной картине мира*. *Языковая картина мира* – это сложившееся представление человека о мире и результат интерпретации с учетом закономерностей мышления и восприятия действительности. Это значит, что данное понятие является важной составляющей концептуальной модели мира.

Итак, картина мира способствует закреплению культурного и языкового своеобразия мира... Языковую картину мира можно изучать как общекультурное богатство и достояние народа [Кубрякова, 1999: 6-13].

М.В. Пименова в книге «Языковая картина мира» и Е.В. Урысон в статье «Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы «округа» и «район»)», в свою очередь, определяют *языковую картину мира* как сохранившуюся и сложившуюся картину мира определенного народа, которая ассимилированно дополняется культурными и духовными знаниями, при этом отражает мировосприятие и мировоззрение народа. Все данные, способствующие исследованию культурных и национальных особенностей нации, фиксируются в языковых единицах и формах [Пименова, 2011; Урысон, 2003].

Е.И. Зиновьева исследует языковую картину мира на основе фольклорных текстов. Известно, что мифопоэтические, жанровые, национально-фольклорные особенности составляют народный культурный феномен, передаваемый последующим поколениям. В ее работе «Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» излагается концепция когнитивной лингвистики и

лингвокультурологии, основные её принципы. Особое внимание уделяется соотношению понятий «языковая», «концептуальная», «наивная» и «научная» картина мира, рассматриваются их функции. Автор приводит примеры анализа концептов «смех» и «жизнь», а также образных средства русского языка, обозначающих явления природы, в сравнении с китайским. В работе представлен лингвокультурологический словарь с базовыми понятиями, определяющими содержание значимых терминов [Зиновьева, 2003: 16-21].

В своем исследовании «Языковая картина мира и культура» В.А. Маслова склоняется к обобщению, что *языковая картина мира* является общекультурным достоянием народа, имеющим свою структуру и много уровней, а также включающим внутренний и внешний мир индивида. Также языковая картина мира способствует выявлению речевой и мыслительной деятельности, которая характерна для той или иной эпохи с культурными, национальными и духовными ценностями. Природа, животные и сам человек – это элементы мира, которые формируют типы отношений индивида к миру [Маслова, 1997: 35-47].

Итак, номинации природных явлений и объектов как предмет изучения давно привлекают внимание исследователей-лингвистов. Отмечены подобные номинации (метеонимы) были еще в русских говорах. Известны работы по выявлению особенностей данной группы лексики, выполненные на материале русского и других национальных языков нашей страны и зарубежья (тюркских, монгольских, уральских и др.). Процесс изучения лексико-семантических групп тесно связан с понятием *языковой картины мира*, под которой, обобщив научные интерпретации понятия, мы понимаем «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева, 1994], «мировидение через призму языка».

Если по заявленной проблеме на материалах других языков есть серьезные работы (монографии, диссертационные исследования), то в монголоведении ее изучение представлено отдельными наблюдениями (статьи, разделы научных работ). Данное исследование продолжает изучение обозначенной лексической группы, углубляясь в лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты анализа.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1. Глава освещает основные аспекты и понятия лексикологии, семасиологии, лингвокультурологии, важные для решения поставленных в данном исследовании задач. Лексика, отражающая явления и объекты природы, является одной из интереснейших, но малоисследованных ЛСГ в монголоведении: известны лишь отдельные работы.

2. Лексико-семантическая сфера имеет системную организацию, при этом открыта и подвижна. Суть лексической системы состоит в иерархических связях и отношениях составляющих ее языковых элементов и их совокупностей. Основными проявлениями системности лексики признаются парадигматические, синтагматические и эпидигматические отношения, а важным признаком системности является **способность слов объединяться в разнообразные группы**, «причем основанием для их группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский, 1959: 82].

3. Слово выступает как единица этой системы и определяется по своей уникальной функции – быть средством номинации. Вслед за Д.Н. Шмелевым в данной работе под словом понимается «единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [Шмелёв, 1973: 52]. В нём органически слиты две стороны – форма и значение. Именно лексическое

значение слова даёт ему возможность выполнять основную номинативную функцию и является в слове главным.

4. **Лексическое значение** слова определяется внелингвистическими (связь с денотатами) и внутрilingвистическими (связь с понятием как формой мышления, отражающей явления) факторами. Значение слова может передавать и чувственный образ, и представление, и категории мышления (понятия/суждения). Слово в своей исходной позиции отражает что-либо единичное, например, какой-нибудь характерный признак данного явления. Но «конкретное не всегда вначале может быть понятийным, то есть это первичное обобщение может граничить и с представлением» [Бертагаев, 1974: 52]. Это разные «ступени обобщения: узуальное, дискурсивное, научно-логическое, соответствующее научному понятию» [Дондуков, 2007: 23].

5. В лексике на первый план выступает **познавательный аспект** языка, поэтому любое объединение слов формируется как результат обработки сознанием материала реальной жизни, мира. Изучение системности лексики предполагает выделение в ее пространстве различных групп слов по признакам, «важным с точки зрения их использования в процессе общения» [Кодухов, 2007: 133]. Упорядоченность, организованность лексики достигается путём группировки, объединения слов (*семантическое поле, семантическая общность, тематическая группа (ТГ), лексико-семантическая группа (ЛСГ)*). Вопросы разграничения и взаимосвязи ЛСГ и ТГ в современной лингвистике являются сложными и дискуссионными. Не вдаваясь в дискуссию и исходя из того, что *метеолексемы* и *космонимы* представляют собой объединения слов, которые «не только основаны на классификации самих предметов и явлений, но и характеризуются семантической соотнесённостью всех входящих в них лексических единиц», базирующихся на общем семантическом признаке, определим эти единства как ЛСГ [Кузнецова, 1980: 79].

6. Процесс изучения лексических объединений тесно связан с понятием **языковой картины мира**, под которой, обобщив научные интерпретации понятия, мы понимаем «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева, 1994], то есть мировидение через призму языка.

7. **Природные явления** – это любые изменения, происходящие в природе и определяемые как физические, биологические, астрономические, геологические, атмосферные, оптические, метеорологические и др. **Природные объекты** – это объекты, созданные природой. Лексика, именующая метеорологические природные явления и объекты в монгольских языках, является предметом изучения в данной работе;

8. Термин **метеорология** греческого происхождения (*meteoros* – «нечто о небе», «парящий в воздухе»). Её определяют как науку о погоде, влияние которой на состояние и жизнедеятельность человека известно с древности. Практика мифологического, религиозного и философского осмысления проявлений погоды закрепились в *метеонимах* – одной из древнейших и обширнейших групп лексики;

9. Изучение «погодной» и «природной» лексики имеет свою историю. Известны работы по выявлению особенностей данной группы лексики, выполненные на материале русского и других национальных языков нашей страны и зарубежья (тюркских, уральских, монгольских и др.). Данное исследование продолжает изучение обозначенной лексической группы, углубляясь в лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты анализа.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В монгольских языках пласт именовании природных явлений является наиболее древним. Причина – в изначальной полной зависимости человека от сил природы, стихии. Это объясняет проявления пантеизма, шаманской практики (обоожествление природы, погодных явлений, поклонение духам местности и т.п.) на ранних стадиях развития человеческого общества, сохранившихся у многих народов до сих пор. Устное народное творчество зафиксировало подобное умонастроение предков в многочисленных легендах, мифах, сказках, в частности страх и преклонение перед такими природными явлениями, как ветер, гром, молнии, бури и т. д.

В лексике монгольских языков закономерно нашла отражение специфика реалий окружающего мира, поэтому весьма значителен объем слов и выражений, отражающих погодные состояния и реалии, зачастую присущие исключительно территориям обитания монголоязычного носителя национальной культуры.

В данном исследовании анализ наименований природных явлений в монгольских языках проводится на обширном фактическом материале, причем в динамике: отслеживается процесс формирования и дальнейшего развития группы именовании погодных явлений.

Наименования природных явлений представляют собой микросистему, имеющую свою структуру и состав лексем, отражающих погодные условия, передвижение воздушных масс, выпадение осадков, влияющих на состояние как человека, так и природы. Лексика подобного рода составляет один из древнейших пластов любого языка и в зависимости от природно-климатических условий, образа жизни этноса и принятой системы хозяйствования имеет свою специфику. В связи с изменением научной парадигмы лингвистических исследований интерес к данной группе

терминов, к системе восприятия и позиционирования человека в окружающей его геолокации постоянно возрастает.

Отличаясь древним происхождением и относительной стабильностью на протяжении многих веков, эта группа лексики характеризуется достаточной репрезентативностью в лексикографических источниках. Изучение лексических обозначений природных явлений позволяет исследовать особенности языковой картины мира, мышления народа. В последнее время в изучении наименований природных явлений наметилась тенденция к определению роли и места метеонимов в системе воззрений народа на окружающий мир. **Метеонимы** (от греч. *meteo* – «небесное явление» и лат. *ponen* – имя) – лексические единицы, которые обозначают состояние и изменения погоды и её элементов: влажности, температуры, атмосферы, давления, облачности, осадков, ветра, солнечного сияния, электрического состояния и т.п.

Анализ метеонимов позволил выделить 4 лексико-семантические микрополя в семантическом поле «Природа»: «погода», «воздух», «осадки», «ветер». Эти лексемы – носители общего значения микрополей / ЛСГ: они семантически наиболее просты и в этой функции минимально обусловлены контекстом. Для аспектного описания национальной специфики наименований явлений природы необходимо обратиться к трем уровням – **денотативному**, **коннотативному** и **функциональному**. Денотативный компонент высвечивает конкретные свойства, признаки предмета именованного. Коннотативный выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату. Функциональный информативен относительно особенностей функционирования слова в речи. Все эти уровни, на наш взгляд, обнаруживаются при реализации **синтагматических отношений**, которые объединяют лексемы в их одновременной последовательности.

С учетом этого были выделены 4 группы лексических единиц со значением характеристики имени определенного микрополя / ЛСГ (1 группа – 102; 2 – 132; 3 – 330; 4 – 123 лексических единиц).

1. *Лексические единицы, характеризующие общее состояние погоды.*

К этой группе относятся слова, квалифицирующие погоду, то есть с оценочной коннотацией (монг. *чилгэр* / ойр. *чилгер* / бур. *шэлгэр* / калм. *чилгр* ‘ясный, безоблачный (о погоде)’; монг. *нартай* / ойр. *нартаа* / бур. *наратай* / калм. *нарта* ‘солнечный’; монг. *бүрхэг* / ойр. *бүркег (бүркүг)* / бур. *бүрхэг* / калм. *бүркг* ‘пасмурный, облачный’; монг. *бороотой* / ойр. *бораатаа* / бур. *бороотой* / калм. *бората* ‘дождливый, ненастный’).

2. *Лексические единицы, характеризующие температуру воздуха.*

Это группа слов, передающих температурное состояние воздушного пространства (монг. *халуун* / ойр. *халуун* / бур. *халуун* / калм. *халун* ‘жара, зной; жаркий, знойный; горячий’; монг. *дулаан* / ойр. *дулаан (дулаан)* / бур. *дулаан* / калм. *дулан* ‘тепло; оттепель, теплота; теплый’; монг. *сэрүүн* / ойр. *серүүн* / бур. *хэрюун* / калм. *серүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий’; монг. *хүйтэн* / ойр. *киитен* / бур. *хүйтэн* / калм. *киитн* ‘холод, мороз, стужа; остывший, холодный; студеный, морозный’).

3. *Лексические единицы, характеризующие атмосферные осадки в виде дождя, снега, инея, метели, града, тумана, включая наименования облаков* (монг. *хур* / бур. *хура*, / ойр. *хур* / калм. *хур* ‘дождь; атмосферные осадки’; монг. *будан(г)* / ойр. *будаң (будуң)* / бур. *будан(г)* / калм. *будн* ‘туман, мгла; монг. *хяруу* / ойр. *кирүү* / бур. *хюруу* / калм. *кирү* ‘иней’; монг. *цас(ан)* / ойр. *цасан (цасун)* / бур. *саһан* / калм. *цасн* ‘снег, снежный’).

4. *Лексические единицы, характеризующие движение воздушных масс.*

Это лексемы, обозначающие разновидности ветра, передающие оттенки интенсивности движение воздуха, а также производные от них лексемы, обозначающие направления этого движения (монг. *салхи(н)* / ойр. *салькин (салкин)* / бур. *һалхин* / калм. *салькн* ‘ветер’).

В этнокультуре номадной (кочевой) цивилизации, присущей монгольским народам, человек предстает как часть природы. Он воспринимал, подстраивался и оценивал свой окружающий мир с позиции выживания, адаптации, удобства и единства с окружающим миром, что находило свое отражение в языке.

Рассмотрим специфику каждой семантической группы.

2.1. Состояние погоды

Языковые средства выражения состояния погоды в картине мира монгольских народов могут быть представлены как цельные и последовательные природные явления, которые системно используются традиционными носителями в прямом, переносном, сравнительно-оценочном и метафорическом значении.

Лексико-семантическое и лингвокультурологическое содержание слов данной категории рассматривается в диапазоне естественных для соответствующего географического пространства проявлений погоды. Лексика данной классификационной группы распределяется по принципу градации: а) *ясная погода*; б) *пасмурная погода*; в) *ненастная погода*.

ЯСНАЯ ПОГОДА (всего 69 лексических единиц)

Ясная погода в значении ‘безоблачный, ясный, светлый’ широко употребляется в монгольских языках.

Čelger ‘светлый, ясный’. Эта лексема в указанном значении в разных вариантах произношения/написания присутствует во всех анализируемых монгольских языках, что зафиксировано в словарях.

Значения: письм.-монг. *čelger (čel-ger)* ‘светлый, ясный’ [ЭСМЯ I, 2015: 138]; монг. *чилгэр* ‘ясный, безоблачный’ [БАМРС, 2002, IV: 312], *цэлгэр* [БАМРС, 2002, IV: 286] ‘светлый; ничем не затемненный’; ойр. *чилгер* ‘ясный, безоблачный’ [Тодаева, 2001: 440]; бур. *шэлгэр* ‘(в нек-рых диалектах) ведро, ясный, безоблачный (о погоде)’ [БРС, 2008: 635]; стп.-

калм. *tsileger (tsilger)* ‘ясный (о погоде); светлый’ [Позднеев, 1911: 248];
калм. *чилгр* ‘ясный; безоблачный’ [КРС, 1977: 650].

Имя прилагательное *ясное* образует такие словосочетания, как монг. *чилгэр халуун* ‘жара, зной’; ойр. *чилгер огторхуу* ‘ясное небо’, *чилгер өдөр* ‘ясный день’, *чилгер аһаар* ‘ясная погода’; калм. *чилгр өдр* ‘ясный день’, *чилгр теңгр* ‘ясное, безоблачное небо’.

Приведем примеры их употребления в художественном тексте в функции эпитета, например: ойр. *Мөн одаахан сээхен чилгер бээгсен огторхуугуин таңнаада генте бөөм-бөөм хара үүлен хураад, салькин салькилаад, хур шагаад экелвээ*. ‘На только что **ясном небе** появились кучевые облака, задул ветер, начался проливной дождь’ [Тодаева, 2001: 76]; калм. *Салькн уга, дулан, чилгр зунын өдр билэ* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Был безветренный, теплый, **ясный летний день**’; *Удин алднд будн талрад, чилгр нарта өдр тогтв* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘К обеду туман рассеялся, и **день стал ясным и солнечным**’.

В ойратском и калмыцком языках данная лексема в независимости от сезона, времени года сочетается с такими прилагательными, как ойр. *цевер* / калм. *цевр* ‘чистый’; ойр. *сээхен* / калм. *сээхн* ‘красивый, прекрасный’; ойр. *төвшүүн* / калм. *төвшүн* ‘спокойный’; ойр. *сээн* / калм. *сэн* ‘хороший’: ойр. *сээн чилгер өдөр* ‘хороший, ясный день’; калм. *хаврин чилгр сээхн өдр* ‘весенний ясный, прекрасный день’; *намрин сээхн чилгр өдр* ‘осенний прекрасный, ясный день’. Например: ойр. *Эне неге сээхен чилгер өдөр билээ*. ‘Это был красивый, ясный, безоблачный день’ [Тодаева, 2001: 440]; калм. *Хаврин чилгр өдрт кеер гедргэн кевтчкад, теңгр халэхлэ – сээхн*. ‘Когда в весенний ясный день в степи лежишь на спине и смотришь в небо – красота’ [Кичиков, 1997: 48]; *Чилгр, төвшүн нарта өрүн билэ* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Было ясное, спокойное, солнечное утро’; *Сиврин киизн зунар, цань намр өөрдэд ирхлэ, генткн эклдг хур кесгтэн ордмн, чилгр сэн өдрмүд йир хатяр болдмн* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Сибирским капризным

летом, когда приближается осень, резко начавшийся дождь идет долго, ясные хорошие дни становятся редкими’ Такая сочетаемость данной лексемы усиливает, дополняет основное значение. Ясный день, значит ‘хороший, спокойный, прекрасный’.

В ойратском и калмыцком языках от прилагательного ойр. *чилгер* / калм. *чилгр* с помощью суффикса *-л / -ле* образуется глагол: ойр. *чилгерлехе* ‘становиться ясным, безоблачным’ [Тодаева, 2001: 440] / калм. *чилгрлх* ‘прояснить (о погоде); стать ясным (безоблачным)’ [КРС, 1977: 650]. Например: ойр. *Сөө хур ораад хонсан болва чиге одаа огторхуу чилгерлевээ*. ‘Хотя ночью шёл дождь, но теперь небо **стало ясным**’ [Тодаева, 2001: 440]; калм. *өдр чилгрлв* ‘день прояснился; погода разгулялась’ [КРС, 1977: 650]; *теңгр чилгрлв* ‘проясняться (становиться безоблачным)’ [КРС, 1977: 493].

От глагола *чилгрлх* ‘проясняться (о погоде); стать ясным (безоблачным)’ с помощью суффикса *-лһн* образуется существительное *чилгрлһн* – ‘прояснение’. Например, *теңгрин бээдл чилгрлһн* ‘прояснение погоды’ [КРС, 1977: 650]. Глагол *чилгрлх* в значении ‘прояснить (о погоде)’ часто используется в сочетании с существительным *аһар*, основное значение которого ‘воздух’, но при употреблении с данным глаголом слово реализует свое второе значение – ‘погода’. Например, калм. *аһар чилгрлжээнэ* ‘погода улучшилась’ [КРС, 1977: 27].

В монгольских языках также встречаются **синонимы**, передающие значение ‘ясная, безоблачная погода’. Например, лексема письм.- монг *ariγun* (**ari-γun*), монг (халх.) *ариун*, бур. *арюун*, калм. *эрүн*, баоан. *аруң*, даг. *арӯн*, дунс. *арун* (*аруні*), мнгр. *ариун* (перен.) ‘чистый; священный, святой (о деле, местности)’ [ЭСМЯ I, 2015: 55] в некоторых языках может передавать значение ‘ясный’ в отношении погоды. Например, калм. *эрүн өдр* «ясный день» [КРС, 1977: 70].

В современном монгольском языке лексема *чилгэр* употребляется и в значении ‘стройный, хорошо сложенный, статный’. Например: *Дэжид*

өндөрхөн **чилгэр** биетэй, угнь царайлаг явсны тэмдгийг алдаж яваа дөлгөөн бор авгай [МНК]. ‘Деджид – высокий, статный, с **худощавым телосложением**, смуглый мужчина, начинающий уже терять свою былую привлекательность’.

Лексема *чилгр* в значении ‘ясный, безоблачный’ может передавать не только прямое значение, но и реализовать переносное. Например, *чилгр хэлэц* ‘ясный взгляд’: калм. *Би бат урһүта, көк чилгр хэлэцтэ, үгтэ-күүртэ залу үзүв*. ‘Я увидел крепкого телосложения, с **ясным взглядом** разговорчивого мужчину’. В этом предложении словосочетание *чилгр хэлэц* характеризует уверенного, открытого к общению человека.

В языке ойратов Синьцзяня *чилгер* ‘ясный, безоблачный’ означает *покой, спокойствие, радость*. Например: ойр. *Өвчинээс келтеревел бийе чилгер, өрээс гетелвел санаа чилгер, өр гегээрвел йиртемжси чилгер, өнерчин байаживал улас чилгер*. ‘Избавился от болезней – телу **покой**, избавился от долгов – на душе **спокойно**, заря занялась – небо **ясное**, многодетный разбогател – людям **радость**’ [Тодаева, 2001: 440].

Ĉelmeg ‘ясный, чистый’. Значение этого прилагательного во всех языках эквивалентно:

Значения: письм.-монг. *ĉelmeg* ‘открытый, ясный, чистый’ [Ковалевский III, 1849: 2120], *selmeg* ‘ясный, чистый; безоблачный, отличный (о погоде)’ [Лессинг, 1960: 171]; монг. *цэлмэг* ‘ясный; чистый; безоблачный’ [БАМРС IV, 2002: 287]; ойр. *целмег (целмег)* ‘ясный, чистый; безоблачный’ [Тодаева, 2001: 426]; бур. *сэлмэг* ‘ясный, чистый; безоблачный’ [БРС, 2008: 210]; стп.-калм. *tselmæg* ‘ясный (небо, день)’ [Ramstedt, 1935: 426]; калм. *целмг* ‘ясный; чистый; безоблачный’ [КРС, 1977: 631].

Данная лексема образована от глагола монг. *цэлмэ-*, калм. *целм-*, бур. *сэлмэ-*, ‘проясняться, устанавливаться (о хорошей погоде)’ [ЭСМЯ, 2015: 138] с помощью суффикса *-г*. Например: монг. *цэлмэх* ‘прояснять (о небе, погоде); посветлеть; делаться ясным, чистым’ [БАМРС IV, 2002: 287] / ойр.

целмээхе (целмеекү) ‘проясняться (о погоде)’ [Тодаева 2001: 426] / калм. *целмх* ‘небо проясняется’ [КРС 1977: 631]. Например: монг. *Суулийн хэдэн сарын дотор улс оронд үлэмж хүчтэй шуурга болж бүхнийг нухчин дарж байсан хар үүл сарнин, тэнгэр цэлмэв* [МНК]. ‘За последние несколько месяцев темные тучи, окутывавшие страну во время сильной бури, рассеялись, и **небо стало ясным**’; ойр. *Хур гишжи, теңгер целмээвээ*. ‘Дождь перестал, **небо прояснилось**’ [Тодаева 2001: 426]; калм. *Теңгр целмж бээнэ*. ‘Небо **проясняется**’ [КРС, 1977: 631].

Лексема монг. *цэлмэг* / ойр. *целмег* / калм. *целмг* образует словосочетания, характеризующие ясную, безоблачную погоду: монг. *цэлмэг огторгуй* [БАМРС IV, 2002: 287] / ойр. *целмег огторхуу* ‘чистое, ясное небо’ [Тодаева 2001: 393]; монг. *цэлмэг тэнгэр* [БАМРС IV, 2002: 287] / ойр. *целмег теңгер* [Тодаева 2001: 426] / калм. *целмг теңгр* [КРС, 1977: 631] ‘чистое, ясное небо’; монг. *цэлмэг өдөр* [БАМРС IV, 2002: 287] / ойр. *целмег өдөр* [Тодаева 2001: 426] / калм. *целмг өдр* [КРС, 1977: 631] ‘погожий день; безоблачный день’; монг. *цэлмэг шөнө* [БАМРС IV, 2002: 287] / ойр. *целмег сөө* [Тодаева 2001: 426] / калм. *целмг сө* [КРС, 1977: 631] ‘ясная ночь’. Например: монг. *Цэлмэг тэнгэрт нар мандаж, салхин өмнөөс сэрчигнэнхэд уулын энтээ сүүдэр тусаж байхад, өрнө уулын улбар туяа тусжээ* [МНК]. ‘Когда **на ясном небе** взошло солнце и поднялся ветер, на горы легла тень, красновато-желтый свет гор отразился на западе; ойр. *Хээ, өнөдөр назар огторхуу ишме сээхен целмег бээхлээ, баса хур оронаа гегжи йуу?* Когда сегодня небо такое **чистое**, безоблачное, думаешь, пойдёт дождь? [Тодаева 2001: 393].

В современном монгольском языке лексема *цэлмэг* в переносном значении употребляется в таких словосочетаниях, как *цэлмэг ухаан* ‘ясный ум’, *цэлмэг нүд(эн)* ‘ясные глаза’, а также в составе фразеологизмов, например, *цэлмэг үг* ‘красноречие’: *Хаанаас чинь ийм цэцэн цэлмэг үг гардаг юм бэ гэж?* [МНК]. ‘Откуда берется такое **красноречие**?’

Sarayul ‘светлый, ясный’. Значение этого прилагательного совпадает во всех рассматриваемых языках:

Значения: письм.-монг. *sarayul* ‘светлый, ясный’ [Ковалевский II, 1846: 1333]; монг. *саруул* ‘светлый, ясный; незатемнённый’ [БАМРС III, 2001: 97]; стп.-калм. *sarūl* ‘светлый, ясный (о ночи)’ [Позднеев 1911: 149]; ойр. *саруул* ‘светлый, ясный; светло, ясно’ [Тодаева, 2001: 289]; бур. *һаруул* ‘светлый, ясный’ [БРС, 2008: 552]; калм. *сарул* ‘светлый, ясный (напр. о ночи)’ [КРС, 1977: 443].

В монгольских языках данная лексема в связи с погодой употребляется в основном для обозначения **ясной погоды ночью**, то есть характеризует определенное время суток. В этом особенность данной лексемы. Например: письм.-монг. *sarayul söni* [Ковалевский II, 1846: 1333] / монг. *саруул шөнө* [БАМРС III, 2001: 97] / ойр. *саруул сөө* / бур. *һаруул һүни* ‘светлая ночь’ / калм. *сарул сө* ‘светлая ночь’. Например: монг. *Өдөр мэт саруул шөнө Ононы шугуйг нэгжин бэдрэв* [МНК]. ‘Светлой ночью, как днем, чащи Онона прочесывали и вели поиски’; ойр. *сөөһиин саруулда йоваад ирехе* ‘съездить, пока ночь светла’ [Тодаева, 2001: 289]; калм. *Кермнэ цоксн домбрт эдн урднь чигн хая-хая бишлжэ йовла, сарул сө ирсн цагтан* «Цаган монда» *нааддцхадг бээсмн* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘Под звуки наигрышей Кермен они раньше иногда танцевали, и когда наступала светлая, ясная ночь, играли в игру «Цаган монда»’; *Сарул чилгр намрин сөөднь өдрин салькн номһрна*. ‘Дневной ветер затихает в ясную осеннюю ночь [КРС, 1977: 443].

В ойратском и калмыцком языках от данного прилагательного образуются глаголы: ойр. *саруулдаха* (*саруулдаху*); *саруушиха* (*саруушиху*) ‘светлеть, проясняться’ [Тодаева, 2001: 289] / калм. *сарулдх* ‘светлеть, проясняться, яснеть’ [КРС, 1977: 443]. Например: ойр. *Хур гишгээд теңгер саруулдава*. ‘Дождь перестал, и небо прояснилось’ [Тодаева, 2001: 289]; калм. *теңгр сарулдв* ‘небо прояснилось’ [КРС, 1977: 443].

В переносном значении лексема используется при обозначении ясности ума, взора, светлости души: монг. *ухаан саруул болох* ‘прояснение в мыслях’ [БАМРС III, 2001: 97]; *харцнь саруул болов* ‘взор прояснился’ [БАМРС III, 2001: 97]; ойр. *Сээхен йөрээлээн тэвдег саруул чеежитээ кегшидтээ, саңсарта санаа дүүлэгсен сээн белгетээ баһачуудтаа*. ‘Есть у нас мудрые старцы **со светлой душой**, высказывающие молодым людям добрые пожелания’ [Тодаева, 2001: 139]; *Сээхен зүсетээ болва чиге саруул ухаан чимегтээ*. ‘Хотя лицом и красив, но украшает **ясный ум**’ [Тодаева, 2001: 289]; калм. *Энд тиньгр, сарул сээхн, цаһан седлктэ амтн бээнэ гижэ келжэ болхмн* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Можно сказать, что здесь находятся жизнерадостные, добрые люди со светлой душой’.

Tungyalay (tungyal-lay) ‘прозрачный, чистый, ясный’. Семантика прилагательного совпадает полностью во всех языках:

Значения: письм.-монг. *tungyalay* ‘ясный, светлый’ [Лессинг, 1960: 842]; монг. *тунгалаг* ‘чистый, прозрачный, светлый, ясный’ [БАМРС III, 2001: 254]; ойр. *туңһалаг (туңһалаг)* ‘чистый, прозрачный; светлый’ [Тодаева, 2001: 341]; бур. *тунгалаг* ‘чистый, прозрачный, светлый, ясный’ [БРС, 2008: 256]; калм. *туңһалаг* ‘чистый, прозрачный, светлый, ясный’ [КРС, 1977: 518].

Из множества представленных значений данной лексемы в монгольских языках зафиксированы словосочетания, имеющие отношение к погоде. Например: монг. *тунгалаг сар* ‘месяц ясный’; *тунгалаг тэнгэр* ‘ясное небо’ [БАМРС III, 2001: 254]; ойр. *Сарани туңһалаг болва чиге нарани герелтээ дүңцехе йуу?* ‘Хотя **луна** и **светла**, но может ли она сравниться со светом солнца’ [Тодаева, 2001: 289].

Dul ‘ясный, теплый, безветренный’. В калмыцком языке наблюдается сужение значения (теплый, безветренный).

Значения: письм.-монг *dul [duli, duliya]* ‘ясный, безветренный’ [Лессинг, 1960: 273; ЭСМЯ, 2015: 198]; монг. *дул* ‘ясный, безветренный (о погоде)’ [БАМРС II, 2001: 67]; стп.-калм. *dul* ‘теплый’ [Ramstedt, 1935: 101];

калм. *дул* [ЭСМЯ I, 2015: 198] ‘тёплый, безветренный’. В тюркских языках подобные значения встречаются в «кирг. *жылы-* теплеть; эвк. *дүл-* подниматься, пригревать (о солнце)» [ЭСМЯ I, 2015: 198].

Словосочетания с данной лексемой наблюдаются в отдельных монгольских языках. Например: монг. *дул өдөр* ‘безветренный ясный день’; *дул ургах* ‘вдруг быстро проясняться (о погоде) небо’ [БАМРС II, 2001: 67]; *дулиа болох / дулиа ургах* ‘быстро проясниться (о погоде); внезапное прояснение неба’ [БАМРС II, 2001: 69]. Также в монгольском языке присутствует глагольная форма, образованная от этого прилагательного: монг. *дулиарах* ‘внезапно проясниться (о небе)’ [БАМРС II, 2001: 69].

Gegen ~ *gegegen* ‘светлый, ясный, яркий’. В зависимости от языка и контекста может функционировать как прилагательное и как существительное. Прилагательное с его характеризующей семантикой может определять погодные явления.

Значения: письм.-монг. *gegege(n)* ‘светлый, яркий’ [Лессинг, 1960: 273]; *gegen* ~ *gegegen* ‘светлый, ясный, яркий’ ЭСМЯ, 2016: 40]; монг. *гэгээн* ‘светлый; чистый; ясный’ [БАМРС I, 2001: 477]; даг. *гэгэн* ‘свет; светлый, ясный’ [Тодаева, 1986: 131]; мнгр. *гегён* ‘свет; светлый’ [Тодаева, 1973: 322]; баоан. *гэган* ‘свет, светлый’ [Тодаева 1964: 137]; ойр. *гэгээн* ‘свет, дневной свет’ [Тодаева 2001: 89]; бур. *гэгээн* ‘светлый, ясный’ [БРС, 2008: 235]; калм. *гегэн* ‘свет; дневной, светлый’ [КРС, 1977: 134].

Словосочетания с данной лексемой могут также передавать значения ‘ясной погоды’: монг. *гэгээн тэнгэр* ‘ясное небо’, *гэгээн цагаан өдөр* ‘светлый, ясный день, середь бела дня’ [БАМРС I, 2001: 477]; ойр. *гегээн цагаан өдөр* ‘светлый, ясный день’ [Тодаева 2001: 389]; калм. *гегэн өдр* ‘светлый (ясный) день’ [КРС, 1977: 134]. Например: монг. *Гэгээн цагаан өдөр байснаа гэнэт хав харанхуй шөнө болж*. ‘Был ясный день, и внезапно он превратился в темную ночь’ [БАМРС I, 2001: 473]; ойр. *Гегээн цагаан*

өдөрээр гев гентекен хараңхуутарха. ‘В светлый ясный день вдруг всё помрачнело’ [Тодаева 2001: 389].

От данного слова образуются глаголы: монг. *гэгээрэх* [БАМРС I, 2001: 477] / ойр. *гегээрхе* [Тодаева 2001: 88] / калм. *гегэрх* ‘проясняться; становиться светлым (ясным)’; *гегэтх* ‘быть светлым, светлеть, становиться ясным’ [КРС, 1977: 134]; монг. *тэнгэр гэгээрэв* ‘небо прояснилось’ [БАМРС I, 2001: 477]; ойр. *Теңгер гегээрэжи маңһадар өрүүн болва.* ‘Небо прояснилось, настало утро следующего дня’ [Тодаева 2001: 88].

От основного значения слова *гэгээн* произошел религиозный термин, обозначающий высший сан буддийского духовенства: монг. *гэгээн* ‘один из высших санов буддийского духовенства; титул перерожденца’; *Богд гэгээн* ‘титул буддийского теократического главы Монголии’; *өндөр гэгээн Ундур* (букв. высочайший); *гэгээн эзэн* ‘светлейший государь (титул китайского императора)’ [БАМРС I, 2001: 477]; ойр. *геген* — один из высших санов буддийского духовенства [Тодаева 2001: 89]; калм. *гегэн* ‘геген (один из высших санов буддийского духовенства); светлость, светлейший (вежливое обращение)’ [КРС, 1977: 134].

В данную семантическую группу вошли слова, связанные с лексемой ‘солнце’. Они являются производными от существительных.

Naratai ‘солнечный’

Значения: письм.-монг. *naratai* / монг. *нартай* [БАМРС II, 2001: 399] / ойр. *нартаа* [Тодаева 2001: 77]; бур. *наратай* ‘солнечный, освещённый солнцем’ [БРС I, 2006: 594]; калм. *нарта* ‘солнечный’ [КРС 1977: 369]. Данная лексема является производной от «халх. *нар(ан)*, бур., баоан., *наран*, калм. *нарн*, даг. *нар*, мнгр. *нара* ‘солнце’» [ЭСМЯ II, 2016: 189].

В монгольских языках встречаются такие словосочетания, как монг. *нартай өдөр* ‘солнечный день’ [БАМРС II, 2001: 399] / ойр. *нартаа йиртемжи* ‘солнечная вселенная’ [Тодаева 2001: 77] / бур. *наратай халуун үдэрнүүд* ‘солнечные жаркие дни’ [БРС I, 2006: 594] / калм. *нарта өдр*

‘солнечный день’ [КРС 1977: 369]. Например: монг. *Эн өдөр нартай, жаргалтай өдөр ажээ* [МХДТТ III, С. Эрдэнэ, 2008: 1346]. ‘Сегодня солнечный и счастливый день’; ойр. *Нартаа йиртемэжи будаңһуураад иревээ*. ‘Солнечная вселенная стала покрываться мглой’ [Тодаева 2001: 77]; калм. *Увлин киитн төгсэд, дулан, нарта өдрмүд иржэнэ*. ‘Заканчиваются зимние холода, наступают теплые, солнечные дни’ [НККЯ, Хальмг үнн].

Egebür-tei ‘солнечный’

Лексема *egebür-tei* ‘солнечный’ образована от письм.-монг. *egebür* (*egebür*) [ЭСМЯ, 2015: 207]; монг. *ээвэр* [БАМРС IV, 2002: 443] / ойр. *ээвер* [Тодаева 2001: 77] / бур. *игаабари* [БРС I, 2006: 427] / калм. *ээвр* [КРС, 1977: 705] ‘солнцепек, солнечный’.

В рассматриваемых языках для обозначения солнечной погоды употребляются такие словосочетания, как монг. *ээвэр газар* ‘солнечное место’; бур. *игаабари (дулаан) үдэр* ‘тёплый день’; *игаабари газар* ‘солнечное место’; калм. *ээвртэ өдр* ‘солнечный день’, *ээвртэ нарн* ‘припекающее, согревающее солнце’. Например: монг. *ээвэр газарт суух* ‘сидеть на солнцепёке’ [БАМРС IV, 2002: 443]; ойр. *Ээверте суужуи чадаад хараад йовха*. ‘Не высидев долго на солнцепёке, уйти’ [Тодаева, 2001: 481]; калм. *Тер хойр моһаг серүн һазрт бэржэһэд, ээвртэ өдр нарнд хойраһинь тэвчктн* [НККЯ, К. Эрендженов]. ‘Продержав тех двух змей в прохладном месте, выпустите их в солнечный день на солнце’.

Словосочетание *ээвртэ өдр* ‘солнечный день’, по мнению А.Ш. Кичикова, обозначает ясную, солнечную, теплую погоду, когда пожилые калмычки любили выходить греться на солнце. Этот период называется *эмгдин ээвр цаг* ‘бабье лето’. *Ээвртэ өдрмүд* ‘солнечные дни’ наступали в середине осени и считались хорошим временем для домашней работы. Работу, которую не завершили летом, выполняли в эти замечательные солнечные дни. Эта ситуация отражена в высказывании: *Нам-*

чим тагчг, ээвртэ өдрмүд – ахуд сэн цаг. ‘Тихие, солнечные дни – благоприятное время для домашней работы’ [Кичиков, 1997: 45].

От существительного монг. *ээвэр* / ойр. *ээвер* / бур. *игаабари* / калм. *ээвр* ‘солнцек’ образуются глаголы: монг. *ээвэрдэх* ‘обдавать сильным жаром (на солнцепёке)’, *ээвэрлэх* ‘искать солнцек’, *ээвэртэх* ‘нагреваться от солнца’ [БАМРС IV, 2002: 443]; ойр. *ээверлехе* (*ээбүрилеку*) ‘греться на солнце’ [Тодаева, 2001: 481]; бур. *игааха* ‘греть (только о солнце); греться (на солнце)’ [БРС I, 2006: 427]; калм. *ээврлх* ‘греться на солнце’ [КРС, 1977: 705].

Solungya ‘радуга’

Значения: письм.-монг. *solungya* [Ковалевский 1846: 1400]; монг. *солонго(н)* [БАМРС III, 2001: 109]; мнгр. *солоңбо* [Тодаева 1973: 360]; ойр. *солоңһо* (*солоңһо*) [Тодаева, 2001: 298]; бур. *холонго* [БРС II, 2008: 558]; калм. *солңһ* [КРС, 1977: 454] ‘радуга’.

К данной семантической группе относится обозначение такого метеорологического явления, как радуга, появляющаяся после дождя как предвестник ясной погоды. В монгольских языках встречаются следующие разновидности радуги: монг. *таван өнгийн солонго* ‘пятицветная радуга’ [БАМРС III, 2001: 109], *долоон өнгийн солонго* ‘семицветная радуга’ [БАМРС II, 2001: 49], *эвцэлдсэн солонго* ‘двойная радуга’ [БАМРС IV, 2002: 394]; ойр. *таван өңгии солоңһо* ‘пятицветная радуга’ [Тодаева 2001: 297]; бур. *табан үнгын холонго* ‘пятицветная радуга’ [БРС II, 2008: 558]. Например: ойр. *Таван өңгийн солоңһо татаха*. ‘Протянуть пятицветную радугу’ [Тодаева 2001: 297].

Данный метеоним употребляется с определенными глаголами действия: монг. *солонго татав* ‘радуга протягивается’ [БАМРС III, 2001: 109]; ойр. *солоңһо харва* ‘появилась радуга’; бур. *холонго татаба* ‘радуга протягивается’ [БРС II, 2008: 558].

Встречаются и другие обозначения радуги, образные: монг. *далай уугч* ‘радуга’ (букв. выпивающая море) [БАМРС II, 2001: 24], *эрхэсийн нум*

‘радуга’ (букв. дуга могущественного Хурмусты), *хийн унгарил* ‘радуга’ (букв. атмосферные пушинки) [БАМРС III, 2001: 333], *хийн туг* ‘радуга’ (букв. воздушный флаг) [БАМРС IV, 2002: 80], калм. *доһлң эмгн* ‘неполная радуга’ (букв. хромая старуха).

По поводу калмыцкого названия радуги *доһлң эмгн* (‘букв. хромая старуха’) А.Ш. Кичиков отмечал, что оно неверное, но правдоподобное: так характеризовали неполную радугу, когда одна её «нога» касалась земли, а другая нет. Эта шуточная ассоциативно-образная номинация бытует у калмыков и в настоящее время [Кичиков, 2017: 60].

Помимо глаголов, семантически связанных с ясной погодой, выделяется ряд слов, значения которых указывают на прояснение после ненастья:

– монг. *хаяарах* ‘проясняться вдоль горизонта (о пасмурном небе)’, *туяалах* ‘проясняться (о небе)’, *арилах* ‘проясняться, просветлеть, проясниться, распогодиться’, *онгойх* ‘проясняться’, *гийх* ‘проясняться, засиять, светиться’: *тэнгэр онгойв / тэнгэр арилах* ‘прекращаться (о дожде); проясняться (о небе), рассеиваться (о тучах, дожде); устанавливаться (о хорошей погоде)’, *тэнгэр гийв* ‘небо прояснилось’;

– ойр. *таларха (талараху)* ‘рассеиваться, расходиться; проясняться (о погоде)’ [Тодаева 2001: 371], *сегээрехе (сегеереху)* ‘проясниться (о погоде)’ [Тодаева 2001: 291]: *өрүүнэ будан одаа таларжси йовнаа* ‘утренний туман теперь начинает рассеиваться’ [Тодаева 2001: 371], *үүлен сегээрвээ* ‘тучи рассеялись’ [Тодаева 2001: 371];

– калм. *сегэрх* ‘проясниться (о погоде)’ [КРС 1977: 446]; *талрх* ‘рассеиваться’ [КРС 1977: 474].

ПАСМУРНАЯ ПОГОДА (всего 19 лексических единиц)

Пасмурный означает «с облаками, закрывающими небо; сумрачный» [<https://kartaslov.ru/>]. Это значение в монгольских языках закреплено за определенными словами.

***Bürküg* ‘пасмурный, сумрачный, мрачный (о погоде), облачный, тёмный’**

Значения: письм.-монг. *bürküg* (*bürkü-g*) ‘темный, мрачный, сумрачный, пасмурный’ [Ковалевский II, 1846: 1263] / монг. *бүрхэг* ‘пасмурный, сумрачный, мрачный (о погоде); облачный’ [БАМРС I, 2001: 306] / ойр. *бүркег* (*бүркүг*) ‘пасмурный, облачный, хмурый’ [Тодаева, 2001: 87] / бур. *бүрхэг* ‘пасмурный; облачный’ [БРС I, 2006: 166] / калм. *бүркг* [КРС, 1977: 129] ‘пасмурный, облачный’. В кирг. *бүркөк* ‘покрытый; пасмурный’ [ЭСМЯ, I, 2015: 125].

В монгольских языках с лексемой монг. *бүрхэг* / ойр. *бүркег* (*бүркүг*) / бур. *бүрхэг* / калм. *бүркг* ‘пасмурный, сумрачный, мрачный (о погоде), облачный, тёмный’. встречаются такие словосочетания, как монг. *бүрхэг өдөр* ‘пасмурный день’ [БАМРС I, 2001: 306], *бүрхэг өглөө* ‘пасмурное утро’ [БАМРС III, 2001: 7], *тэнгэр бүрхэг* ‘сплошь покрытый облаками, облачный’ [БАМРС III, 2001: 288], *бүрхэг шөнө* ‘беззвездная ночь’ [БАМРС IV, 2002: 372]; ойр. *бүркег өдөр* ‘пасмурный день’ [Тодаева, 2001: 87], *бүркег огторхуу* ‘пасмурное небо’ [Тодаева, 2001: 87], *бүркег теңгер* ‘пасмурное небо’ [Тодаева, 2001: 442]; бур. *бүрхэг үдэр* ‘пасмурный день’ [БРС II, 2008: 326], *бүрхэг үдэш* ‘пасмурный вечер’; *бүрхэгшээг үдэр* ‘серенький (пасмурный) день’ [БРС I, 2006:]; калм. *бүркг өдр* ‘пасмурный день’ [КРС, 1977: 129].

Примеры употребления лексемы *бүрхэг* в художественном тексте: монг. *Дээр тэнгэр бүрхэг, доорнь салхи сэвсгэр, аягүй бол унах хяруу өнөө шөнө ч байх нь уу гэмээр* [МНК]. ‘Небо над головой **затянуто облаками**, внизу дует легкий ветер, ночью все еще стоит морозец’; ойр. *Бүркег өдерииги сөөде бодвал бүке жилиин сөөни олон санжси*. ‘Если **пасмурные дни** принять за ночи, то в году больше будет ночей’ [Тодаева 2001: 300]; калм. *Бүркг, киитн нег өдрәр, үсарәд оржасн хур дотр эднәһүр булһар курткста, улан альчурта, эгиләд хәәчлсн үстә күүкд улс ирцхәв* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. ‘В один **пасмурный** холодный день, во время затяжного

мелкого дождя к ним пришли женщины с одинаковой прической в юфтевой куртке и красном платке’.

Лексема монг. *бүрхэг* / ойр. *бүркег (бүркүг)* / бур. *бүрхэг* / калм. *бүркг* происходит от глагола монг. *бүрхэх* / ойр. *бүркехе* / бур. *бүрхэхэ* / калм. *бүркх* ‘покрывать, заволакивать; покрывать, прикрывать, накрывать: монг. *тэнгэр бүрхэх* ‘мрачнеть, затягиваться облаками (о небе); становиться пасмурной (о погоде)’, *тэнгэр бүрхлээ* ‘небо заволокло тучами’, *үүл бүрхэх* ‘затягивать облаками, покрываться тучами, заволакивать (об облаках)’ [БАМРС I, 2001: 306]; ойр. *бүркехе (бүркүкү)* ‘заволакивать, заволочь’; бур. *бүрхэхэ* ‘покрываться, заволакиваться (облаками); становиться пасмурным’ [БРС I, 2006: 166]; калм. *бүркх* ‘заволакивать’ [КРС, 1977: 129]. Примеры употребления глаголов *бүрхэх / бүркехе / бүркх* в художественном тексте: *Теңгершиги утаан бүркевээ*. ‘Небо заволокло дымом’ [Тодаева, 2001: 87]; *Теңгер хара үүлээр бүркегдеваа, хур күлээтен*. ‘Небо покрылось тучами, ждите дождя’ [Тодаева, 2001: 87]; *Теңгр үүлэр бүркгдв*. ‘Небо покрылось тучами’ [КРС, 1977: 129].

От данной лексемы имеется ряд производных глаголов: монг. *бүрхэглэх* ‘становиться пасмурной (о погоде), мрачнеть, затягиваться облаками (о небе)’ [БАМРС I, 2001: 306]; ойр. *бүркеглехе (бүркүглекү)* становиться пасмурным, облачным; заволакиваться, покрываться тучами [Тодаева, 2001: 87].

Парное слово *манг-түнг* в калмыцком языке имеет значение ‘неясный, пасмурный’ [КРС, 1977: 341]. Например: *манг-түнг өдр* ‘пасмурный день’.

В языке ойратов Синыцзяня пасмурные дни сравниваются с ночами и грустью на душе. Например: *Наран угаа бүркег өдеришиги сөөһээр бодовал сөөни олон биши йуу?* ‘Если принять пасмурные дни за ночи, то ночей ведь больше, чем дней?’; *Үүле дегдервел огторһуу бүркег, үге муурвал седкел бүркег* ‘Когда плывут облака – небо пасмурное, когда слова недобрые – на душе мрачно’ [Тодаева, 2001: 87].

***Büdeger* ‘облачный, пасмурный’**

Значения: письм.-монг. *büdeger* ‘облачный, пасмурный’ [ЭСМЯ, I, 2015: 121]; монг. *бүүдгэр* ‘облачный, пасмурный; затуманенный, неясный; тусклый, матовый, мутный; хмурый, осовелый; *тэнгэр бүүдгэр* ‘слегка облачный (о небе)’ [БАМРС I, 2011: 310]. Например: *Өвлийн бүүдгэр өглөөний гэрэл гэгээ бараг нэвтэрч ядан бүүдийнэ* [МНК]. ‘Свет пасмурного зимнего утра почти непроницаем’; *Гэтэл өглөөнь үл мэдэг бороо шивэрсэн маш бүүдгэр өдөр* эхлэв [МХДТТ I, 2008: 410]. ‘Утром начался **очень пасмурный день** с небольшого дождя’.

Лексема монг. *бүүдгэрдэх* ‘становиться пасмурным; быть слишком тусклым’ является производной от слова *бүүдгэр*.

***Düingsügür* ‘сумрачный, пасмурный, мрачный’**

Присуца только монгольскому языку: письм.-монг. *düingsügür* ‘мрачный’ [Лессинг 1960: 281]; монг. *дүнсгэр* ‘мрачный, пасмурный, сумрачный’. Данная лексема встречается в современном монгольском языке: *дүнсгэр өдөр* ‘хмурый, пасмурный день’, *дүнсгэр тэнгэр* ‘хмурое небо; пасмурная погода’.

НЕНАСТНАЯ ПОГОДА (всего 14 лексических единиц)

К ненастной погоде мы отнесли лексемы, обозначающие дождливую, холодную погоду, сопровождаемую ненастьем.

***Boruyā-tai* ‘дождливый, ненастный’**

Значения: *boruyā-tai* / монг. *бороотой* [БАМРС I, 2001: 267]; ойр. *бораатаа* [Тодаева 2001: 157] / бур. *бороотой* [БРС I, 2006: 142]; калм. *бората* [КРС, 1977: 110] ‘дождливый; ненастный’ образована от «письм.-монг. *boruyān* [**boru-γan*], халх., бур. *бороо(н)*, калм. *боран* ‘дождь, ливень, (иногда) пурга’» [ЭСМЯ, 2015: 100].

С данным прилагательным встречаются следующие словосочетания: монг. *бороотой зун* ‘дождливое лето’ [БАМРС I, 2001: 267], *бороотой өдр* [МНК] ‘дождливый день’, *бороотой шөнө* [МНК] ‘дождливая ночь’; ойр.

хур-бораатаа өдөр ‘дождливый день’ [Тодаева 2001: 157]; калм. *бората өдр* ‘ненастная погода’ [КРС, 1977: 110], *бората үвл* ‘ненастная (снежная зима)’ [КРС, 1977: 110], *бората теңгр* ‘ненастное небо’ [КРС, 1977: 544], *цаста бората шуурһн* ‘ненастная метель’ [НККЯ]. Примеры употребления лексемы *бороотой* / *бората* в художественном тексте: монг. *Өдөртөө түр зуурын бороотой* ‘Днём ожидаются кратковременные дожди’; калм. *Увлин теңгр бората болдг гишң эн өдрмүдт хаза невчк дуларсн бийнь цасн икэр орад, таңһчин ар үзгин райодт шуурһн шуурад, малчнрт ик зовлң учрав* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Как говорится, зимняя погода всегда **ненастная**, и в эти дни, несмотря на то что на улице потеплело, пошел сильный дождь, в северных районах замело, это доставило много проблем животноводам’.

В монгольских языках встречаются такие глаголы, как монг. *борооших* ‘становиться дождливой (о погоде), увеличиваться, учащаться (о дождях)’; ойр. *бораатаха (бороотаху)* ‘наступать (о непогоде)’, *бораашиха (бороошиху)* ‘устанавливаться (о ненастной погоде, дожде)’ [Тодаева, 2001: 157]; бур. *бороотохо* ‘идти – о дожде, дождить’ [БРС I, 2006: 142]; калм. *боралх* ‘бушевать (о непогоде); ехать при плохой погоде (в бурю, ливень)’, *боратх* ‘наступать (о непогоде)’ [КРС, 1977: 110]. Например: ойр. *Эне жил эртээр бораатава*. ‘В этом году рано наступило **ненастье**’; *Бораатхааса өмнө ахууһаан кехе*. ‘Закончить домашние дела, пока не разразилась **непогода**’ [Тодаева, 2001: 72].

К данной группе лексем следует отнести и производные слова от существительного ‘ветер’, обозначающие ненастную погоду.

Salkitei ‘ветренный’

Значения: письм.-монг. *salkitei* / монг. *салхитай* [БАМРС III, 2001: 81]; ойр. *салькитаа* [Тодаева, 2001: 157]; бур. *халхитай* [БРС II, 2008: 543]; калм. *салькта* [КРС, 1977: 438] ‘ветренный (о погоде)’.

В монгольских языках употребляются различные сочетания с данной лексемой: монг. *салхитай өдөр* [МНК]; ойр. *салькитаа өдөр* [Тодаева, 2001:

157] / калм. *салькта өдр* [КРС, 1977: 438] ‘ветренный день: Например: ойр. *Өнөдөр кецүү салькитаа өдөр*. ‘Сегодня очень **ветренный** день’; калм. *Киитн салькта өдр билэ, тер бийнь цеггчнр эврәннь даалһвран сээнэр күцэв*. [НККЯ, Хальмг үнн]. ‘Был холодный **ветренный** день, несмотря на это, солдаты свое задание выполнили хорошо’.

***Adqur* ‘хмурый, мрачный’**

Значения: письм.-монг. *adqur* ‘хмурый, мрачный’ [ЭСМЯ, 2015: 36]; ойр. *amhar* ‘хмурый, невеселый’ [Тодаева, 2001: 41]; калм. *amxp* ‘угрюмый, мрачный, хмурый’ [КРС, 1977: 56]. Первичное значение – качество человека, вторичное – характеристика погодного явления. Например: калм. *Эндр теңгрин бээдл amxp* ‘Сегодня небо **пасмурное**’; *Өдр болһн энд иим amxp, буркг, нарна толян уга болдг бээдлтэ», гисн ухан толһадм торлзжэ орв* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Я подумал о том, что здесь каждый день **пасмурно**, облачно и, видимо, не бывает солнечных лучей’.

Итак, ЛСГ «Состояние погоды» включает 102 лексические единицы.

Монголоязычная языковая личность, чья жизнь и хозяйственно-экономический уклад был связан и во многом зависим от состояния окружающего мира и погоды, в своей языковой картине мира последовательно и всесторонне использовала характеристики состояния погоды для того, чтобы адекватно отразить увиденное. Задействовав данные лексем в переносном значении, метафорично, номад таким образом обогащал язык. Об этом свидетельствует представленное лексико-семантическое и лингвокультурологическое поле лексем состояния погоды традиционного представителя монгольских народов.

Наблюдения над языковым материалом показали, что в основном значения приведенных ниже лексем в монгольских языках эквивалентны. Отсутствие безэквивалентных лексических единиц в ЛСГ обусловлено сходством восприятия окружающего мира монголоязычных народов.

Анализ прилагательного *sarayul* 'светлый, ясный' выявил присутствие дифференциальной семы *ночное время суток*. Во всех монгольских языках данная лексема в связи с природным состоянием среды употребляется для обозначения ясной погоды ночью, то есть характеризует определенное время суток. В этом национальная особенность данной лексемы.

Денотативный компонент проанализированных лексем был приведен в словарных статьях и высветил конкретные свойства, признаки предмета; коннотативный компонент (эмоционально-оценочный, связанный с дополнительным ассоциативным значением) довольно прозрачен (ясный-пасмурный-ненастный) и четко прослеживается в контекстах; функциональный компонент традиционный – наименование качества предмета/явления и эстетическая функция (эпитеты, метафоры в художественной сфере и пространстве повседневной коммуникации).

2.2. Температура воздуха

Эта ЛСГ организована словами, квалифицирующими температурный уровень воздуха в диапазоне характеристик *жаркий – теплый – прохладный – холодный*.

Одной из важнейших семантических характеристик лексической системы языка является понятие температуры. Температура – особый феномен, общечеловеческий по охвату. Это признак физического мира и температурной чувствительности человека, определяющий «динамику потребностей в определенных температурных условиях, на основе которых вырастает потребность человека в одежде и жилье» [Ананьев, 2001: 1]. Так что температурные слова есть неотъемлемая составляющая языковой картины мира. При изучении температурной семантики очень важна роль контекста в качестве языкового, семантического фактора, моделирующего действительность и актуализирующего нужный ЛСВ. Рассмотрим первую лексико-семантическую подгруппу, включающую общую сему *жаркий*.

ЖАРКИЙ (всего 52 лексические единицы)

Жаркий – это источающий жару, зной. Знойный, с сильно нагретым, раскаленным воздухом [<https://kartaslov.ru/>].

Этот признак в анализируемых монгольских языках представлен определенными лексемами.

***Qalayuun (qala-yun)* ‘зной, жар; горячий, жаркий’**

Значения: письм.-монг. *qalayuun (qala-yun)* [ЭСМЯ, 2018: 23], *xalagun* ‘горячий, теплый; зной, теплота’ [Лессинг, 1960: 916]; монг. *халуун* ‘жара, зной; жаркий, знойный, горячий’ [БАМРС IV, 2002: 29]; даг. *халун* / дунс. *калун* / мнгр. *халуң* ‘горячий, жаркий’ [ЭСМЯ, 2018: 23]; ойр. *халуун* ‘жара, зной; жаркий, знойный; горячий’ [Тодаева 2001: 381]; бур. *халуун* ‘жара, жар, зной; жаркий, знойный, горячий’ [БРС II, 2008: 386]; стп.-калм. *халун* ‘горячий, горящий’ [Рамстедт, 1935: 164]; калм. *халун* ‘жара, зной; жаркий, знойный; горячий’ [КРС, 1977: 570].

Лексема монг. *халуун* / ойр. *халун* / бур. *халуун* / калм. *халун* ‘жара’ употребляется и как имя существительное, и как имя прилагательное, т.е. является синкретической формой, при этом семантика лексемы во всех языках эквивалентна. Как имя прилагательное слово употребляется в различных словосочетаниях в определительной функции и характеризует высокотемпературное состояние воздуха, характерное для летнего периода:

– монг. *халуун ган* ‘засушливое, знойное время, засуха’, *халуун дулаан уур амьсгал* ‘жаркий климат’, *халуун өдөр* ‘жаркий день’, *халуун салхи* ‘знойный ветер’ [БАМРС IV, 2002: 29]. Например: монг. *Халуун өдөр болох аятай байна лээ* [МНК]. ‘День обещает быть **жарким**’;

– ойр. *халуун наран* ‘жаркое солнце’ [Тодаева, 2001: 45], *халуун өдөр* ‘жаркий день’ [Тодаева, 2001: 381], *халуун зун* ‘жаркое лето’ [Тодаева, 2001: 165]. Например: ойр. *Өнөдөр онцоһаа халуун өдөр*. ‘Сегодня исключительно **жаркий день**’ [Тодаева, 2001: 261];

– бур. *халуун намар* ‘жаркая осень; начало осени’ [БРС II, 2008: 387], *зунай халуун үдэр* ‘жаркий летний день’ [БРС I, 2006: 409], *халуун халхин* ‘знойный ветер’ [БРС II, 2008: 543];

– калм. *халун өдр* ‘жаркий день’ [КРС, 1977: 570], *халун зун* ‘жаркое лето’ [КРС, 1977: 256], *халун нарн* ‘жаркое солнце’ [КРС, 1977: 273], *халун салькн* ‘горячий ветер’ [КРС, 1977: 570], *халун цаг* ‘жаркое время’ [КРС, 1977: 570]. Например: калм. *Хаврин хар бальчг халун нарнд хатад, шавр болад, шаврасн үүрэд, шора болжс бүргнэ* [НККЯ, К. Эрендженов]. ‘Весенняя грязь, высохнув **под жарким солнцем**, разлетается мелкими пылью’.

Итак, это качественное прилагательное со значением высокой температуры сочетается с определенными существительными: *день, лето, солнце, ветер, время* (как *определенный период, сезон времени года*), – реализуя свое первое непроизводно-номинативное значение.

Как существительное данная лексема реализует сочетаемость с такими прилагательными, как монг. *их* / ойр. *ике* / калм. *ик* ‘сильный’; монг. *хүчир* / ойр. *күчир* / калм. *күчр* ‘сильный, знойный’; ойр. *бүтүү* / *бүтеңгүү* (*бүтеңгей*) / калм. *бүтү* ‘душный’; монг. *догшин* / ойр. *догшин* / калм. *догшин* ‘сильный, резкий’; монг. *аагим* / ойр. *экем* / калм. *аагм* ‘душный, знойный’, монг. *бүгчим* / калм. *бүгжсим* ‘душный, спертый’, *пүү халуун* ‘знойный и безветренный’, характеризую жаркую погоду с высокой степенью проявления жары (неимоверную, сильную, изнуряющую, выматывающую). Примеры употребления лексем *халуун* / *халун* в художественном тексте: монг. **Өдөр даанч бүгчим халуун байсан юм** [МНК]. ‘**День** был такой **душный и жаркий**’; ойр. *Зуниин күчир халуу болва*. ‘Наступил **сильный** летний **зной**’ [Годаева, 2001: 381]; калм. *Догшин халуна хөөн намрин серүн өдрмүд ирв* [НККЯ, К. Эрендженов]. ‘**После сильной, изнуряющей жары** наступили осенние прохладные дни’.

Дальше мы наблюдаем развитие переносно-метафорических значений (ЛСВ) этого слова. Рассматриваемая лексема может употребляться и в

переносных значениях: монг. *халуун* / ойр. *халун* / бур. *халуун* / калм. *халун* ‘сердечный, душевный, искренний, дружеский’: бур. *халуун баяр* ‘горячий привет; сердечная благодарность’; калм. *халун зүрхнэс* ‘от чистого сердца’, *халун мөнд* ‘горячий (сердечный) привет’, *халун нульмөн* ‘искренние слезы’. Примеры переносного употребления лексемы *халуун* / *халун* в художественном тексте: ойр. *Надааса ахадаан халуун менде келе*. ‘Передай от меня своему старшему брату **сердечный привет**’ [Тодаева, 2001: 381]; калм. *Сэн өдрлэти халун зүрхнэсн йөрэжэнэв!* ‘**От чистого сердца** поздравляю с вашим знаменательным днем’ [НККЯ, Хальмг үнн, 2006-10-14].

Именное словосочетание ойр. *халуун цусатаа* / калм. *халун цуста* ‘букв. с горячей кровью’ характеризует не только вспыльчивого, необузданного, легко возбудимого человека, но и человека, полного энергии и жизни. Например: ойр. *Халуун цусани оргилан, хамаг бийени ирвээтервээ*. ‘Горячая кровь его бурлила, его всего знобило’ [Тодаева, 2001: 263]; калм. *Халун цуста, амд зүрктэ күн йир хамаран хэлэжэһэд тиим нүл уга адустур харан өргдв?* ‘Человек с живым сердцем, горячей кровью куда глядя бьет безобидных животных’ [НККЯ. К. Эрендженов].

Данная лексема часто встречается в устойчивых сочетаниях. Фразеологические единицы: монг. *халуун дээр нь* ‘по горячим следам’ [РМФС, 1970: 450], *халуун мөрөөр нь* [БАМРС II, 2001: 348], *халуун сэрэг дээр нь* [БАМРС III, 2001: 161] / калм. *халун мөрэрнь* [КРС, 1977: 570], *халун чикн деернь* ‘по горячим следам’ [ФСКЯ, 2019: 217], *халун өсрң деернь* [НККЯ] ‘букв. по горячим следам’ означает ‘действовать немедленно, быстро, сразу, без промедления. Например: *Халун өсрң деернь ханьцад хууртн гижэ бидн чамд келлэхн* ‘Я же тебе говорил, что **по горячим следам**, сразу сходитесь’ [НККЯ, К. Эрендженов].

В монгольских языках часто встречаются фразеологические единицы со значением преодоления жизненных трудностей, включающие данную

лексема: ойр. *халуун-киитенииги үзехе* / калм. *халун киитн хойриг үзх* [ФСКЯ, 2019: 217] ‘испытать в жизни всё, познать все невзгоды, испытать тяжкую жизнь’ [Тодаева, 2001: 381]; калм. *халун-киитнь даах* ‘терпеть невзгоды, тяготы’ [ФСКЯ, 2019: 216]; монг. *хал үзэж халуун чулуу долоох* [БАМРС III, 2001: 399] / калм. *халун чолу долах* [ФСКЯ, 2019: 217] ‘букв. лизать раскаленный камень; испытывать жизненные невзгоды, терпеть муки, переживать трудности’.

Примеры употребления приведенных фразеологизмов в художественном тексте: ойр. *Кен надааса үлүү халуун-киитенииги үзевэ болһанаа чи?* ‘Кто, думаешь, **испытал больше** меня **невзгод?**’ [Тодаева, 2001: 381].

Для выражения испуга, страха используются такие фразеологизмы с компонентом *халун*: калм. *халун уснд бийэн шатаснла эдл ээх* ‘испугался (букв. словно ошпарился кипятком)’; *халун цог бэрсн мет* ‘букв. подобно держанию горячих углей’ [КРС, 1977: 570].

Лексема *халун* встречается в пословицах и поговорках монголоязычных народов, когда аналогией жизненной ситуации становится определенное состояние природы: ойр. *Уулас һарсн нарн халун, өтлэд авсн эм амрг.* ‘**Солнце, которое поднялось над горой, греет жарче** – женщина, на которой женился в старости, горячо любима’ [Тодаева, 2007: 27]; ойр. *Нарн халун болв чиг хээс буслһдг уга, нээж эңкрэ болв чигн авальта теңцх уга.* ‘**Хотя солнце сильно греет, но пища в котле не закипит** – хотя подруга и любима, но не сравнится с первой женой’ [Тодаева, 2007: 35]. Калмыцкие пословицы *Үдин хөөн халун уга.* ‘После полудня не бывает **жары**’ [Тодаева, 2007: 211]; *Үдэс үлү халун уга, үкснэ хөөн жүрһл уга.* ‘После полудня не бывает **жары**, после смерти не бывает счастья’ [Тодаева, 2007: 169] эквивалентны значению ‘после драки кулаками не машут’.

В пословицах монг. *төмрийг халуун дээрнь давт; ямааны мах халуун дээрээ* [БАМРС II, 2001: 118] / бур. *түмэрэй халуун дээрэ дабта* [БРС II,

2008: 387]; калм. *тәмриг халун дээрнь давтдг* [КРС, 1977: 513] реализуется значение ‘куй железо, пока горячо’. В монгольской пословице сравниваются свойства железа и мясо козы. Железо после нагревания быстро остывает, как и козлятина, которую нужно есть сразу, пока она горячая. Философский смысл пословицы заключается в достижении цели, решении важного вопроса в подходящем моменте.

***yang* ‘засуха, бескормица по ее причине’**

Засуха – длительный и значительный недостаток атмосферных осадков по сравнению с нормой, чаще при повышенной температуре и пониженной влажности воздуха [<https://kartaslov.ru/>]. Для кочевых народов это явление могло обернуться трагедией – падежом скота, быстрым лишением средств к существованию. Кочевники, как правило, обитали в ареалах с засушливым климатом (степи, полупустыни, высокогорные районы). Тяжелый опыт отразился и закрепился в языке и заставил скотоводов выработать традиционную стратегию для борьбы с засухой – сезонные перемещения. Рассмотрим специфику семантики и функционирования этого понятия:

Значения: письм.-монг. *yang* [кит. (?) *gang*], халх., бур. *ган(г)* ‘засуха, бескормица от засухи’ [ЭСМЯ, 2016: 19]; ойр. *һаң* ‘засуха, бескормица’ [Годаева, 2001: 100]; бур. *ган* ‘засуха, бездождье; бескормица от засухи’ [БРС I, 2006: 193]; калм. *һаң* ‘засуха, бескормица (от засухи); засушливый, знойный’ [КРС, 1977: 156].

Как видим, слово имеет предметное значение состояния среды (сущ. *засуха, бескормица*) и семантику признака (прил. *засушливый, знойный*).

Данная лексема в контексте часто реализует значение ‘неимоверный зной, жара’, характеризуя жаркую погоду с высокой степенью проявления температурного качества, в результате которой наступает засуха и бескормица. Например: монг. *Ядахдаа ган болоод тариа нь ч ургасангуй* [МНК]. ‘Была сильная **засуха**, не удалось собрать урожай’; ойр. *Уржиганан жчил манаа энде ике һаң болва*. ‘В позапрошлом году у нас здесь была

сильная **засуха**’ [Тодаева, 2001: 100]; калм. *Зуна эн өдрмүдт хаза **һаң** зогсжана* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘В эти летние дни на улице стоит **зной**’.

Неблагоприятные погодные условия, сильно влиявшие на образ жизни номада, отразились в языке, приняв форму устойчивых выражений. В сочетании с существительным монг. *халуун* / ойр. *халуун* / бур. *халуун* / калм. *халун* ‘жара, зной’ образовались следующие фразеологизмы: бур. *ган халуун* ‘жара, зной’; калм. *һаң халун* ‘жара, зной’, *һаң ик халун* ‘неимоверная духота, жара, зной’. Например: калм. *Зуг эн өдрмүдт **һаң халун** болад, эдн көдлмишэн невчк зогсах зөвтә болв* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘В эти дни наступила **неимоверная жара**, и они вынуждены были приостановить свою работу’. Значение ‘невыносимая жара, палящий зной’ реализуется и в эквивалентных фразеологизмах с общей внутренней формой: ср. монг. *нохой гаслам халуун* ‘невыносимая жара, палящий зной (букв. жара, заставляющая даже собаку взвизгивать) [БАМРС I, 2001: 392] – калм. *ноха һаңньм халун* ‘палящий зной, невыносимая жара’ [ФСКЯ, 1990: 69] (букв. жара такая, что собака завизжит)’ [КРС, 1977: 157].

О сложностях испытания засухой свидетельствует данный отрывок из произведения К. Эрендженова «Аңһучин көвүн (Сын охотника)»: «В такой летний жаркий день, вода в ямах и лужах, образовавшаяся после дождя, доходит до кипения. В такую жару невозможно ходить без головного убора, босиком, так как земля настолько горячая, что обжигает пятки. Коровы, подняв хвосты, бегают от овода, овцы, прячась в тени друг друга, тяжело дыша, стоят, собравшись в кучу. В такой неимоверный зной мираж в степи мерцает неясно. Воздух к обеду становится подобен пару из кипящего котла. Но именно в такую неимоверную жару, в палящий зной, кочевники ходили охотиться на волков. Это было самое благоприятное время для охоты на волков. Охотник всегда возвращался с добычей, так как неимоверная жара изнуряла и животных [Эрендженов, 1974: 3].

Г.Ц. Пюрбеев в эпосе «Джангар» выделяет такие метеонимы, как *haңду* ‘засуха’, *ширмин ик халун* ‘испепеляющий зной’, характеризующие высокую степень проявления жары, относя их к погодным условиям [Пюрбеев, 2015: 35].

***ЃипЃу* ‘зной, духота; знойный, душный’**

Зной – сильный жар в воздухе от солнца [<https://kartaslov.ru/>]. Духота – спертый, несвежий воздух, затрудняющий дыхание, жаркий, знойный, насыщенный испарениями воздух [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *ЃипЃу* ‘зной, духота; знойный, душный’; стп.-калм. *tsuntsog* ‘влажный, горячий воздух (например, в помещении, в жаркий, безветренный летний день)’ [Рамстедт, 1935: 434]; *ЃипЃу* ‘зной, духота (от солнечного жара, спертый воздух)’ [Позднеев, 1911: 254]; ойр. *цунцаг* (*цунцуг*) ‘зной, духота; знойный, душный’ [Тодаева, 2001: 433]; калм. *цунцг* ‘зной, духота; знойный, душный’ [КРС, 1977: 641]. Ср. кирг. *чунчу-*изнуряться; заплошать [ЭСМЯ, 2015: 158].

Как видим, зной и духота синонимичны и в актуализированном значении характеризуют состояние воздушной среды, отличающейся особо высокой температурой, причем чаще всего летом, перед грозой, в безветренную погоду, стесняющую дыхание и насыщенную испарениями. Предположительно слово заимствовано из тюркских языков.

Лексема может функционировать и как имя существительное, и как имя прилагательное. Такая синкретичность позволяет использовать слово в различных контекстах: ойр. *удшин цунцаг* ‘полуденный зной’, *цунцаг өдер* ‘душный день’ [Тодаева, 2001: 433]; калм. *удин цунцг* ‘полуденный зной’, *зунын цунцг* ‘летний зной’ [КРС, 1977: 641]; *өршэңгү уга цунцг халун* ‘беспощадная знойная жара’ [НККЯ. К. Эрендженев], *зунын цунцг сө* ‘летняя знойная ночь’, *зунын цунцг халун* ‘летняя знойная жара’, *цунцг халун өдрмүд* ‘знойные жаркие дни’, *шатажсах цунцг нарн* ‘палящее знойное солнце’ [НККЯ. К. Эрендженев]. Например: ойр. *Йаһасан цунцаг өдерви!* ‘Какой

душный день!'; Удшин *цунцагта тесэжи болал угаа бээхе*. 'Не выдерживать полуденного зноя' [Тодаева, 2001: 433]; калм. «Зуни *цунцг сөөд Цаста эднэ өөр хаза яһэж эс унтсмб?..*» 'Почему Цаста в летнюю знойную ночь не спала на улице около них?' [НККЯ, К. Эрендженов].

От существительного ойр. *цунцаг* / калм. *цунцг* 'зной, духота' с помощью суффикса *-ла / -л* образуется глагол ойр. *цунцаглаха* / калм. *цунцглх* 'становиться душным (знойным)'. Например: ойр. *Өнөдөр ишгези цунцаглаха гези кен саналаа*. 'Кто думал, что сегодня день будет таким душным' [Тодаева, 2001: 433]; калм. *Китдин нег бийднь һаң халун цунцглад бээхлә, талдан захднь амд тоот көрх киитн зөвтэн орсн бээнэ* [НККЯ. Хальмг үнн]. 'Когда в одной части Китая **неимоверная жара** становится знойной, то в другой части наступает холод, замораживающий все живое'. В данном контексте глагол передает увеличение степени проявления жары.

Для обозначения понижения температуры воздуха используются такие глаголы, как монг. *сэв хийх* 'спадать (о жаре)': *халуун жаахан сэв хийв* 'жара немного спала' [БАМРС III, 2001: 149] / калм. *сев гих* 'спадать (о жаре)' [КРС, 1977: 446]: *халун невчкн сев гив* 'жара немного спала' [КРС, 1977: 446]; монг. *арилах* 'рассеиваться, исчезать': *халуун арилав* 'жара спала' [БАМРС I, 2001:143]; калм. *тогтнх* 'успокаиваться, ослабевать': *халун тогтнэжана* 'жара ослабевает' [КРС, 1977: 500]; калм. *уурх* 'переставать; прекращаться': *халун уурв* 'жара спала' [КРС, 1977: 542].

ТЕПЛЫЙ (всего 17 лексических единиц)

Dulayan 'тёплый; теплота' (обо всём, кроме жидкостей)'.

Теплый – дающий, источающий тепло [<https://kartaslov.ru/>]; теплота, тепло – нагретое состояние чего-л. (воздуха, помещения, предмета) [<https://kartaslov.ru/>]. В контексте природных явлений, то есть температурного состояния воздушной среды, актуальны именно эти значения лексем.

Значения: письм.-монг. *dulayan (dul-a-yan)* 'тёплый, теплота' [Ковалевский III, 1849: 1848]; монг. *дулаан* 'тёплый (о климате, одежде, но не

о жидкостях)’ [БАМРС I, 2001: 68]; даг. *дулāн* ‘тёплый; теплота’ (обо всём, кроме жидкостей)’ [ЭСМЯ, 2015: 198]; ойр. *дулаан (дулаан)* ‘тепло; тёплый’ [Тодаева, 2001: 133]; бур. *дулаан* ‘тёплый, тепло; оттепель (о погоде)’ [БРС I, 2006: 300]; стп.-калм. *dulān* ‘теплый’ [Рамстедт, 1935: 101]; *dulān* ‘теплый, тепло, оттепель’ [Позднеев, 1911: 224]; калм. *дулан* ‘тепло; оттепель, теплота; теплый’ [КРС, 1977: 214].

В монгольских языках данная лексема может использоваться в различных словосочетаниях. В статусе существительного слово реализует сочетаемость с глаголами и прилагательными: монг. *дулаан болох* ‘становится тепло’ [БАМРС IV, 2002: 430]; ойр. *хавариин дулаан* ‘весеннее тепло’ [Тодаева, 2001: 394]; бур. *дулаан болобо* ‘наступила оттепель’ [БРС I, 2006: 300]; калм. *дулан орв* ‘наступило тепло’ [КРС, 1977: 704]. Например: монг. *энэ жил эрт дулаан боллоо*. ‘В этом году рано **наступило тепло**’ [БАМРС IV, 2002: 430]; калм. *Увлин кийтн, шуурһн-боран давад, мандлсн нарна толянд хурсн цасн түргэр хээлэд, йосн дулан иржээнэ*. ‘Зимние холода, метели отступают, снег быстро тает под лучами солнца, приходит **настоящее тепло**’ [НККЯ. Хальмг унн, 2006-03-15].

Прилагательное в функции определения *дулаан* сочетается с именами существительными: монг. *дулаан өдөр* / ойр. *дулаан өдөр* / бур. *дулаан үдэр* / калм. *дулан өдр* ‘теплый день’; монг. *дулаан хавар* / ойр. *дулаан хавар* / бур. *дулаан хабар* / калм. *дулан хавр* ‘теплая весна’. Употребление лексемы *дулаан* в художественном тексте, например: монг. *Одоо ч яахав ирж байгаа дулаан цаг болохоор өдөр, шөнө ээлжлэн өнгөрч л байлаа* [МНК]. ‘День сменял ночь и приближалось **теплое время**’; ойр. *Өнөдөр дулаан өдөр*. ‘Сегодня **тёплый день**’ [Тодаева, 2001: 133]; калм. *Иим дулан өдрмүдлэ ачнр-зеенртэһэн цевр аһар кишлэд, парк орад амрхдан дуртавидн*. ‘В такие **теплые дни** любим с внуками прогуливаться в парке и дышать свежим воздухом’ [НККЯ. Хальмг үнн].

От данного прилагательного образуются глаголы с семой тепла: монг. *дулаадах* ‘теплеть, потеплеть, становиться тёплым’, *дулаарах* ‘теплеть, потеплеть’; становиться тёплым (о погоде) [БАМРС I, 2001: 68]; ойр. *дулаадаха* (*дулаадаху*) ‘согреваться, становиться тёплым’, *дулаараха* (*дулаараху*) ‘теплеть (о погоде); становиться тёплым’ [Тодаева, 2001: 133]; бур. *дулаарха* ‘теплеть (о погоде); нагреваться, становиться тёплым; согреваться’ [БРС I, 2006: 300]; калм. *дуладх* ‘теплеть’; *дуларх* ‘теплеть’ [КРС, 1977: 215].

Лексема *дулаан* может употребляется в переносном значении: ойр. *дулаан* [Тодаева, 2001: 133] / бур. *дулаан* [БРС I, 2006: 300]; калм. *дулан* [КРС, 1977: 214] ‘теплый, ласковый, сердечный’. Например, ойр. *дулаан халээцээр халээхе* ‘посмотреть тёплым взглядом’ [Тодаева, 2001: 133]; бур. *дулаан хараса* ‘ласковый (или тёплый) взгляд’ [БРС I, 2006: 300].

Лексема в значении ‘теплый’ встречается в пословицах в «погодном/природном» контексте. Например: калм. *Увл ямр дулан болв чигн, увл мөн.* ‘Какой бы **теплой** ни была зима – зима есть зима’ [Тодаева, 2007: 217]. Зима всегда была и остается суровым испытанием для скотоводов, даже мягкая, и надо быть готовым к ее капризам. В калмыцкой пословице *Эврэ һазр усн дулан, хэрин һазр киитн.* ‘От своей земли веет теплом, от чужой – холодом’ говорится об особом значении родины для человека, которая «согревает» [Тодаева, 2007: 86].

В ойратской пословице *Өрүн дулаг дуланд битгэ тооц, өсхин жсирһлиг жсирһлд битгэ тооц.* ‘Утреннее тепло еще не тепло [Тодаева, 2007: 170] – удовольствие молодости не принимай за полное счастье’ проводится аналогия жизненной ситуации с явлением природы: утреннее тепло, дающее приятные ощущения (ассоциация начала жизни) – удовольствие молодости (сема радости, довольства от приятных ощущений, переживаний). Природа – первый и главный источник образных ассоциаций для кочевника.

Кочевники радовались, когда осень была теплой, так как можно было пасти скотину до глубокой осени, а иногда и до зимы. Тёплая зима была благоприятна для хозяйственных дел: можно было перезимовать без потерь. Особенно радовались наступлению раннего тепла, способствовавшего получению приплода без потерь. Поэтому понятие *дулаан / дулан* ‘тепло, оттепель’ имеет особо ценностную коннотацию для всех монгольских народов.

Uri ‘теплый, тёплый воздух; оттепель; тёплое время года’

Оттепель – теплая погода (зимой или ранней весной), сопровождающаяся таянием снега, льда [<https://kartaslov.ru/>]. Эта лексема монгольская, причем многозначная: она и качество (*теплый, ласковый, нежный*), и обозначение особого периода потепления (*оттепель*).

Значения: письм.-монг. *uri* ‘теплый, ласковый, нежный’ [ЭСМЯ III, 2018: 202]; монг. *урь (урин)* ‘тёплый воздух; оттепель; тёплое время года’ [БАМРС III, 2001: 352].

Сочетаемость соответствует категориальным особенностям лексемы: монг. *хаврын урь* ‘весенняя оттепель’, *урь орох / урь унах* ‘потеплеть с наступлением весны; оттепель’, *урин дулаан* ‘тёплое время года’, *урин цаг* ‘тёплое время (года)’. Например: *Үд болоход газар хуурай болж, хаврын урин оров*. ‘К полудню земля просохла и стало по-весеннему тепло’.

ПРОХЛАДНЫЙ (всего 16 лексических единиц)

Прохладный – умеренно холодный, освежающий [<https://kartaslov.ru/>].

Межсезонье – особый период, который приходится на конец одного времени года и начало другого. В это время погода отличается нестабильностью, изменчивостью. Специфика межсезонья заключается во внезапности перемен и непредсказуемости погоды. В течение одного дня может быть то солнечно и тепло, то ветрено и холодно. Межсезонье *осень-зима* характеризуется в идеале постепенным похолоданием. Значение

‘прохладная погода’ в монгольских языках передается определенными лексемами.

***Serigün* ‘прохлада; прохладный’**

Значения: письм.-монг. *serigün* (*seri-gün*) ‘свежий, прохладный, нежаркий (о воздухе в жаркое время года)’ [ЭСМЯ, 2018: 103], *serigyn* ‘прохладный, свежий’ [Лессинг, 1960: 703]; монг. *сэрүүн* ‘прохладный, свежий, освежающий’ [БАМРС III, 2001: 161]; даг. *сэрүүн* ‘прохладный, свежий; прохладно, свежо’; ойр. *серүүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий; прохладно, свежо’ [Тодаева, 2001: 161]; бур. *хэрюун* ‘прохлада, свежесть’ [БРС II, 2008: 587]; стп.-калм. *serün*, *sirün* ‘прохладный’ [Рамстедт, 1935: 326], *seriun* ‘прохлада, прохладный, свежий’ [Позднеев, 1911: 152]; калм. *серүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий’ [КРС, 1977: 451].

Для сравнения данное слово в значении ‘прохладный’ встречается почти во всех тюркских языках. Например, ср.-кыпч. *serovun*, тур., гаг. *serin*, аз. *sarin*; турк. *serin*, *sergin*; кбалк. *seriwiin*; уйг. *siiriin*; хак. *soron*; тув., тоф. *seri:n*; як. *seri.n*, *soriin* [СИГТЯ, 2001: 16]; кирг. *серүүн* ‘прохладный, освежающий’ [ЭСМЯ, 2018: 103]. В маньчжурском языке *serüken* выражает как адвербиальное, так и адъективное значение: ‘холодновато, прохладно, свежо’; *serguwen* ‘холодноватый, прохладный, свежо’ [ЭСМЯ, 2018: 103].

В современных монгольских языках данная лексема также может употребляться и в субстантивной, и в адъективной форме. Она встречается в именных и глагольных словосочетаниях: монг. *сэрүүн салхи* [БАМРС III, 2001: 1461] / ойр. *серүүн салькин* [Тодаева, 2001: 161] / калм. *серүн салькн* ‘прохладный ветер’ [КРС, 1977: 451]; монг. *сэрүүн болох* [БАМРС III, 2001: 161] / ойр. *серүүн болхе* [Тодаева, 2001: 295]; калм. *серүн болх* [КРС, 1977: 451] ‘становиться прохладно’. Например: монг. *Намрын сэрүүн амьсгал орж даарах хөрөх болжээ*. ‘Холодные **осенние ветры** принесли морозы’ [БАМРС I, 2001: 103]; ойр. *Нэгэмен сарда күрвел уулда серүүн болнаа*. ‘Когда наступает август, то в горах **становится прохладно**’ [Тодаева 2001: 295];

калм. *Сержңсн серүн салькта сээхн өрүн хотл балһсна уульңцст зөвтән орчксн бәәнә* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘На улицах города наступило утро с легким, **прохладным ветерком**’.

Активны уменьшительно-ласкательные формы на *-хн / -кн* и *-бтер / -втер*: монг. *сэрүүхэн* ‘довольно прохладненький’ [БАМРС III, 2001: 161] / ойр. *серүүкен (серүүкен) / серүүвтер (серүүбтер)* [Тодаева, 2001: 295] / калм. *серүкн* [КРС, 1977: 451] ‘довольно прохладненько’: Например: монг. *Гадаа сэрүүхэн байна*. ‘На улице **прохладненько**’ [БАМРС III, 2001: 161]; ойр. *Серүүвтер өдөр болха бәәделтәә*. ‘Похоже, сегодня будет **прохладненький** день’ [Тодаева, 2001: 295]; калм. *Һаза зөвәр серүкн бәәнә*. ‘На улице довольно **прохладненько**’ [КРС, 1977: 451].

Лексема *сэрүүн / сэрүүхэн / һэрюун / серүүн / серүн* встречается в составе глагольных сочетаний и фразеологизмов, передающих особенности определенных периодов, отмеченных прохладой. Для обозначения периода окончания жаркого лета (начало осени), когда прохлада только начинает ощущаться, используются такие глагольные сочетания, как монг. *сэрүү орох* ‘наступление холодов’ [БАМРС III, 2001: 161]; ойр. *серүүн орха* ‘наступление прохлады’ [Тодаева, 2001: 295]; бур. *һэрюу орохо* ‘наступать (о прохладе, свежеть)’ [БРС II, 2008: 587]; калм. *серүн орх* ‘стало прохладно’ [КРС, 1977: 451]. Словосочетание монг. *сэрүүн ирэх* [БАМРС III, 2001: 161] / ойр. *серүүн ирхе* [Тодаева, 2001: 295] / *серүн ирх* [КРС, 1977: 451] ‘наступит прохлада’ обозначает присутствие ощутимой стабильной прохлады в промежутке между началом и завершением процесса.

Фразеологизм монг. *серү татах* [БАМРС III, 2001: 161] / ойр. *серүү татаха* / калм. *серү татх* ‘похолодать’ обозначает процесс завершения наступления полной прохлады. Этот фразеологизм обычно используют в межсезонье *осень-зима* после установления полной прохлады, что означает – тепла уже не будет. Например: калм. *Намрин түрүн сард серү татсн бийнь, санамр бәәдг улсин гемәр теегин өвсн шатад бәәнә* [НККЯ. Хальмг үнн].

‘Несмотря на то что в первый осенний месяц **похолодало**, по вине беспечных людей горит степная трава’.

От данного существительного образуются **глаголы**: монг. *сэрүүтгэх* [БАМРС III, 2001: 161] / ойр. *серүүдехе* [Тодаева, 2001: 295]; калм. *серүтрх* [КРС, 1977: 451] ‘становиться прохладным’; монг. *сэрүүцэх* [БАМРС III, 2001: 161] / ойр. *серүүцехе (серүүцекү)* [Тодаева, 2001: 295] / калм. *серүцх* [КРС, 1977: 451] ‘освежаться, охлаждаться; проветриваться’.

Лексема *серүн* также встречается в пословицах монгольских народов. Калмыцкая пословица *Седң кун серүнд, жора мөрн хаврт*. ‘Франт любит щеголять в прохладу, а конь-иноходец любит резвиться весной’ [КРС, 1977: 451] говорит об обманчивости прохлады: «Франт в прохладу, щеголяя в красивой, но легкой одежде, заболевает, а иноходец весной истощается и заболевает».

Ойратская пословица *Уул өндр болвл, ора дееран серүхн, учрсн иньг бат болв, үктлэн мөңк*. ‘Если гора высока, то на ее вершине прохладно, если любовь крепка, то до самой смерти (вечна)’ [Тодаева, 2007: 353] основана на глубокой по смыслу аналогии: высокогорная прохлада (труднодоступная и в то же время дающая полноту позитивных ощущений) символизирует высокие отношения, которые трудно построить и сохранить.

В пословице *Борана дару серүн болдг, худлын дару ичр болдг*. ‘После дождя наступает прохлада, после лжи приходит чувство стыда’ [Тодаева, 2007: 489] прослеживается аналогия между закономерностью природного процесса и неотвратимостью позора, пусть и внутреннего, перед собой, после осознания безнравственности лжи.

В отдельных монгольских языках встречаются лексемы, обозначающие прохладу. Но значение таких слов ближе к качествам ‘холодный, морозный’:

јeberegün ‘прохладный’ включает сему «холод» (холоднее прохладного), что может быть неприятно:

Значения: письм.-монг. *jeberegün* ‘прохладный’ [ЭСМЯ II, 2016: 65]; монг. *зэврүүн* ‘прохладный; прохлада, небольшой **холод**; прохладно’. Например: монг. *Өнөө үдэш зэврүүн байна*. ‘Вечер сегодня **прохладный**’ [БАМРС II, 2001: 251];

***jībar-tai* ‘прохладный, студёный’**

Студёный имеет значение «очень холодный» [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *jībar-tai* ‘прохладный, студёный’ [ЭСМЯ II, 2016: 70]; монг. *жавартай* ‘прохладный, студёный’; бур. *жабартай* ‘студёный, холодный’ [БРС I, 2006: 347]; калм. *живр* ‘свежесть, прохлада’ [КРС 1977: 225]. Данная лексема является производной от «халх. *жавар*, бур. *жабар*, калм. *живр*, *жавр* ‘прохлада, свежесть’ [ЭСМЯ II, 2016: 70].

В монгольских языках с этим словом употребляются следующие словосочетания: монг. *энд жавартай байна* ‘здесь чувствуется **холодок**’; *Өглөөгүүрээ нартай мөртөө жавартай байв*. ‘Утро было солнечное и **холодное**’; *жавартай жиндүү* ‘прохладный; прохладная погода’ [БАМРС II, 2001: 153]; калм. *хаврин живр серун* ‘весенняя прохлада’ [КРС, 1977: 225].

ХОЛОДНЫЙ (всего 47 лексических единиц)

Холодный – имеющий низкую температуру, с низкой или относительно низкой температурой (воздуха, воды и т. п.) [<https://kartaslov.ru/>].

***jikegün* ‘холодный, прохладный, свежий’**

Значения: письм.-монг. *jikegün* ‘холодный, прохладный’ [ЭСМЯ II, 2016: 67]; монг. *жихүүн* ‘прохладный, свежий, студёный, морозный, леденящий’ [БАМРС II, 2001: 180]; / ойр. *зекүүн* ‘свежесть, прохлада; прохладный’ [Годаева, 2001: 157]; калм. *зекун* ‘прохлада; морозный, прохладный’ [КРС, 1977: 246].

Данная лексема характеризует промежуточный период между прохладой и холодом. После периода стабильной прохлады температура естественным образом понижается до легкого морозца. Этот

метеорологический период бывает глубокой осенью, а именно в промежуточном межсезонье *осень-зима*, и является предвестником зимнего холода.

Лексема *жихүүн / зекүүн* реализует следующую сочетаемость: монг. *жихүүн өдөр* ‘прохладный день’ [БАМРС II, 2001: 180]; ойр. *зекүүн салькитаа өдөр* ‘день с прохладным ветерком’ [Тодаева, 2001: 157]; калм. *зекун салькн* ‘прохладный ветерок’; *зекун өдр* ‘прохладный день’, *зекун сө* ‘прохладная ночь’. [КРС, 1977: 246]. Например: монг. *Энд жихүүн байна.* ‘Здесь чувствуется **холодок**’ [БАМРС II, 2001: 180]; ойр. *Зекүүн киштен өцгерээд, цецег дакин делгернээ.* Отступает **прохлада**, и снова распускаются цветы [Тодаева, 2001: 157]; калм. *Өткн цаһан будн тунад орксн, эрә медг-үлг салькта, зөвәр зекун.* ‘Густой белый туман рассеялся, веет тихий ветерок, довольно **прохладно** [НККЯ. К. Эрендженов].

От данного прилагательного образуется глагол монг. *жихүүрэх* ‘становиться свежим, прохладным, свежить; остудиться’ [БАМРС II, 2001: 180] / ойр. *зекерхе (зекерекү)* ‘остывать, охлаждаться; становиться прохладным, свежим’; калм. *зекүрх* ‘становиться прохладным (напр. о погоде)’. Например: ойр. *Асхан болаад зекүүрежи бээнээ.* ‘Наступает вечер, становится прохладно’; калм. *Асхн болхла зекүрэд бээв.* ‘К вечеру стало **прохладнее**’ [КРС, 1977: 246].

***Kүйитен* ‘холод, стужа, холодный’**

Холод – сильное понижение температуры воздуха, погода с низкой температурой воздуха; **стужа** – сильный холод, мороз [<https://kartaslov.ru/>]. Эти понятия обозначают природное явление, сопровождающееся низкой температурой воздуха.

Значения: письм.-монг. *küiyütun (ku:ten, kuitun)* ‘холод, стужа, холодный’ [Ковалевский III, 1849: 2559]; монг. *хүйтэн* ‘холод, мороз, стужа; холодный, студеный, морозный’ [БАМРС IV, 2002: 183]; баоан. *китаң* ‘холодно; холодный’ [Тодаева, 1964: 141]; даг. *куйтэн (хуйтэн)* ‘холод; холодный’

[Тодаева, 1986: 151]; дунс. *куичэн* ‘холод, мороз; холодный, морозный’ [Тодаева, 1961: 124]; мнгр. *куйтэн* ‘холодный; холодно’ [Тодаева, 1973: 341]; стп.-калм. *kitɨ* ‘холодный’ [Рамстедт, 1935: 234], *keyiten* ‘холодный, студеный’ [Позднеев, 1911: 279]; ойр. *киитен* ‘холод, мороз, стужа’ [Тодаева, 2001: 198]; бур. *хүйтэн* ‘холод, мороз, стужа’ [БРС II, 2008: 485]; калм. *киитн* ‘холод, мороз, стужа; остывший, холодный; студеный, морозный’ [КРС, 1977: 299].

В монгольских языках данная лексема имеет разную частеречную реализацию – существительного и прилагательного. Первое характеризует воздух с низкой температурой, вызывающей настоящий мороз, встречается в различных словосочетаниях:

– монг. *жихүүн хүйтэн* ‘сильная стужа, очень холодный’, *өвлийн хүйтэн* ‘зимняя стужа’, *өглөөний хүйтэн* ‘утренний мороз’, *аюултай хүйтэн* ‘жуткий, ужасный холод, мороз’ [БАМРС I, 2001: 192], *час хийсэн хүйтэн* ‘трескучий мороз’ [БАМРС IV, 2002: 307]. Например: монг. *Гадагш гарахын аргагүй хүйтэн байна*. ‘**Морозы** стояли такие, что нельзя было носу высунуть’ [БАМРС I, 2002: 192];

– ойр. *увелиин киитен* ‘зимняя стужа’ [Тодаева, 2001: 211], *шүрүүн киитен* ‘сильный мороз’ [Тодаева, 2001: 395], *хэкер киитен* ‘крепкий, трескучий мороз’ [Тодаева, 2001: 396], *увелиин чаңһа киитен* ‘зимний крепкий мороз’ [Тодаева, 2001: 437]. Например: ойр. *Увелиин киитенде даараад үкен гехе* ‘Чуть не погиб от зимней **стужи**’ [Тодаева, 2001: 198];

– бур. *үглөөнэй хүйтэн* ‘утренний мороз’, *үбэлэй хүйтэн* ‘зимняя стужа’, *үбэлэй буйр хүйтэн* ‘жгучая зимняя стужа’, *нюур таһа хайрама хүйтэн* ‘обжигающий лицо мороз’ [БРС II, 2008: 484]. Например: *үбэлэй янгинама хүйтэн буураа* ‘миновали **трескучие морозы**’ [БНК];

– калм. *ик киитн* ‘сильный мороз’, *күчтә киитн* ‘лютый мороз’, *хар киитн* ‘сильный холод, разгар холодов’, *догшин киитн* ‘свирепый мороз’, *чаңһ киитн* ‘крепкий мороз, стужа’, *тачкнсен киитн* ‘трескучий мороз’ [КРС, 1977:

299], *күчр киитн* ‘сильный мороз’, *хүүрэ киитн* ‘сухой мороз [НККЯ]. Например: калм. *Удин кем өөрдэж йовла, һазань күн уга, зуг гермүдин турваһас утан өөдлэж үрвэд һарчана, эннь – йир чаңһ киитн бээснэ темдг.* ‘Близилось время обеда, на улице никого не было, но дым медленно поднимается вверх из труб домов, это означало, что стоит очень **крепкий мороз**’ [НККЯ. Н. Илюмжинов].

Глаголы со значением ‘крепчать, усиливаться’: монг. *чангарах* / ойр. *чаңһараха* / калм. *чаңһрх*; монг. *догширох* / ойр. *догширхаха* / *догширх* ‘усиливаться, свирепствовать’ в сочетании с данной лексемой характеризуют усиление холода. Например: монг. *хүйтэн чангарч байна* ‘мороз крепчает’ [БАМРС IV, 2002: 305]; ойр. *Киитен чаңһараад, гертээсе һарчи болха угаа болва.* ‘**Мороз крепчает**, нет возможности выйти из дома’ [Тодаева, 2001: 437]; калм. *Һазр цодрад, киитн догшидад, төгэлндэн цаңтад кирү бээдг болв* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘Земля замерзла, **холод усилился**, вокруг все покрылось инеем’; *Асхлад ирсн цагла, киитн улм чаңһрад, нанд йовхд күнд болад ирв* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘К вечеру **мороз крепчал**, и мне было идти сложнее’.

В определительной функции данная лексема, сочетаясь с именами существительными, образует именные словосочетания, обозначающие холодную погоду: монг. *Тасхийм хүйтэн өвлийн шөнө, тэнгэрийн од оч шиг гялалзаад байна* [МНК]. ‘В такую холодную зимнюю ночь звезды на небе сверкают, как искры’; ойр. *Сөөһиин киитен шуурһан нам чим талиги эзеркен дүргүүлнээ.* ‘Ночная **холодная метель** властвует над тихой равниной и метет’ [Тодаева, 2001: 470]; калм. *Цээвр теңртә, йир киитн өдр билә, киитн өткн аһарас кәлтә, нарн әрә үзгдэжәнә* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Был очень **холодный день**, и небо было безоблачное, солнце еле виднелось из-за холодного густого воздуха’.

Производные слова от этой лексемы могут передавать значение умеренного холода. Например: монг. *хүйтэвтэр* ‘довольно холодный,

холодновато, холодноватый, прохладный; холодновато, прохладно [БАМРС IV, 2002: 183]; калм. *киитэвр* ‘довольно холодный, холодноватый, прохладный’, *киитвүр* ‘довольно холодный, холодноватый, прохладный’ [КРС, 1977: 299].

От прилагательного монг. *хүйтэн* / ойр. *киитен* / бур. *хүйтэн* / калм. *киитн* с помощью различных суффиксов образуются глаголы: монг. *хүйтэндэх* ‘становиться слишком холодным, быть слишком холодным, студёным, похолодать’ [БАМРС IV, 2002: 183], *хүйтрэх* ‘холодать, морозить; охлаждаться, стынуть, становиться холодным, похолодать’ [БАМРС IV, 2002: 183]; ойр. *киитедехе* (*киитүдөкү*) ‘холодать, становиться холоднее’; *киитерехе* (*киитүрөкү*) ‘холодать, морозить’ [Тодаева, 2001: 198]; бур. *хүйтэрхэ* ‘холодать, морозить’ [БРС II, 2008: 485]; калм. *киитрх* ‘холодать, похолодать; морозить’ [КРС, 1977: 300].

Нашло свое отражение в языке развитие переносно-метафорических значений этого слова. Лексема монг. *хүйтэн* / ойр. *киитен* / бур. *хүйтэн* / калм. *киитн* употребляется в переносном значении ‘холодный, неприветливый’: монг. *хүйтэн сэтгэл* ‘холодная душа’, *хүйтэн харц* ‘холодный, неприветливый взгляд’ [БАМРС IV, 2002: 183]; ойр. *киитен хэлэгц* ‘холодный взгляд’ [Тодаева, 2001: 198]; бур. *хүйтэн хараса* ‘холодный взгляд’ [БРС II, 2008: 485]; калм. *киитн хэлэц* ‘холодный (неприветливый) взгляд’, *киитн нүдтэ* ‘с холодным взглядом’ [КРС, 1977: 300]. Например: ойр. *Кирмег хара сахалаан илээд, киитен хара нүдени эргелдээд эке татан келевээ генээ*. ‘Глядя свои коротко и ровно подстриженные чёрные усы, вращая **холодными** чёрными глазами, он начал говорить’ [Тодаева, 2001: 200]; калм. *Эн герин дежурн, үзмжс уга, царцсн чолун чирэтэ, киитн хэлэгцтэ залу, көдлмит илгэсн цаасим тагчгар авад, бийим герт орулсмн уга* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Этот дежурный дома с каменным лицом, с **неприветливым взглядом**, взяв молча документ, отправленный на работу, не впустил меня в дом’.

Данная лексема встречается в устойчивых сочетаниях. Фразеологизмы ойр. *нүденде киштен харагдаха* ‘выглядеть в чьих-л. глазах неприятным, вызвать в ком-л. чувство отвращения’ [Тодаева, 2001: 200], *киштен көке чолуун зүркетээ* ‘с холодным каменным сердцем’ [Тодаева, 2001: 169]; бур. *хүйтэн шуһатай* ‘холоднокровный’ [БРС II, 2008: 485]; калм. *киитн зүрктә кун* ‘хладнокровный человек, безжалостный, не имеющий ласки, тепла, любви (букв. ‘с холодным сердцем’)’ [ФСКЯ, 1990: 52], *киитн нүдәр хэләх* ‘посмотреть холодным взглядом’ [ФСКЯ, 1990: 52] используются при качественной характеристике человека. Например:

– ойр. *Көөркүү, амтени нүденде киштен харагдаха йамар йовдал һарһагсан болхави?* ‘Бедняжка, какой же он совершил поступок, что вызывает у людей неприятное чувство?’ [Тодаева, 2001: 200];

– калм. *Өөрән бээсн орс күүтр дундаһур довтлад, бу хаһад, халынь авад аэлһэд бээдг, киитн зүрктә, ивтркә ик хар нүдтә өндр нәрхн хар залу билә* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘Высокий, худощавый, смуглый, черноглазый **хладнокровный** мужчина поскакал в близлежащий русский хутор, стреляя из ружья, стал припугивать’; *Киитн хар нүдәрн дөрвн талан хэләв. ‘Своим холодным взглядом* посмотрел во все четыре стороны’ [КРС, 1977: 300].

В монгольских языках часто употребляются эквивалентные по смыслу выражения монг. *хүйт авах* [БАМРС IV, 2002: 183] / ойр. *киите авха* [Тодаева, 2001: 198] / бур. *хүйтэ абаха* [БРС II, 2008: 485] / калм. *киит авх* [КРС 1977: 299] в значении ‘простудиться’ (букв. ‘поймать холод’). Выражение монг. *хүйтэн хөлс асгарна* / ойр. *киштен көлсен асхарнаа* [Тодаева, 2001: 200] / калм. *киитн көлсн асхрна* ‘сильно потеет (букв. ‘проливается холодный пот’); мурашки бегают по спине; холодный пот прошибает’ активно употребляется в рассматриваемых языках.

Холодный пот является признаком переохлаждения, сильной простуды. Он может выделяться несколько дней, пока не сменится нормальным потом, что означает начало выздоровления. Например: ойр. *Өвгени бийе махабудни*

менержи, *киитен көлсен саргежи баалаа*. ‘Все тело старика онемело, градом лился **ХОЛОДНЫЙ ПОТ**’ [Тодаева, 2001: 291]; калм. *Киитн хар көлсн үснәннь заагаснь саржцнад киилгиннь захар хоожв*. [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘**ХОЛОДНЫЙ ПОТ**, стекая с волос, затекал за ворот рубашки’.

Jing ‘холод’ служит для обозначения сильного холода:

Значения: письм.-монг. *jing* / монг. *жин(г)* [БАМРС II, 2001: 175] / калм. *жиң* [КРС, 1977: 229] ‘холод’.

Часто слово *жин(г)* сочетается с лексемой монг. *хүйтэн* / калм. *киитн*, образуя именное словосочетание: монг. *хүйтэн жин* ‘холод’ [БАМРС II, 2001: 175]; калм. *жиң киитн* ‘сильный мороз’, букв. звенящий мороз [КРС, 1977: 229]. В такой сильный мороз звук распространялся очень далеко, шаги человека можно было услышать более чем за километр. Звук отличался высокой чёткостью, воздух буквально звенел. Например: калм. *Эндр жиң киитн баана*. ‘Сегодня холодно’ [КРС, 1977: 229]; *Хаң халулла, жиң киитнла, хурта өдрлә чигн эн гүүнә* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Он бегаёт и в зной, и в **СИЛЬНЫЙ МОРОЗ**, и в дождь’.

От лексемы *жиң* образуется глагол письм. монг. *jing-gine-* (*jing-gine-*), халх. *жингэнэ-*, бур. *жэнгинэ-*, калм. *жиңгн-*, мнгр. *džēnginiē-* [ЭСМЯ, 2016: 77], переносное значение которого ‘крепчать (о морозе)’; ойр. *жиңнехе* ‘усиливаться, крепчать о морозе’ [Тодаева, 2001: 200]. Например: ойр. *Жиңнесен киитенде йовхииги кен закисамби?* ‘Кто приказал ехать в **крепчайший мороз?**’ [Тодаева, 2001: 200]; калм. *Хаза киитн улм жиңнад баана*. ‘На дворе **мороз крепчает**’ [КРС, 1977: 229].

Также в монгольских языках встречается лексема *жингэнэм*, производная от глагола *jing-gine-* ‘звенеть, гудеть; усиливаться, крепчать (о морозе)’: монг. *жингэнэм* ‘пронизывающий холод’ [БАМРС II, 2001: 175]; бур. *жэнгинэмэ* ‘пронизывающий (о морозе)’ [БРС I, 2006: 366]; калм. *жиңнм* ‘пронизывающий (о холоде, ветре)’ [КРС, 1977: 229]. Например: монг. *жингэнэм жихүүн* ‘пронизывающий холод’, *жингэнэм салхи*

‘пронизывающий ветер’ [БАМРС II, 2001: 175]; калм. *жџиџнм киитн* ‘пронизывающий холод’, *жџиџнм салькн* ‘пронизывающий ветер’.

У монгольских народов существуют приметы, по которым определяли и предвещали наступление холода, мороза. Например: ойр. *Кџк манан татвл, боран орхин темдџ, киитн салькн сальклвл, кирџ унхин темдџ*. ‘Когда синие тучи затянут небо – к дождю; когда **подует холодный ветер** – к инею’; *Сар хотвл киитн болхин темдџ*. ‘Если стоит полнолуние – **признак прохладной погоды** [Тодаева, 2007: 543]; калм. *Утан џркџс џоонглџ хархла – киитрхин темдџ*. ‘Если дым из трубы поднимается прямо вверх, то к **похолоданию**’; *Шаазна џс гџж керџ урһмл модна џра деер суухла – киитн чаџһрх*. ‘Если сорока или ворона сидят на вершине дерева, то **мороз усилится**’; *Асхар ноха кевтр хџџхла – сџџд киитн чаџһрх*. ‘Если собака ищет ночлег – ночью мороз усилится’ [НККЯ].

Люди определяли наступление холода по характеру ветра (самая главная примета наступления холода – безветрие; когда дым из трубы не отклоняется), безоблачности, поведению животных и птиц, лунному циклу. Внимательный кочевник подмечал все детали во взаимосвязи и взаимозависимости, фиксируя наблюдения в языке и тем самым создавая языковую картину мира.

В монгольских языках есть устойчивые сочетания, обозначающие холодное время года. Например: монг. *ташуур (уурга) алдам жавар* ‘трескучий мороз; пронизывающий холод, собачий холод (букв. такой холод, что можно упустить из рук кнут (укрюк)); *үхрийн џвэр хугарам хүйтэн* ‘трескучий мороз’ (букв. такой, при котором ломаются рога у быков).

Лексемы, обозначающие холодную погоду, часто встречаются в пословицах и поговорках, где природные явления олицетворяют качества человека и животных, характеризуют явления действительности: *Жиџ болсн киитн, жџил болсн сџ*. ‘Трескучий мороз подобен длинной, словно год, ночи’

[Тодаева, 2007: 209]. Ночь в лютой, крепкий, трескучий мороз кажется бесконечной. Такой мороз был испытанием для скотоводов.

В ойратских пословицах – *Үвлин киитн хавртан, өвгдин керсү күүкдтэн*. ‘Зимний холод напоминает о себе весной, пронизательный ум старцев передается детям’ [Тодаева, 2007: 86]; *Өвгдин сурһл күүкдт, үвлин киитн хаврт*. ‘Поучения старцев – детям, зимняя стужа – весной’ [Тодаева, 2007: 110]; *Эврәннь мууг күмнэс үзх, үвлин киитиг хаврас үзх*. ‘В своих недостатках винит других, в зимней стуже – весну’ [Тодаева, 2007: 459] – природное явление наглядно высвечивает качества человека. Пословица *Эвра һазр усн дулан, хэрин һазр киитн*. ‘От своей земли веет теплом, от чужой – холодом’ [Тодаева, 2007: 86] содержит антитезу *свой (родина)– чужой (чужбина)*, которая усиливается температурными ассоциациями *тепло – холод*. Пословица *Керцгэ балмд үг үвлин шуурһнас киитн* ‘Резкие и грубые слова холоднее зимней стужи’ [Тодаева, 2007: 218] основана на уподоблении жесткого для кочевника природного явления (зимняя стужа) с неподобающим, ранящим собеседника поведением человека, что создает особую, прозрачную неодобрительную оценочность. Зависимость человека от природы отражена и в пословице *Өлн киит даадг уга*. ‘Голодный не выносит холод’ [Тодаева, 2007: 622].

Паремия любого народа транслирует нравственные этнические ценности: *Киитни сүүлнь мөсн, кихүн сүүлнь өшэн*. ‘Конец холода – лед, конец ненависти и вражды – месть’ [Тодаева, 2007: 517], здесь четко указывается на безысходный результат неверного поведения человека в умонастроении слепой вражды с опорой на природный процесс образования бесполезного, никого не радующего льда.

В пословице *Киит авсн мэнгрсн амтаһн болдг, түрү-зүдү үзсн күн өр-өвч болдг*. ‘Лук, схваченный холодом, бывает сладковатым, а человек, испытавший трудности – добрым’ [Тодаева, 2007: 421] образ *холода* является

символом жизненных испытаний, в результате преодоления которых, закалившись, человек обретает сострадание и мудрость.

Итак, представленная ЛСГ включает единицы (всего 132), характеризующие температурный уровень воздуха в диапазоне лексико-семантических подгрупп *жаркий* (52) – *теплый* (17)– *прохладный* (16) – *холодный* (47).

Понятие температуры – одна из важнейших семантических характеристик лексической системы языка. Для кочевников-скотоводов, проживающих в непростых климатических условиях зависимости от природных факторов, «температурная» лексика – особая часть национальной языковой картины мира, высвечивающая область жизненно необходимых потребностей в определенных погодных условиях. При изучении температурной семантики очень важна роль контекста в качестве языкового, семантического фактора, моделирующего действительность и актуализирующего нужный ЛСВ слова.

В каждой ЛСП температурная семантика представлена определенными лексемами: *халуун / халун; ган(г) / гаң; цунцаг / цунцг*, реализующие значение ‘жаркий’; *дулаан / дулан; урь (урин) – ‘теплый’; сэруун / серүүн / нэрюун / серүн; жавартай / жабартай / живр – ‘прохладный’; жихүүн / зекүүн / зекүн; хүйтэн / киштен / киштн – ‘холодный’*.

Данные лексемы характеризуют температурное состояние воздуха от высокой степени проявления до низкой, при этом реализуя коннотативные смыслы ‘неимоверная, сильная, изнуряющая, выматывающая жара, палящий зной’; ‘теплая погода, оттепель’; ‘прохлада, свежесть, холодновато, прохладненько’; ‘сильный, пронизывающий холод, трескучий мороз’. Основная часть метеонимов обладают синкретическими формами, реализуясь в контекстах как существительное или прилагательное.

Семантика компонентов данной ЛСГ в монгольских языках эквивалентна, отличие наблюдается только в употреблении в речи некоторых

лексем в отдельных языках: *цунцаг / цунцг* функционирует в ойратском и калмыцком языках; *урь (урин), зэврүүн* реализуется в монгольском языке.

ЛСГ с температурной семантикой функционирует в переносно-метафорических значениях с оценочной коннотацией: *жаркий* – сердечный, искренний, дружеский; вспыльчивый, легко возбудимый, *теплый* – радость от приятных ощущений, переживаний, ласковый; *прохладный* – обманчивый, промежуточный; *холодный* – неприветливый, хладнокровный, каменный, безжалостный, черствый.

Лексемы данной группы встречаются в паремиях монголоязычных народов в «природном/погодном» контексте, отражая языковую картину мира носителей языка. Капризы природы, от которых зависел кочевник, и закон непостоянства, постоянно проявляющийся в его трудном существовании, дали возможность сопоставлять жизненные ситуации с явлениями природы, а поведение, качества людей подсвечивались наблюдениями за животными и пернатыми. Образное переосмысление получили приметы, предвещавшие наступление холода или мороза (тучи, характер ветра, форма и положение луны и т.п.). ‘Жара’ и ‘холод’ были испытанием для номадов в хозяйственной деятельности, потому в фольклоре и художественной литературе эти температурные явления предстают олицетворением трудностей, препятствий.

Итак, в языковой картине мира номадов «температурная» лексика как её особый компонент обозначила жизненно важные характеристики природных явлений, а также вдохновила творческое сознание народа на их художественное переосмысление.

2.3. Атмосферные осадки

Ключевое понятие данной ЛСГ – атмосферные осадки (гидрометеоры). Они представляют собой атмосферные явления, связанные с присутствием в атмосфере воды в жидком или твёрдом состоянии, выпадающей из облаков

или осаждающейся из воздуха на земную поверхность и какие-либо предметы [<https://kartaslov.ru/>].

Формирование метеорологической лексики находится в полной зависимости от климата, территории, специфики хозяйства и быта населения.

Образ жизни и специфика хозяйственной системы скотоводов-номадов предопределили их неразрывную связь с природой [Омакаева, 2024: 108]. Эти территории отличались резко континентальным климатом с ощутимым колебанием дневных и ночных температур, малым количеством осадков и т.д. Жизнь кочевников находилась в полной зависимости «от благополучия стада, а последнее – от погодных условий [Омакаева, 2024: 108]. Осознавая это, номады наблюдали за явлениями природы, их периодичностью, практично пытались предугадать погодные проявления, правильно противостоять преподносимым природой сюрпризам. Номадный лексикон отражает эту сторону жизни моголоязычных кочевых народов. Благодаря оптимальному количеству осадков номады могли приумножить поголовье и потерять все в засуху.

В эту ЛСГ (330 единиц) включены следующие лексические экспликации атмосферных осадков: дождь, снег, град, туман, джут, гололедица, иней, номинации разновидностей облаков.

Qura ‘дождь’

Дождь – атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды [<https://kartaslov.ru/>]. В монгольских языках обозначалось это природное явление следующими лексемами:

Значения: письм.-монг. *qura* [Ковалевский I, 1844: 1951]; монг. *хур* [БАМРС IV, 2001: 167], бур. *хура*, даг. *хуар*, дунс. *бура*, мнгр. *хурā*, бао. *бура* (*бора*) [ЭСМЯ, 2018: 71]; стп.-калм. *хур* [Рамстедт, 1935: 197]; *hur* [Позднеев, 1911: 105]; ойр. *хур* [Тодаева, 2001: 413] / калм. *хур* [КРС, 1977: 610] ‘дождь; атмосферные осадки’.

В к.-калп. языке отмечается лексема *қуралай* ‘период времени’ (15–20 мая, т.е. период дождей) [ЭСМЯ, 2018: 71].

Обозначений дождливой погоды в монгольских языках не так много. Они характеризуют это явление, отражая температуру, сезон, интенсивность.

Остановимся на словосочетаниях с лексемой *хур*, обозначающих разновидности дождя по критерию интенсивности, который дифференцируется по скорости выпадения (слабый, умеренный, сильный):

– монг. *нарийн хур* ‘изморось’, *үер хур* ‘проливной дождь, ливень’, *хэсэг хур* ‘ливень’, *цэцгийн хур* ‘цветочный дождь, дождь из цветов; изморось’, [БАМРС IV, 2002: 167]; *догшин хур* ‘проливной дождь, ливень’; [БАМРС II, 2001: 47]; *зөөлөн хур* ‘грибной дождь’ [БАМРС II, 2001: 231]; *намираа хур* ‘моросающий, мелкий дождь’ [БАМРС II, 2001: 393]; *рашаан хур* перен. ‘мелкий дождь, морось’ [БАМРС III, 2001: 58]; *ширүүн хур* ‘сильный дождь’ [МНК]. Например: ***Ширүүн хур* асгарна** [МНК]. ‘Идет **сильный дождь**’.

– ойр. *ике хур* ‘проливной дождь’ [Тодаева, 2001: 57]; *бүржигнэгсен хур* ‘мелкий дождь’ [Тодаева, 2001: 87]; *жиркелең хур* ‘мелкий, накрапывающий дождь’ [Тодаева, 2001: 145]; *үсээрел хур* ‘затяжной дождь’ [Тодаева, 2001: 370]; *алаглажи орогсан хур* ‘дождь, идущий неравномерно, полосой’ [Тодаева, 2001: 25]. Например: ***Жиркелең хур* орова**. ‘Пошёл **мелкий дождь**’ [Тодаева, 2001: 145];

– калм. *жиркелң хур* ‘мелкий дождь’; *эвг хур* ‘обильный дождь’; *ик хур* ‘большой дождь’; *үүрмг хур* ‘мелкий дождь’ [НККЯ]; *удан хур* ‘затяжной дождь’ [КРС, 1977: 528]; *асхрдг хур* ‘проливной дождь’ [КРС, 1977: 54]; *көл хур* ‘дождь полосой’ [КРС, 1977: 314]; *көлтә хур* ‘сильный дождь’ [КРС, 1977: 315]; *нәрн хур* ‘изморось (мелкий дождь)’; *күчтә хур* ‘сильный дождь’, *нәрн умита хур* ‘моросающий дождь’ [НККЯ].

Примеры из художественного текста: калм. *Өдр ахрдад, сөнъ утдад, серүн улм догшдад, киитн хар салькнд көөгдәд, өткн хар үүлн һазрдад, шир*

ширдэг болад, дару-даруны киитн нэрн умишта хур орад намрин сүл сар болад ирв. ‘Дни стал короче, ночи длиннее, стало прохладнее, холоднее, густые черные тучи, гонимые холодным резким ветром, как будто касались земли, накрапывая, вскоре **мелкими каплями пошел дождь**, наступил последний осенний месяц’ [НККЯ. К. Эрендженов].

В монгольских языках встречаются всевозможные характеристики дождя, связанные с:

– *температурой*: монг. *дулаан хур* / ойр. *дулаан хур* / калм. *дулан хур* ‘теплый дождь’; монг. *хүйтэн хур* / ойр. *киитен хур* / калм. *киитн хур* ‘холодный дождь’. Например: ойр. *Укер киитен хурта зекүүцээд гершин иргеде зогсожси бээлээ.* ‘Корова, страдая от **холодного дождя**, стояла у стены юрты’; калм. *Эн өдр серүн болв, зунн дулан хур оров* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Этот день был прохладным, пошел летний **теплый дождь**’.

– *сезоном года*: монг. *намрын хур* / ойр. *намаршин хур* / калм. *намрин хур* ‘осенний дождь’; монг. *хаврын хур* / ойр. *хаваршин хур* / калм. *хаврин хур* ‘весенний дождь’; монг. *зуны хур* / ойр. *зуниин хур* / калм. *зунын хур* ‘летний дождь’; монг. *өвлийн хур* / ойр. *үвелиин хур* / калм. *үвлин хур* ‘зимний дождь’. Например: ойр. *Газаа зунниин хур дусалажси бээнээ.* ‘На улице накрапывает **летний дождь**’ [Годаева, 2001: 413]; калм. *Намрин үүрмг хур үсэрэд чииглжэнэ, чиигтэ аһарт көгжрсн хамтхасдын үнр ивтржэ одсн бээнэ* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘**Осенний мелкий дождь**, накрапывая, моросит, влажный воздух пропитался запахом гнилых листьев’.

– *с наличием сопутствующих осадков*: монг. *хур мөндөр* / ойр. *мөндөртээ хур* / калм. *мөндртэ хур* ‘дождь с градом’; монг. *цастай хур* / ойр. *цастаа хур* / калм. *цаста хур* ‘дождь со снегом’. Например: монг. *Хур мөндөр оров.* ‘Идёт **дождь с градом**’ [БАМРС II, 2001: 346]; ойр. *Мөндөртээ хур ораад бүке бийени шал норлаа.* ‘Пошел **дождь с градом**, весь он промок’ [Годаева, 2001: 251]; калм. *Эн салькнла хамдан чиигтэ цаста хур оржасн*

бээсмн. ‘Вместе с ветром пошел **дождь с мокрым снегом**’ [НККЯ. Н. Илюмжинов].

Степень силы дождя передается также с помощью глаголов, отражающих характер действия:

– монг. *цутгах* ‘лечь’ [БАМРС IV, 2002: 277], *шиврэх* ‘моросить, накрапывать, падать редкими каплями, моросить мелкими каплями (о дожде)’ [БАМРС IV, 2002: 348], *асгарах* ‘литься’ [БАМРС I, 2001: 164], *асгах* ‘проливать, разливать, расплёскивать; изливать’ [БАМРС IV, 2002: 165], *дуслах* ‘течь; протекать»; накрапывать’ [БАМРС II, 2001: 75], *намирах* ‘моросить (о дожде)’ [БАМРС II, 2001: 393], *сүрчих* ‘идти с шумом (о дожде)’ [БАМРС III, 2001: 144], *цангинах* ‘шуметь (о дожде)’ [БАМРС IV, 2002: 250], *будрах* ‘идти крупными каплями (о дожде)’ [БАМРС I, 2001: 280]. Например: монг. *Хур сүрчигнэн оров.* ‘С шумом идёт дождь’ [БАМРС III, 2001: 144];

– ойр. *үсээрхе (үсеереху)* ‘моросить, долго идти (о затяжном мелком дожде)’ [Тодаева, 2001: 370], *дусалаха (дусулаху)* ‘накрапывать (о дожде)’ [Тодаева, 2001: 135], *асхараха (асхураху)* ‘литься’, *шаргаха (шаргиху)* ‘гремять, стучать (о дожде)’ [Тодаева, 2001: 450], *баржциңнаха (баржциңнаху)* ‘идти с шумом (о проливном дожде)’ [Тодаева, 2001: 57], *бүржциңнехе (бүржциңнеху)* ‘идти (о мелком дожде)’ [Тодаева, 2001: 81], *төсерхе (төсүреху)* ‘идти долго, продолжительно (о дожде, снеге)’ [Тодаева, 2001: 339], *шагаха (шагиху)* ‘шумно падать (о дожде)’ [Тодаева, 2001: 447], *шаргаха (шаргиху)* ‘гремять, стучать (о дожде)’ [Тодаева, 2001: 450]. Например: ойр. *Хур эрген дахажи үсээрээд орова.* ‘Шел кругом **затяжной мелкий дождь**’ [Тодаева, 2001: 370];

– калм. *шаргх* ‘идти с шумом» (о ливне)’ [КРС, 1977: 666], *шаагх* ‘шуметь (о дожде)’ [КРС, 1977: 657], *үсәрх* ‘идти (о затяжном мелком дожде)’ [КРС, 1977: 555], *чииглх* ‘моросить, накрапывать’ [КРС, 1977: 648], *ширлх* ‘падать мельчайшими крупинками (о мелком дожде)’ [КРС, 1977: 676], *шимнх* ‘накрапывать (идти бесшумно)’ [КРС, 1977: 673], *дуслх* ‘накрапывать

(о дожде) [КРС, 1977: 216], *дусх* ‘капать, падать каплями’ [КРС, 1977: 216]. Например: калм. *Хур делгүдэн үсэрэд бээв* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘Дождь повсюду **накрапывал**’

В значении ‘идти (об осадках, о дожде)’ или ‘прекращаться (о дожде)’ употребляется ряд глаголов:

– монг. *орох* / ойр. *ороха* / калм. *орх* ‘идти (об осадках, о дожде)’; монг. *хур буух* ‘неожиданно лить, нагрязнуть, внезапно пролить (о дожде)’ [БАМРС IV, 2002: 167]. Например: монг. *Хур бороо хувин саваас асгаж цутгах мэт оров*. ‘Дождь **хлынул, полил** как из ведра’ [БАМРС IV, 2002: 277]; ойр. *Үүлен бархалзаад удал угаа хур ороха*. ‘Тучи потемнели, немного погода **пойдёт дождь**’ [Тодаева, 2001: 58]; калм. *Хур, цасн орхла, селэнд күрхд дашката* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Когда **идет** дождь, снег, до села добраться трудно’.

– монг. *арилах* ‘переставать, пройти (о дожде)’ [БАМРС I, 2001: 144]; ойр. *гише (гишкү)* [Тодаева, 2001: 93] / калм. *хур гиш* ‘прекращаться, проходить (о дожде)’ [КРС, 1977: 143], *уурх* ‘прекращаться, останавливаться’ [КРС, 1977: 542]. Например: монг. *хур арилах* ‘переставать, пройти (о дожде)’; ойр. *Өрүүн орогсан хур одаа күртел гишгээд угаа*. ‘Дождь, шедший ещё с утра, до сих пор **не перестал**’ [Тодаева, 2001: 93]; калм. *Өрүнднь хур гишһэд, һазр акад бээж*. ‘Утром дождь **прекратился**, земля просохла’ [НККЯ. К. Эрендженов]; калм. *Хур ордган уурв* [КРС, 1977: 542] ‘Дождь прекратился’.

***Boruyan* ‘дождь, ливень, непогода’**

Ливень – сильный проливной дождь. **Непогода** – плохая погода, ненастье [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *boruyan* [ЭСМЯ, 2015: 100]; стп.-калм. *borān* ‘гроза, буря с дождем или снегом, дождливая погода’ [Рамстедт, 1935: 51], стп.-калм. *boro* ‘дождь’ [Позднеев, 1911: 131]; монг. *бороо(н)* ‘дождь’ [БАМРС I, 2001: 266]; ойр. *бораан (бороон)* ‘ненастье, непогода; дождливая

погода' [Тодаева, 2001: 72]; бур. *бороо* 'дождь, дождик' [БРС I, 2006: 142]; калм. *боран* 'ненастье, непогода; дождь' [КРС, 1977: 110].

В монгольских языках функционируют словосочетания с лексемой *бороо(н)* 'дождь', обозначающие разновидности дождя:

– монг. *аадар бороо* 'проливной дождь', *дуутай бороо* 'грозовые дожди', *шиврээ бороо* 'мелкий дождь, морозящий дождь', *ширүүн бороо* 'сильный дождь, проливной дождь, ливень'; *шаагсан бороо* 'сильный дождь, проливающийся с шумом' [БАМРС I, 2001: 266].

– бур. *дулаан бороо* 'грибной дождь', *сагаан бороо* 'слепой дождь', *үһээ бороо* 'продолжительный (или затяжной) дождь', *шэмэрүүн бороо* 'хлёткий дождь', *аадар бороо* 'ливень, проливной дождь' [БРС I, 2006: 142].

Можно отметить широкое использование глаголов, отражающих фазу дождя: *бороо арилав* 'дождь перестал, небо прояснилось', *бороо залирах* 'приостанавливаться, перемежаться, умеряться (о дожде)', *бороо зөөлрөх* 'стихать (о дожде)', *бороо зүсрэв* 'дождь зарядил', *бороо намжих* 'приостанавливаться, умериться (о дожде)', *бороо орж байна* 'дождь идёт', *бороо сэг болох* 'приостановиться, перемежиться, прекратиться на некоторый промежуток времени (о дожде)', *бороо ширүүсэх* 'усиливаться (о дожде)' [БАМРС I, 2001: 266].

В ойратском и калмыцком языках лексема ойр. *бораан* / калм. *боран* обозначает атмосферные осадки как в виде снега, так и дождя. От данного существительного образуются а) **прилагательное** ойр. *бораатаа* / калм. *бората* 'ненастный, дождливый'; б) **глаголы** ойр. *бораашиха* 'устанавливаться (о ненастной погоде, дожде)' [Тодаева, 2011: 72]; калм. *боралх* 'бушевать (о непогоде)'; 'ехать при плохой погоде (в бурю, ливень)'; ойр. *бораатаха* [Тодаева, 2011: 72] / калм. *боратх* 'наступать (о непогоде)' [КРС, 1977: 110]. Например, *бората үвл* 'ненастная (снежная) зима'.

Īigig ‘влажность, сырость, влага; осадки’

Влажность – это наличие влаги в чем-л., степень насыщенности влагой. **Сырость** (от сырой) – покрытый, пропитанный влагой; влажный. **Влага** – жидкость, вода. **Осадки** – вода в жидком или твердом состоянии, выпадающая с неба [<https://kartaslov.ru/>]. Таков диапазон значений, передаваемых этим словом.

Значения: письм. монг. *ĳigig* ‘влажность, сырость, влага’ [ЭСМЯ I, 2015: 142]; монг. *чийг* ‘сырость, влага, влажность’ [БАМРС IV, 2002: 311]; ойр. *чииг* / калм. *чиг* [КРС, 1977: 647] ‘сырость, влага; влажный; осадки’; бур. *шииг* ‘сырость, влага, влажность’ [БРС II, 2008: 613]. В кирг. *чык* влага; роса; бульон; рассол; др.-тюрк. *ĳi* роса [ЭСМЯ I, 2015: 142].

От данной лексемы образованы:

– **глаголы**: монг. *чийглэх* ‘увлажнять; намочить’; *бороо газар чийглэлээ* ‘дождь оросил землю [БАМРС IV, 2002: 311] / калм. *чииглх* ‘моросить, накрапывать’; *хур чийглэжэнэ* ‘дождь моросит’ [КРС, 1977: 648]; ойр. *чиигтээрхе* ‘становиться влажным, сырым; увлажняться, мокнуть’; *чиигтехе* ‘сыреть, увлажняться’ [Тодаева, 2001: 438];

– **прилагательные**: ойр. *чиигльг* [Тодаева, 2001: 438] / калм. *чииглг* [КРС, 1977: 648] ‘влажный, сырой’; монг. *чиигтэй* [БАМРС IV, 2002: 311] / ойр. *чиигтээ* [Тодаева, 2001: 438] / калм. *чиигтэ* [КРС, 1977: 648] ‘влажный, мокрый’.

В значении ‘осадки’ выше приведенные лексемы встречаются в парных сочетаниях. Например: монг. *хур бороо* ‘дождь’, *хур борооны зүйл* ‘осадки’ [БАМРС IV, 2002: 167], *хур тундас* ‘осадки, дождь’, *хур ус* ‘осадки’ [БАМРС IV, 2001: 167], *ус чийг* ‘влага, влажность’, *чийг нойтон* ‘сырость’, *хур бораан* ‘дождь’; бур. *бороо хура*, *хура бороо* ‘дождь, дождик’, *бороо нойтон* ‘дожди; ненастье’ [БРС I, 2006: 142], *шииг нойтон* ‘сырость; осадки’ [БРС II, 2008: 613]; калм. *хур-чиг* ‘осадки’; *хур-боран* ‘осадки’, *хур-бальчг* ‘слякоть’.

Например: монг. *Хур бороо* хувин саваас асгаж цутгах мэт оров. ‘Дождь хлынул, полил как из ведра’ [БАМРС IV, 2002: 277]; ойр. *Бораан шуурһан* зогсаад, наран һараад, оггорһуу тольрава. ‘Прекратилась метель, взошло солнце, небо засияло’ [Тодаева, 2001: 330]; калм. *Эндр хагсу сө болв, хур-чиг уга*. ‘Сегодня была сухая ночь, без осадков’ [НККЯ. Х. Сян-Белгин].

Лексемы *боран* и *хур* широко используются в пословицах и поговорках, где образное восприятие атмосферных осадков высвечивает особенности жизненных ситуаций, человеческого поведения и мышления.

Есть пословицы с гидрометеорным компонентом с семой интенсивности, осуждающие пересуды, сплетни (шушуканье), пустословие: калм. *Шивр шивр боран* девл норана, шивр шивр үг күм хаһцулна. ‘Морозящий дождь мочит шубу, шушуканье (сплетни) разлучают людей’ [Тодаева, 2007: 525]; *Ик боран* замыг һутана, ик амн эриг һутана. ‘Сильный дождь портит дорогу, а длинный язык – молодца’ [Тодаева, 2007: 530].

В пословицах с зоонимом (волк), осуждающих неправильное поведение человека, также используется метеокомпонент, отражающий подходящие условия для неблагоприятной ситуации: *Му чон боранд, му күмн зүдрәнд*. ‘Плохой волк выходит в пургу, плохой человек – когда изнурен и ослаб’ [Тодаева, 2007: 450]; *Хулхач – бүрүлд, чон – боранд*. ‘Вор – в сумерках, волк – в ненастье’ [Тодаева, 2007: 487].

Аналогия атмосферных явлений (тучи, дожди) с негативными эмоциями, переживаниями тоже характерна для паремии монгольской культуры: ойр. *Үүлн һарвл, боран ордг, үүл ирвл, зовлң болдг*. ‘Когда появляются тучи, идут дожди – когда приходит беда, начинаются мучения (страдания)’ [Тодаева, 2007: 177]; *Хур орхла һазр сергнә, худл һархла толһа эргнә*. ‘Когда дождь идет, земля освежается – когда ложные слухи пускают, голова кружится’ [Тодаева, 2007: 531]; *Борана дару серүн болдг, худлын дару*

ичр болдг. ‘После **дожда** наступает прохлада – после лжи приходит чувство стыда’ [Тодаева, 2007: 537].

В ойратских и калмыцких пословицах причины возникновения ссоры сравниваются с процессом природного явления:

– ойр. *Салькени сүүлени бораан, наадани сүүлени керүүл* ‘Конец ветра – ненастье, конец забавы – ссора’; результат природного явления сравнивается с ссорой [Тодаева, 2001: 72];

– калм. *Үг сөрхлэ керул болдг, үүлн сөрхлэ боран ордг* ‘Когда противоречишь, то бывает ссора – когда туча против ветра, то бывает дождь’ [Тодаева, 2007: 552]; *Наадни сүл ноолдан, салькни сүл боран* ‘Конец шуток – ссора, конец ветра – непогода’ [Тодаева, 2007: 554]; *Наадж келсн үгэс зээл, нарта орсн хурас зээл* ‘Избегай слов, сказанных шутя – избегай дождя, что идет при сиянии солнца’ [Тодаева, 2007: 557]; *Үүлн зөрвл боран болдг, үг зөрвл керул хардг* ‘Когда тучи идут против ветра, бывает дождь – когда слова говорят наперекор, бывает ссора’ [Тодаева, 2007: 552].

В пословицах монг. *Орсон бороо арилдаг, ирсэн гийчин буцдаг* [БАМРС I, 2001: 144] / калм. *Орсн боран гиидг, ирсн гиич хардг* ‘Пора (надо) и честь знать (букв. начавшийся дождь прекратится, пришедший гость возвратится)’ [КРС, 1977: 110] дождь как протяженное и конечное во времени природное явление иносказательно транслируется на ситуацию приёма гостей и имеет смысл – ‘все когда-то заканчивается’. Обычно монгольские народы данную пословицу озвучивали во время свадебного процесса, что служило сигналом гостям – ‘пора собираться в путь’.

Лексема *хур* ‘дождь’ встречается в пословицах поучительного характера, как эта: *Хур орв гижэ, малан услл бичэ бэ.* ‘Даже если прошёл дождь, не забывай поить скот’, то есть ‘На Бога надейся, сам не плошай, не будь беспечным’ [Тодаева, 2007: 321].

Дождь как природное явление был для кочевника долгожданным благоприятным событием, способствовавшим росту трав, то есть корма для

скота, дарившим прохладу в зной. Потому аналогия дождя с понятием счастья не удивительна: *Хур гидгнь – үүлнэ, хув гидгнь – йөрэлэ*. ‘Дождь начинается с туч, а счастье – с благопожелания’ [Тодаева, 2007: 171].

В калмыцком языке значение ‘после драки кулаками не машут’ передают пословицы, в которых употребляются лексемы *боран* и *хур*. Например: *Давсн хуриг занч авч некдг уга*. ‘За прошедшим дождем не гоняются с буркой’; *Төгссн бораг занчар некжэ болдг уга*. ‘Прошедший дождь не вернуть (размахивая буркой)’; *Давсн хуриг даладжэ авч болдг уга*. ‘Прошедшего дождя не вернешь, махая рукой’; *Өңгрсн хуриг өрмгэр даладжэ болдг уга*. ‘Прошедший дождь не заманить армяком’; *Торгсн бораг занчар некжэ болдг уга*. ‘Проходящий дождь не удержать, размахивая буркой’ [Тодаева, 2007: 219].

В некоторых пословицах образ дождя позиционируется как источник чистой энергии или ценностный результат: *Хур, борана сүүлэр аһар сенр болдг, керг, көдлрин сүүлэр бий амр болдг*. ‘После дождя воздух становится чистым – после всех трудов тело отдыхает’ [Тодаева, 2007: 279]; *Үүлнэс боран ордг, үгэс үг һардг*. ‘Из тучи выпадает дождь – из слов рождаются слова’ [Тодаева, 2007: 267].

Значение выражения ‘попасть из огня, да в полымя’ передается в пословице *Хурас зулад, дусалд бэргдх*. ‘Спасаясь от дождя, попасть под каплю’ [КРС, 1977: 610].

Пословицы фиксировали тонкие наблюдения номада над явлениями природы. Так, некоторые из них отражали приметы, по которым определяли, каким будет то или иное время года. Например, если лебеди прилетали рано, то весна начиналась поздно, если зима начиналась с дождей, быть ей неблагоприятной: *Хун түрүтэ хавр удан, хур түрүтэ үвл удан*. ‘Весна, начинающаяся с прилетом лебедей, бывает поздней, зима, начинающаяся дождями, бывает продолжительной’ [Тодаева, 2007: 461].

В калмыцких пословицах *Нарта болв чиг хур ордг, ламта болв чиг кун укдг*. ‘Дождь может идти и когда солнце светит, люди могут умирать и когда лама служит’ [Тодаева, 2007: 186]; *Нарта хур ку норһдг*. ‘И при солнце дождь намочит человека’ отражается буддийское смирение перед судьбой [Тодаева, 2007: 55]. Образ дождя здесь олицетворяет некую силу, которой невозможно противостоять: чему быть, того не миновать.

Пословицы отражали и социальную дифференциацию общества: *Хулха авх мал уга, хурас эрвх хувцн уга*. ‘Нет скота, чтобы украсть, нет одежды, чтобы беречь от дождя’ [Тодаева, 2007: 487]. Здесь речь о крайней степени бедности: ни еды, ни одежды.

В пословице *Үүлн хурхла – хур, амтн хурхла – күчн*. ‘Тучи собираются – дождь будет, люди собираются – сила’ [Тодаева, 2007: 78] присутствует аналогия силы стихии (дождя) с коллективной силой людей.

Многие «пословицы монгольских народов имеют характер природных прогнозов, которые возникли на основе обобщения жизненного опыта и наблюдения за природными явлениями, что было совершенно необходимо при кочевом образе жизни, а женщине-калмычке особенно. Кстати, замужней женщине нельзя было выходить с непокрытой головой – это могло накликать дождь» [Борджанова, 1999: с. 21-22].

***Noyitan* ‘мокрый, сырой, влажный; осадки’**

Мокрый, сырой влажный означает «пропитанный влагой». **Осадки** – «вода в жидком или твердом состоянии, выпадающая с неба» [<https://kartaslov.ru/>]

Значение данного метеонима в монгольских языках: письм.-монг. *noyitan*, даг. *ноитон*, баоан. *нітаң*, дунс. *наічіэн, наічіэнич* ‘мокрый, сырой, влажный’ [ЭСМЯ, 2016: 205]; стп.-калм. *пōīt̪* ‘влажный, мокрый, водянистый’ [Рамстедт, 1935: 280], *noyitun* ‘влажный, сырой, мокрый’ [Позднеев, 1911: 68]; монг. *нойтон* ‘мокрый, влажный; сырой; влажность, сырость; мокро’ [БАМРС II, 2001: 411], ойр. *нойтон (нойтон)* ‘мокрый,

влажный; сырой' [Тодаева, 2001: 250]; бур. *нойтон* 'влажный, сырой, мокрый; сырость; осадки (дождь, снег)' [БРС I, 2006: 610]; калм. *нөөтн* 'сырой, влажный, мокрый; сырость; осадки (о дожде, снеге)' [КРС, 1977: 384].

Лексема *нөөтн*, одним из значений которого является «осадки (о дожде, снеге)», синонимична метеониму *боран*. Она редко используется в калмыцком языке. В других монгольских языках данный метеоним имеет значение 'мокрый, сырой, влажный'.

Исходя из старописьменных источников можно утверждать, что лексема *нөөтн* только в бурятском и калмыцком языках развила значение 'осадки (о дожде, снеге)': калм. *Нөөтн орн гижэх бээдлтэ*. 'Кажется, будет дождь' [КРС, 1977: 384].

***Jada* 'ненастье, непогода'**

Ненастье – дождливая, пасмурная погода; непогода [https://kartaslov.ru/].

Значения в монгольских языках: письм.-монг. *dzada* 'ненастье, ненастная погода' [Ковалевский III, 1849: 2275]; монг. *зад* '1) ненастье, непогода; 2) колдовство, волшебство; способ колдовскими чарами вызывать ненастье' [БАМРС II, 2001: 197]; ойр. *зада* '1. ненастье; непогода; 2. магия, волшебство' [Тодаева, 2001: 149]; бур. *зада* 'ненастье, непогода' [БРС I, 2006: 373]; калм. *зад* 'ненастье, непогода' [КРС, 1977: 236].

В тюрк.: кирг. *жадаа* 'заклинание погоды; камень *яда́*, якобы обладающий способностью вызывать атмосферные осадки и будто бы находимый в желудке овцы'; др.-тюрк. *jat* 'колдовство, связанное с вызыванием дождя и ветра'; иран. 'колдовство' [ЭСМЯ II, 2016: 53].

В монгольских языках возможны различные сочетания с данной лексемой: монг. *шувууны зад* 'осеннее ненастье (во время перелёта уток и гусей)' [БАМРС II, 2001: 197]; ойр. *зада көделхе* 'начнётся ненастье' [Тодаева, 2001: 149]; бур. *зада хиш* 'ненастье'; *галуунай зада* 'осеннее

ненастье (совпадающее с отлётом гусей)’, *тэнгэрийн зада* ‘непогода, ненастье’; *шубуунай зада* ‘осеннее ненастье (во время перелёта уток и гусей)’ [БРС I, 2006: 373]; стп.-калм. *z. tšolün* ‘осадки всех видов, дождь’ [Рамстедт, 1935: 462]; калм. *задта теңгрин бээдл* ‘ненастная погода’ [КРС, 1977: 236].

С лексемой *зад* образуется именное словосочетание стп.-калм. *zadin üln* ‘дождевые облака’ [Рамстедт, 1935: 462]; ойр. *задийн үүлэн* ‘тучи’ [Тодаева, 2001: 149]; калм. *задын үүлн* ‘грозовые тучи’, которые являлись предвестниками ненастья. Например, *задийн үүлэн күршивээ* ‘нависли тучи – предвестники ненастья зада (зада)’ [Тодаева, 2001: 149].

В монгольских языках активно употребляются производные от данной лексемы глаголы в следующих значениях: монг. *тэнгэр задрах* ‘наступление ненастья’ [БАМРС II, 2001: 197]; ойр. *задараха (задараху)* ‘наступать (о ненастье, непогоде)’ [Тодаева, 2001: 149]; калм. *теңгр задрх* ‘наступление ненастья’.

У тюрко-монгольских народов существует обряд вызывания дождя. Камень *зад* – принадлежность особых людей, подобных шаманам. *Задчи* – лица, умеющие вызывать дождь. «Вызыватели дождя» считались способными изменить погоду как в лучшую, так и в худшую сторону. Они были окружены почетом, и ими могли являться и гелюнги, и миряне. Среди функций лиц, выполнявших в родовом обществе сакральные ритуалы, функция обеспечения благоприятной погоды, управления дождем, столь необходимым во время засухи и нежелательным в другие времена, являлась чрезвычайно важной [Бакаева, 2003: 76].

В связи с этим в монгольских языках встречаются различные лексемы и словосочетания, связанные с данным обрядом:

– монг. *зад барих* ‘посредством чар вызывать ненастье’, *зад баригч* ‘человек, способный вызывать непогоду’, *зад чулуу* ‘безоар, камень, служащий для прекращения засухи, вызывания дождя’, *задач* ‘колдун, волшебник, чародей (умеющий вызывать ненастье)’ [БАМРС II, 2001: 197];

задлах ‘производить чарами ненастье’ [БАМРС II, 2001: 198]; калм. *задч* ‘волшебник, вызывающий дождь’, *задын чолун* ‘камень для вызывания дождя’ [КРС, 1977: 236]; ойр. *альхан деерээн зада татажси мөндөр оруулха* ‘совершив магические действия на своей ладони, вызвать град’ [Тодаева, 2001: 149].

Происхождение словосочетания *задын чолун* ‘камни для вызывания дождя’ имеет свою историю. Тюркоязычные народы Средней Азии и Монголии еще в IV–V вв. проводили обряд вызывания дождя. Известно, что он активно проводился до 14 века. *Задын чолун* – камни яйцеобразной формы пестро-синего цвета. Вызыватель дождя перед ритуалом опускал камни в чашу с водой, промывал их и перемешивал. Отсюда появилось выражение *задын хутхур* ‘подстрекатель’ (букв. ‘перемешивающий ненастье’).

В прежние времена вызыватель дождя всегда принимал участие в военных действиях. У него была своя особенная миссия. В темное время суток перед боем он вызывал дождь на сторону противника, тем самым осложнял положение вражеских войск.

О магической силе *задач* / *задчи* слагались легенды. В одной легенде сказано, что удалось вернуть украденных верблюдов благодаря вызывателю дождя. Зайсанг взял девять своих ‘дождевых камней’ и, поднявшись на высокий бугор, стал вызывать дождь. Тотчас же появились грозовые тучи, пошел сильнейший дождь в той стороне, где скрылись грабители. Дождь шел целые сутки... И на другой день похитители с верблюдами были пригнаны обратно к тому же месту, откуда были украдены животные [Бакаева, 2003: 77].

Рассматриваемая лексема в настоящее время употребляется не часто, так как данный обряд вызывания дождя заменился другим обрядом: *назр тэклһн* ‘жертвоприношение земле’. Этот ритуал проводится при засушливой погоде. Делая подношение земле, люди обращаются к небу, прося у него дождя.

Т.Б. Борджанова отмечает, что калмыки ежегодно в определенное время совершали обряд «*һазр-ус тәклһн*» – освящение земли и воды, – издревле способствовавший приспособлению к природной среде. Так постепенно возникал диалог человека с природой [Борджанова, 1999: 13].

Как известно, калмыки почитают местных божеств, хозяев земли и воды. Хозяином Вселенной калмыки считают особое божество – Белого старца (*Цаһан аав*). В своих молитвах о благополучии, изобилии, удаче и долголетию калмыки обращаются к этому добуддийскому божеству. До сих пор сохранился обряд, который проводится во время засухи для вызывания дождя как обращение к Хозяину Вселенной.

Дождь для монгольских народов является желанным явлением природы. Калмыцкой степи дождь несет долгожданную влагу, необходимую для пастбищ. Дождь в сознании людей ассоциируется с позитивным явлением. В народе бытуют приметы, связанные с дождем. Так, например, когда человек отправляется в дальнюю дорогу, хорошей приметой считается, если в это время идет дождь. В таком случае все намерения отправляющегося в дорогу человека будут реализованы, а планы увенчаются успехом. Если в день свадьбы, когда невесту забирают из дома в семью жениха, пойдет дождь, то это считается хорошей приметой. Калмыки верили в то, что семейная жизнь будет счастливой. Когда семья собирается перевозить вещи на новое место жительства и вдруг начинается дождь, не стоит огорчаться: в новом доме семью непременно ожидает счастье. Дождь в первый день весны – предзнаменование хорошего урожая и незасушливого лета. После учений, которые даруют мирянам духовные буддийские наставники, часто накрапывает дождь. Это тоже считается хорошей приметой.

***Budang* ‘туман’**

Туман – скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным [https://kartaslov.ru/].

Значения: письм.монг. *budang* ‘туман’ [Лессинг, 1960: 129]; монг. *будан(з)* ‘мгла, лёгкий туман; дымка, марево’ [БАМРС I, 2001: 279]; стп.-калм. *budung* ‘туман; мрачный, помраченный; глупый’ [Позднеев, 1911: 134]; *будн* ‘туман’ [Рамстедт, 1935: 57]; ойр. *будаң (будуң)* ‘туман, мгла’ [Тодаева, 2001: 78]; бур. *будан(з)* ‘мгла, лёгкий туман’ [БРС I, 2006: 147]; калм. *будн* ‘туман, мгла’ [КРС, 1977: 116].

Слово в значении ‘туман’ имеет лексическую параллель в якутском языке *budan ~ bydan* [СИГТЯ, 2001: 35].

В монгольских языках широко употребляются самые разные прилагательные, характеризующие данную лексему:

– монг. *хөх будан* ‘синий туман’, *хөнгөн будан* ‘букв. легкий туман’, *торгон будан* ‘букв. шелковый туман’, *цагаан будан* ‘букв. белый туман’, т. е. густой туман; *мөнгөн цагаан будан* ‘серебряный белый туман’, *өтгөн цагаан будан* ‘густой, белый туман’. Например: *Хөх будан тунаж байна*. ‘Синий туман оседает’ [БАМРС I, 2001: 279];

– ойр. *манууртагсан ике будаң* ‘густой туман’, *нигте цаһаан будаң* ‘густой, белый туман’. Например: *Һарсан ике тоосони манууртагсан ике будаң болаад одва*. ‘Огромная пыль, поднятая лошадьми, превратилась в густой туман’ [Тодаева, 2001: 225];

– калм. *нигт цаһан будн* ‘густой белый туман’, *өткн цаһан будн* ‘густой, белый туман’, *цэасн нигт будн* ‘белый густой туман’. Например: *Өткн цаһан будн тунад орксн, эрә медг-үлг салькта, зөвәр зекүн*. ‘Густой белый туман опустился, незаметный тихий ветерок, довольно холодно’.

Беспросветный, очень густой туман калмыки сравнивали с молоком: *үснә өңгтә цаһан, нигт будн* ‘белый, густой туман, как молоко’. Например: *Өдрт нарна герл үвлин сармудт көрч одсн һазриг сәәнәр дуладулж девтәһәд бәәв, тегәд өрүнд һазрас үснә өңгтә цаһан, нигт будн тасрәж һардг билә*. ‘В зимние месяцы лучи солнца, согревая, растапливали подмерзшую землю, и поэтому утром поднимался белый густой туман, подобный молоку’.

В монгольских языках лексема монг. *будан(г)* / ойр. *будаң* / калм. *будн* ‘туман’ сочетается с различными глаголами, образуя предикативные сочетания:

– монг. *дэгдээх* ‘подниматься вверх’, *сөхөх* ‘приподнимать, поднимать’, *татах* ‘затягиваться, обволакиваться, покрываться’, *тунах* ‘осаждаться, оседать на дне’. Например: *будан дэгдэв* ‘туман поднялся’, *будан сөхнө* ‘туман рассеивается’, *будан татах* ‘туманиться, покрываться мглой’, *будан тунах* ‘стелется, оседает, опускается туман’.

– ойр. *тольраха* ‘рассеиваться (о тумане)’, *шигерехе* ‘рассеиваться’, *таларха* ‘рассеиваться’, *деегшилехе* ‘подниматься вверх’, *бууха* ‘спускаться, идти вниз, понижаться’. Например: *будаң талараваа* ‘туман рассеялся’, *будаң шигеревээ* ‘туман рассеялся’, *будаң тольражи* ‘туман рассеялся’.

– калм. *деегилх* ‘подниматься вверх’, *талрх* ‘рассеиваться’, *буух* ‘спускаться, идти вниз, понижаться’, *халһрх* ‘рябить’, *бээх* ‘обволакиваться’. Например: *будн деегилв* ‘туман поднялся’, *будн талржана* ‘туман рассеивается’, *будн буужана* ‘туман опускается’, *будн халһрна* ‘туман рассеивается’ (туман с просветами, т.е. рассеивающийся местами туман) [КРС, 1977: 569].

От существительных *будан* / *будаң* / *будн* в монгольских языках образуются:

– **глаголы:** монг. *будангуйрах* ‘мрачнеть, хмуриться (о погоде); мутиться, мутнеть; темнеть’; ойр. *будаңһуураха* ‘покрываться мглой, делаться туманным, затуманиваться’, *будаңтаха* ‘покрываться туманом, затуманиваться, покрываться мглой’; калм. *будңһрх* ‘туманиться, мутнеть, темнеть’;

– **прилагательные:** монг. *будантай* ‘туманный, покрытый туманом, мглистый’; ойр. *будаңһуу* ‘туманный, мглистый’; калм. *будта* ‘туманный’. Например: монг. *Нартаа йиртемжи будаңһуураад иревээ* ‘Солнечная вселенная стала покрываться мглой’; ойр. *будаңһуу өрүүн* ‘туманное утро’;

калм. *будта өдр* ‘туманный день’, *будта өрүн* ‘туманное утро’, *будта хаалһ* ‘туманная дорога’.

У монгольских народов существуют разные приметы, связанные с туманом: *будн буухла, дулан болх* ‘если туман опускается, это к теплу’; *будн дораһур буухла, дулан болдг* ‘если туман стелется по низу, то будет тепло’; *будн буухла, чиигтэ юмн орх* ‘если туман опускается, то будет дождь’ [ПИМА].

***Manan* (~ *manang*) ‘туман’**

Это еще одно, синонимичное приведенному выше, обозначение тумана как атмосферного явления в монгольских языках.

Значения: письм.-монг. *manang* (*манан*) ‘туман’ [Лессинг, 1960: 525]; даг. *манан*, мнгр. *намāн* ‘туман’ [ЭСМЯ II, 2016: 159]; монг. *манан* ‘туман’ [БАМРС II, 2001: 318]; стп.-калм. *manang* ‘туманный, туман’ [Рамстедт, 1935: 256]; ойр. *манан* (*манан*) ‘мгла, туман’ [Тодаева, 2001: 225]; бур. *манан* ‘туман’ [БРС I, 2006: 535]; калм. *манн* ‘туман’ [КРС, 1977: 341].

Это слово широко представлено в тюркских языках: башк. диал. *tinar* ‘сухой туман, вредный для растительности’, ног. *tinar* ‘мгла, марево’, кирг. *tinar* ‘легкая мгла, мутная белизна воздуха, дымка, белесое марево’; *tinar* ‘покрываться легкой дымкой’ [СИГТЯ, 2001: 528]. Тюрк. *tinar*, вероятно, восходит к **mana:r*. На переход *a > u* в первом слоге могли повлиять и монгольские синонимы *inar*, *tinar* [СИГТЯ, 2001: 35-36].

В монгольском языке лексема *манан* используется довольно широко, о чем свидетельствует функционирование в речи различных словосочетаний, обозначающие разновидности тумана: *будан манан / манан будан* ‘туман; дымка тумана, туманная мгла’, *бударсан манан* ‘мокрый туман’, *мөөгний манан* ‘грибной туман’, *усан манан* ‘водяной туман, насыщенный туман’, *үүл манан* ‘туман’, *цагаан манан* ‘седой туман’, *манан манар* ‘туман, дымка’, *манан хүдэн* ‘туман, мгла’ [БАМРС II, 2001: 318].

Данная лексема также в сочетании с другими частями речи может обозначать клубы пыли: *тоос манан / улаан манан* ‘пыль, облака пыли’,

тоосон манан ‘облако пыли’, *шороон манан* ‘пылевая завеса, клубы пыли’ [БАМРС II, 2001: 318].

В монгольском языке лексема *манан* ‘туман’ сочетается с глаголами – *савсах* ‘подниматься (о паре)’, *суунаглах* ‘клубиться, тянуться полосой (напр. о дыме, тумане)’, *татах* ‘затягиваться, покрываться, обволакиваться’, *түгэх* ‘стелиться (о тумане)’, *униартах* ‘покрываться дымкой, мглой; подернуться дымкой, затягиваться мглой (в засуху)’ – и образует следующие сочетания: *манан савсах* ‘подниматься (о тумане)’, *манан савсана* ‘поднимается туман’, *манан суунаглана* ‘клубится туман’, *манан татах* ‘застилаться, обволакиваться, покрываться туманом’, *манан түгнэ* ‘стелется, поднимается (о тумане)’, *манан униартаж байна* ‘дымится туман’ [БАМРС II, 2001: 318].

В ойратском языке встречается словосочетание *хара манан* ‘густой черный туман’, парное слово *күдең-манан*, имеющее значение ‘мгла, туман’. Например: *Одаа манан таларва*. ‘Теперь туман рассеялся’; *Хара манан татуулаад, хаалһа-замшиги боова*. ‘Опоясал густой черный туман, преградил путь-дорогу’; *Күлегиин тоосон күдең-манан болаад, күмени шуугаан тоһруун, халуун болха*. ‘Пыль от копыт коней, словно туман, шум людей, словно крики журавлей и гусей’.

Лексема *манан* в ойратском языке сочетается с глаголами и глагольными образованиями, характеризующими данный метеоним: *таларха* (*талараху*) ‘рассеиваться, расходиться; проясняться (о погоде)’; *манантаха* (*манантаху*) ‘застилаться, обволакиваться, покрываться мглой, туманом’; *манараха* (*манараху*) ‘туманиться, застилаться туманом, подергиваться мглой’. Например: *Тере манантагсан хара уулиги үзевүү?* ‘Видишь ли ты ту темную гору, покрытую туманом?’; *Холо назар манаралаа*. ‘Даль затуманилась’.

Глагол *манараха* (*манараху*) также может использоваться в переносном значении ‘туманиться, замутиться, кружиться (о голове)’. Например: *Күүкен зерлег альма идээд манаран унава*. ‘Поев дикое яблоко, девочка упала – у нее

закружилась голова’; *Сегээн угаа манараад унаха*. ‘Затуманилось, потерял сознание’ [Тодаева, 2001: 225].

Метеонимы *манан*, *будн* встречаются в пословицах. В монгольской пословице *Үүл манан салхи даахгүй, өглөөний шүүдэр нар даахгүй*. ‘Туман боится ветра, утренняя роса – солнца’ отражается философский смысл взаимозависимости, непостоянства бытия: все в мире циклично, день сменяет ночь, после заката наступает рассвет, после черной полосы наступает белая.

Природные объекты и явления окружающей действительности были для номада ориентирами, включавшими его образное мышление, способность к обобщениям, что помогало ему емко и точно формулировать нравственные ценности и жизненные принципы: *Уулын өндрэс будн хөөндэ уга, залуһин сээнэс үүл тасрдэ уга*. ‘На горных вершинах всегда туман – у настоящего мужчины всегда дела’ [Тодаева, 2007: 287]. Мужчина – опора семьи, социума в целом. Он защитник и добытчик и всегда должен быть при исполнении своих обязанностей, подобно горной вершине, погруженной в вечный туман.

Как правило, пословицы состоят из двух противопоставленных по смыслу частей, иногда с элементами игры слов. Так, в пословице *Будан хонулдэ, будн төөрүлдэ*. ‘Пища заставляет ночевать, туман – блуждать’ [Тодаева, 2007: 118] наблюдается игра слов *будан – будн*: *будан* – это ночная похлебка, сытная горячая еда на молоке с маслом. Кочевники после тяжелого трудового дня всегда ели на ночь горячую маслянистую пищу, которая расслабляла их после физической нагрузки, восстанавливала, придавая силы. *Будн* ‘туман’ является естественным препятствием, сбивающим человека с пути. Он вынужден будет остановиться на ночлег и, поев будан, набраться сил.

После наступления прохлады, сезона дождей и туманов приходят первые заморозки. Земля покрывается инеем и изморозью. Наступает

промежуточный период межсезонья, для которого характерна особая метеорологическая лексика.

***Kirayu* ‘иней’**

Иней – снежная кристаллическая масса, образующаяся из водяных паров воздуха и оседающая тонким слоем на охлажденных предметах [<https://kartaslov.ru/>]. Это атмосферное явление обозначено следующим образом:

Значения: письм.-монг. *kirayu* [←**qirayu*] [ЭСМЯ II, 2016: 128], *kirayu(n)* (*хяруу*) ‘иней’ [Лессинг, 1960: 470], стп.-калм. *kirū* ‘иней, замерзшая роса’ [Рамстедт, 1935: 233]; монг. *хяруу* ‘иней’ [БАМРС IV, 2002: 236]; ойр. *кирүү* ‘иней’ [Тодаева, 2001: 200]; бур. *хюруу* ‘иней’ [БРС II, 2008: 529]; калм. *кирү* ‘иней’ [КРС, 1977: 302].

Слово *qurayu* в значении ‘иней’ представлен во многих тюркских языках: др.-тюрк. *qirayu* ‘иней, изморозь’; крх.-уйг. *qurayu*, ср.-кыпч. *qurav*, вост.-тюрк. *qirayu*; тур. *kyra(γ)u*, аз. *qyrow*; турк. *quraw* [СИГТЯ, 2001: 36].

Иней является первым признаком похолодания, наступления легких заморозков. Родственные природные явления *иней* и *изморозь* проявляются по-разному. Изморозь появляется на проводах, вертикальных или наклонных ветках кустов и деревьев. Иней же не образуется на тонких поверхностях, ветвистых предметах. Эти различия отражены в семантике метеолексем.

В монгольском языке *иней* различается по периоду выпадения: *хар хяруу* ‘букв. черный иней’ выпадает осенью: *Хар хяруу унах улирал* ‘двухнедельный период выпадения чёрного инея (23 октября – 5 ноября)’. Появление *цагаан хяруу* ‘изморози’ происходит в период наступления первых заморозков. В калмыцком языке изморозь обозначается словосочетанием *цаһан кирү*.

Лексемы монг. *хяруу* / ойр. *кирүү* / калм. *кирү* ‘иней’ образуют словосочетания с определенными глаголами: монг. *хяруу унах*, *хяруу буух* / ойр. *кирүү буух* / калм. *кирү буух*, *кирү бәәх*, *кирү унх* ‘покрываться инеем’.

Например: *Газр цодрад, киитн догшдад, төгэлдэн цацтад кирү бээдг болв* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Земля замерзла, холод усилился, вокруг все **покрылось инеем**’.

Глагол *хонх* ‘ночевать’ в калмыцком языке в сочетании со словом *кирү* приобретает значение ‘образоваться; упасть ночью’, т.е. *кирү хонх* ‘букв. иней переночует / будет ночевать’. Например: *Сөөднь һазрин көрсн деер мөстсн кирү хондмн, эннь һазриг чолунд тохраж хатурулдмн* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘Ночью на почву земли **опускается иней**, который подмораживает землю, превращая в камень’.

В ойратском и калмыцком языках метеолексема *иней* используется с характеризующими атмосферное явление прилагательными: ойр. *мөңген цаһаан кирүү* ‘серебристо-белый иней’, калм. *мөстсн кирү* ‘заледенелый иней’. Например: ойр. *Газарта кирүү буува*. ‘Земля покрылась инеем’; *Өвсени толһаада зогсогсан мөңген цаһаан кирүү*. ‘Серебристо-белый иней, осевший на верхушки трав’ [Тодаева, 2001: 200].

От существительных монг. *хяруу* / ойр. *кирүү (кирүү)* / калм. *кирү* ‘иней’ образуются следующие глаголы: монг. *хяруутах* ‘покрываться инеем; пострадать от заморозков’, ойр. *кирүүтөхө (кирүүтөкү)* ‘индеветь, покрываться инеем’; калм. *кирүтх* ‘покрываться инеем, индеветь’. В современном калмыцком языке в торгутском диалекте также употребляется слово *кору* ‘иней’.

О приближении холода с сопровождающим его инеем кочевники судили по появлению на небе скоплений мелких звезд (*мөчн одд* ‘стожары’). В обычные дни их на небе не видно, они обнаруживают себя осенью как предвестники первых заморозков [Кичиков, 1997: 51]. Атмосферные осадки создавали и ассоциации, способствовавшие запоминанию событий, связанных с хозяйственной, животноводческой деятельностью: *Намрлад, серүн орад, кирү унад ирсн цагт һурвдад кичгнә* [НККЯ. Н. Илюмджинов]. ‘В то время, когда наступает осень, приходит прохлада, появляется иней,

случается третий приплод’.

Метеорологические приметы смены и наступления определенного времени года также отражены в пословицах: *Үвлин кирү намрт, зуни кирү хаврт*. ‘Зимний иней – осенью, летний – весной’ [Тодаева, 2007: 217].

В ойратской пословице зафиксированы погодные приметы: *Көк манан татвл, боран орхин темдг, киитн салькн сальквл, кирү унхин темдг*. ‘Когда синий туман затягивается – к дождю, когда подует холодный ветер – к инею’ [Тодаева, 2007: 377].

Ўang ‘иней, изморозь’

Изморозь – похожий на иней снегообразный осадок, образующийся в туманную морозную погоду на ветвях деревьев, проводах и т.п. [<https://kartaslov.ru/>].

Значение: письм.-монг. *Ўang* ‘иней, изморозь’ [ЭСМЯ, 2015: 133], *цан(г)* ‘иней’ [Лессинг, 1960: 164]; стп.-калм. *цан(г)* ‘изморозь на ветвях дерева’ [Позднеев, 1911: 239]; монг. *цан(г)* ‘изморозь, иней, мороз’ [БАМРС IV, 2001: 249]; ойр. *цаң* ‘иней, изморозь’ [Тодаева, 2001: 422]; бур. *сэн(г)* ‘иней, изморозь’ [БРС II, 2008: 211]; калм. *цаң* ‘иней, изморозь’ [КРС, 1977: 625].

От существительных монг. *цан(г)* ‘изморозь, иней, мороз’; ойр. *цаң* ‘иней, изморозь’; калм. *цаң* ‘иней, изморозь’ образуются другие части речи:

– **прилагательное:** калм. *цаңта* ‘заиндевелый’;

– **глаголы:** монг. *цантах* / ойр. *цаңтаха (цаңтаху)* / калм. *цаңтх* ‘заиндеветь, покрыться изморозью’. Например: монг. *сахал цантав* ‘усы заиндевели’, *мод цантжээ* ‘деревья покрылись инеем’; ойр. *сахал, амани цаңтан цээсен өвген* ‘старик, у которого борода и рот покрылись инеем’; *Цаңтагсан модод хэлээхлээ йамаараан сээхен!* ‘Как красиво выглядят деревья, покрытые инеем!’, калм. *Модн цаңтад бггэж*. ‘На деревьях образовалась изморозь’.

В современном калмыцком языке слово *цаң* в основном используется в

значении ‘изморозь’, о чем свидетельствует словарная статья в калмыцко-русском словаре А. Позднеева [Позднеев, 1911: 239]. Изморозь образуется на тонких предметах, таких как ветви деревьев.

Метеолексемы *будн*, *цаң* используются во фразеологической единице *будн цаң болх* ‘находиться в суматохе, переполошиться’, характеризующей состояние человека.

Метеорологическая лексика межсезонья отражает роль атмосферных явлений в жизни кочевника, вербализуя природные ориентиры его жизненного пространства, включая хозяйственную деятельность. Этот пласт присутствует во всех монгольских и тюркских языках, зафиксированный в старописьменных источниках и сохранивший свое первоначальное значение.

Грамматические формы указанных метеолексем по своим словообразовательным и словоизменительным формам достаточно разнообразны и в полной мере используются в речи, а также широко используются в фольклорных и литературно-художественных произведениях, отражая особенности языковой картины мира и мировоззрения, специфику жизненного уклада и внутреннего мира монголоязычных народов.

Ўасун ‘снег’

Снег – твердые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *časun* (**ča-sun*, *вряд ли* ← **ča-l-sun*); баоан. *часоң*, даг. *час*, дунс. *часун*, мнгр. *чаче* снег [ЭСМЯ I, 2015: 136]; стп.-калм. *tsasŋ* ‘снег’ [Рамстедт, 1935: 423]; стп.-калм. *casun* ‘снег’ [Позднеев, 1911: 241]; монг. *цас(ан)* ‘снег, снежный’ [БАМРС IV, 2001: 253]; ойр. *цасан* (*цасун*) ‘снег’ [Тодаева, 2001: 423]; бур. *саһан* ‘снег’ [БРС II, 2008: 153]; калм. *цасн* ‘снег, снежный’ [КРС, 1977: 626]. Метоним *снег* является одной из базовых лексем метеорологической лексики, характеризующей атмосферные осадки.

В монгольских языках в обозначениях снега преобладают названия его разновидностей, в основе которых обычно лежит признак размера снежинок, время выпадения снега, сопутствующие метеоусловия и др. признаки. Лексемы *цас(ан)*, *цасн* образуют словосочетания, характеризующие величину и разновидность снега, падающего хлопьями: монг. *нимгэн цас* ‘пороша, мелкий снег’, *бөөрөнхийлсэн цас* ‘снежок’, *цасан туйлаадас* ‘снежная крупа’; ойр. *архайаг цасан* ‘снег, падающий хлопьями’; калм. *архайг цасн* ‘дербет. снег, падающий хлопьями’, *көвкр цасн* ‘пушистый снег’, *үүрмг цасн* ‘снежная крупа, букв. мелкий снег’, *цасна уми* (снежинка), *үүрмг умишта цасн* ‘мелкий снег крупинками’, *үүрмг зарм цасн* ‘мелкий снег’, где *цасн* ‘снег’ мелкий, подобно *зарм* ‘просо’, *ик цасн* ‘букв. большой снег’, т. е. снег, выпадающий в большом количестве. Например: ойр. *Архайаг цасан берке, удаан hazар деере тордаг угаа*. **Снежные хлопья** очень нежны, долго они не задерживаются на почве [Тодаева, 2001: 38]; калм. *Үүрмг цасн кишэд зөвэр шуурчана* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘**Снежная крупа** падает и сильно метет’.

Наименования разновидностей снега, имеющие значения *мокрый*, *влажный*: монг. *амны цас* ‘снег для употребления в качестве питья’, *нойтон цас* ‘мокрый снег’; калм. *чиигтэ цасн* ‘букв. мокрый снег’, *нигт чиигтэ цасн* ‘плотный, влажный снег’, *нигт илцрц цасн* ‘плотный, липкий снег’. Например: калм. *Нарн бархлзсн хар үүлн hatц бултад, киитн салькн хурлзад, чиигтэ цасн эклэд орв!* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. ‘Солнце спряталось за надвигающейся черной тучей, завихрил холодный ветер, пошел **влажный снег**’.

В монгольских языках метеоним *снег* дифференцируется по времени года. Обозначения *весенней метели*, *весеннего снега*: в письм.-монг. *simaγa* [**sima-γa*]; халх. *шамрага* ‘весенняя метель’; бур. *шамарган* ‘весенний снег’, калм. *шамрh* ‘мокрый снег’ [ЭСМЯ, 2018: 115]. В монгольском языке используется словосочетание *шар цас* ‘весенний снег’; в калмыцком употребляется лексема *шамрhн* ‘снег весной’, *хаврин шамрhн* ‘весенний

снег’.

Для обозначения *снежного покрова* в монгольских языках используются следующие составные наименования: монг. *зузаан цас* ‘толстый слой снега’, *царцанги цас* ‘наст’, *цасан хучлага* ‘снежный покров’, *мөнх цас* ‘вечный снег’; ойр. *мөңке цасан* ‘вечный снег’, *хатуу цасан* ‘твердый снег’; калм. *хатуу цасн* ‘букв. твердый снег, наст’; *шүрүн цасн* ‘жесткий снег’. Например: ойр. *Мөңке цасани заагта урһагсан баг-баг линхува цецгүүд болвараа цоморльгаан делгенээ* ‘Растущие группками **среди вечных снегов** цветы линхува раскрывают свои нежные бутоны’ [Тодаева, 2001: 70]; *Үкрмүдин зэрмсиннь шавхагинь шүрүн цасн зүлгэд шархтаһад оркж, сүгдһлзэд доһлицхана* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘**Жесткий снег** поцарапал копыта некоторых коров до ран, они шли, прихрамывая’.

Для обозначения *сугроба* употребляются следующие наименования: монг. *хунгар цас / хөр цас* ‘сугроб’, *цасан овоолго* ‘сугроб, снежная горка’, *цасан хунгар* ‘снежный завал, снежный занос’; ойр. *көр* ‘сугроб’; калм. *көр цасн* ‘сугроб снега’. Например: монг. *Салхи хунгар овоолжээ*. ‘Ветер нанёс **сугроб**’ [БАМРС III, 2001: 80]; ойр. *Эне үвел көр икээр хурава*. ‘Этой зимой образовались большие **сугробы**’ [Тодаева, 2001: 211]; калм. *Үвлд нуурин усн зузан мөсн болж көрэд, деернь, зэрм ормарнь көр цасн хурдг билэ* [НККЯ. К. Илюмжинов]. ‘Зимой вода озера превращалась в толстый лед, в некоторых местах образовывались **сугробы**’.

Обозначения *снегопада с ветром*, а также *метели* с метеонимом *цас(ан), цасн*: монг. *цасан шамарга* ‘пурга’, *цасан шуурга* ‘метель, вьюга, пурга, буран’; ойр. *цасан шуурһан* ‘метель, пурга’; калм. *цасн шуурһн* ‘снежная буря, пурга, буран’. Например: монг. *Цасан шуурга хуйларч эхлэв*. ‘**Метель** закружила’ [БАМРС III, 2001: 382]; калм. *Цасн-шуурһн орад, салькн чаңһрхла, тег делгүдән цаһаһад, теңгр һазр хойр нишлсн болж медгднэ* [НККЯ. Хальмг үнн]. ‘Когда наступает **снежная буря** и усиливается ветер, то степь вокруг становится белой: кажется, что слились земля и небо’.

Лексемы монг. *цас(ан)* / ойр. *цасан* / калм. *цасн* образуют парные слова, обозначающие атмосферные осадки в виде дождя и снега: монг. *цас бороо* ‘снег и дождь, ненастье’, *ус цас* ‘осадки’; ойр. *цасн шуурхан* ‘пурга’; калм. *цасн боран* ‘снег, ненастье’; лексема *цасан* образует именные словосочетания, обозначающие снежных персонажей: монг. *цасан охин* ‘снегурочка’, *цасан хүн* ‘снежная баба’; калм. *Цасн Аав* ‘Дед Мороз’, *Цасн Күүкн* ‘Снегурочка’.

В монгольских языках данная метеолексема употребляется с наречием меры и степени, характеризуя глубину выпадения снега, когда уровнем измерения является часть тела человека или животного: монг. *өвдөгцөө цасан* / ойр. *өвдөгцээ цасан* / калм. *өвдгцэ цасн* ‘снег по колено’. Например: ойр. *Хазаа өвдөгцээ цасан*. ‘Во дворе **снег по колено**’ [Тодаева, 2001: 266]; калм. *Өвдгцэ цасн, өткн шуурһн, малын, хөөдин жислһн хөөчнриг зөвэр муураһад ирв* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘**Снег по колено**, сильная метель, в которой брели скот, овцы, сильно вымотали чабанов’.

Лексемы *цас(ан)*, *цасн* ‘снег’ в монгольских языках образуют глагольные сочетания, характеризующие процесс действия метеонима:

– монг. *цас будрана* / *цас бургана* ‘снег идёт мелкими хлопьями, поднимается буран’, *цас гэсэх* / *цас хайлах* ‘таять, делаться липким, талым (о снеге)’, *цас дарах* ‘покрываться толстым слоем снега’, *цас лавсах* / *цас малгайлах* ‘идти хлопьями (о снеге); покрываться толстым слоем снега, сплошь покрываться снегом’, *цас мөсрөх* ‘обледенеть, затвердеть (о снеге)’, *цас нүдлэх* ‘образование точечных участков земли в снеговом покрове’, *цас орж байна* ‘снег идёт’, *цас унах* ‘падать (о снеге)’, *цас хайлах* ‘таять (о снеге), снег тает’, *цас хунгарлах* ‘скапливаться в сугробы (о снеге)’, *цас царгадах* ‘покрываться настом (о снеге)’, *цасаар шуурах* ‘подниматься (о метели), вьюжить’;

– ойр. *цасан орожи* ‘прошел снег’, *цасан лавсажци бгэнээ* ‘снег падает хлопьями’;

– калм. *цасн оржана* ‘снег идет’, *цасн хээлжэнэ* ‘снег тает’, *цасн бүркнэ* ‘снег покрывает’, *цасн долдадад шуурв* ‘снег завихрил, метет’, *цасн шухтнна* ‘снег скрипит’.

В речи используются глагольные словосочетания с компонентом *снег*, передающие объектную деятельность: монг. *цас цэвэрлэх* ‘чистить снег’, *цасаар шидэлцэх* ‘перебрасываться снежками’; калм. *цас шивх* ‘бросать снег’, *цас хурах* ‘убирать снег’, *цасар наадх* ‘играть в снежки’.

В монгольском языке есть специальные словосочетания, обозначающие периоды небольшого и большого выпадения снега: *өчүүхэн цас унах улирал* ‘двухнедельный период выпадения небольшого снега (23 ноября – 6 декабря)’; *их цас унах улирал* ‘двухнедельный период выпадения большого снега (7-20 декабря)’ [БАМРС III, 2001: 2].

В монгольских языках в значениях ‘снежный, заснеженный’ употребляются производные от слова *цасн*: монг. *цасархаг* ‘снежный, обильный снегом’: *цасархаг өвөл* ‘обильная снегом зима’; ойр. *цасархаг* ‘снежный, обильный снегом’, *цасата* ‘снежный’; калм. *цасрхг* ‘снежный’, *цаст ора* ‘снежная вершина’, *мөңк цаст уул* ‘гора, покрытая вечными снегами’, *цаста хаалһ* ‘заснеженная дорога’, *цаста үвл* ‘снежная зима’.

Лексема *цасн* ‘снег’ образно переосмысливается в пословицах: *Нойна хээрн нохан зо дээрк цасн мет*. ‘Милость нойона что снег на спине собаки’ [Годаева, 2007: 129], то есть снег на спине собаки и милость нойона одинаково ненадежны; варианты одной пословицы: монг. *Эрийг нас дардаг, уулыг цас дардаг зүйр*. ‘Мужчину возраст давит, гору снег давит’ [БАМРС III, 2001: 365]; ойр. *Хан уулыг цасн дардг, хамг эмтиг насн дардг*. ‘Хан-гору давит снег, а всех людей давит возраст’ [Годаева, 2007: 122]; калм. *Эриг насн дардг, уулыг цасн дардг*. ‘Мужчину одолевает возраст, гору снег давит’ [Годаева, 2007: 18], то есть тяжесть снега подобна тяжести прожитых человеком/мужчиной лет

Значение метеолексемы *снег* у монгольских народов амбивалентно: может быть как со знаком плюс (позитивным), так и со знаком минус (негативным): ср. *Сэн хавр цаста*. ‘Хорошая весна снежная’ [Тодаева, 2007: 350] означает, что лето будет урожайным, снег ассоциируется с изобилием, плодородием, благополучием – *Цасар йовхд чирһа чухл, чирмэн сурлицхд арһ чухл*. ‘Чтобы ездить по снегу, сани нужны – чтобы усердно учиться, стремление нужно’ [Тодаева, 2007: 443], то есть процесс езды по снегу облегчают сани, равно как непростой процесс учебы мотивируется стремлением.

Метеоним *снег* встречается в устойчивых сравнениях: монг. *цас шиг цагаан* ‘белый как снег’, калм. *усн-цасн болх*. ‘букв. быть влажным’, что означает ‘обливаться горькими слезами’, ‘быть мокрым от пота’. Например: *Ик хар өвгн ут шуург ээмдсн усн-цасн болтлан көлрсн довтлад һарад ирв* ‘Большой смуглый старик с шестом на плече прискакал **мокрым от пота**’ [НККЯ. К. Эрендженев].

***Siuryan* ‘пурга, метель, буря’**

Пурга – сильная снежная вьюга, снежная буря. **Метель** – сильный ветер со снегом; вьюга. **Буря** – ненастье, сопровождаемое сильным разрушительным ветром, часто с дождем или снегом [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *siuryan (siyur-γan)* ‘пурга, метель; буря; (иногда) сильный ветер, бесснежный ветер’ [ЭСМЯ, 2018: 112]; стп.-калм. *šūryan* ‘снег, метель’ [Рамстедт, 1935: 370], *šuurgan* ‘вьюга, метель’ [Позднеев, 1911: 175]; монг. *шуурга(н)* ‘метель, пурга, буран; буря; ураган; вьюга’ [БАМРС IV, 2002: 382]; ойр. *шуурһан (шуурһан)* ‘метель, буран, пурга’ [Тодаева, 2001: 464]; бур. *шуурган* ‘буря; буран, метель, пурга, вьюга, ураган’ [БРС II, 2008: 624]; калм. *шуурһн* ‘метель, буран, пурга’ [КРС, 1977: 684]. В маньчжурском языке *šurya* ‘пурга, метель’ [ЭСМЯ, 2018: 112].

В монгольских языках данный метеоним функционирует довольно активно, обозначая явление, характерное для климата местопребывания

носителей языка, при этом его реализации *шуурга(н)*, *шуурһн* образуют именные словосочетания, обозначающие разные виды этого природного явления, отражая интенсивность (сильная, неистовая, умеренная):

– монг. *догшин шуурга* ‘неистовая буря’, *цасан шуурга* ‘пурга, метель, вьюга’, *явган шуурга* ‘позёмка’, *салхи шуурга* ‘метель, пурга’;

– бур. *шуурга шамарган* ‘буря’, *шуурган халхин* ‘буря; ветер без снега’, *саһан шуурган* ‘метель, пурга; вьюга’, *ябаган шуурган* ‘позёмка’, *саһа бордоһон* ‘снежная вьюга’, *бордоһо шуурган* ‘буран’, *далайн халхи шуурган* ‘шторм’, *дошхон халхи шуурган* ‘неистовая буря; ураган’;

– калм. *йовһн шуурһн* ‘поземка’, *өткн шуурһн* ‘букв. густая метель’, *догшин шуурһн* ‘сильная метель’, *шуурһн-боран* ‘непогода’, *цасн-шуурһн* ‘метель’.

Например: монг. **Шуурганы үеэр нүдний хор гаргаагүй.** ‘Не сомкнул глаз во время бури’ [БАМРС II, 2001: 432]; калм. *Хурлһсн сальк дахад, йовһн шуурһн беткин йозур ширләд эжилвлзэд гүүдг болад бээв.* ‘Следуя вихристу ветру, **поземка**, касаясь корней растений, заметая, быстро побежала’ [НККЯ. К. Эрендженев].

Данная лексема образует предикативные сочетания с глаголами, характеризующими процесс и характер действия природного явления, обозначенного метеонимом: монг. *шуурга шуурах* ‘мести, бушевать (о метели)’, *шуурга болно* ‘будет буря’, *шуурга сүнгэнэнэ* ‘завывает буря; завывание бури’, *шуурга хөдлөв* ‘началась буря’, *шуурга хуйларч эхлэв* ‘метель закружила’; ойр. *шуурһан көделевээ* ‘разыгралась метель’, *шуурһан шуурчи* ‘бушевала метель’, *шуурһан намдаха* ‘метель успокоилась’; калм. *шуурһн шуурчана* ‘метель метёт’, *шуурһн эклжэнэ* ‘начинается метель’, *шуурһн тогтнжсана* ‘метель успокаивается’. Например: монг. **Шуурга ургаа модыг ховх ховх татав** ‘Буря вырывала деревья с корнями’ [БАМРС IV, 2002: 382]; ойр. **Шуурһан баахан намдаха шиг болва.** ‘Пурга стала **немного утихать**’ [Тодаева, 2001: 243]; калм. *Өдрэр шуурч бээсн шуурһн, асхар*

салькн зогссна хөөн *шуурдган уурв* [НККЯ]. ‘Метель, которая мела днем, вечером, после того, как ветер успокоился, **перестала мести**.

Метель для монгольских народов ассоциировалась с трудностями, которые надо было преодолеть в холодную зиму. Потому образное преосмысление метеолексемы было коннотативно негативным: *Керцгэ балмд үг үвлин шуурһнас киитн*. ‘Резкие и грубые слова **холоднее** зимней **стужи**’ [Тодаева, 2007: 218].

***Jud* ‘джут, гололедица, бескормица’.**

Джут – зимняя бескормица и массовая гибель скота в районах отгонного животноводства, вызванная обледенением пастбищ [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *jud* ‘джут, гололедица, бескормица’; орд. *джуд* ‘эпизоотия’ [ЭСМЯ II, 2016: 88]; стп.-калм. *zut* ‘зима с сильным холодом и большим количеством снега; нехватка корма для скота; голод и холод’ [Рамстедт, 1935: 481]; монг. *зуд* ‘дзут, гололедица, бескормица’ [БАМРС II, 2001: 234]; ойр. *зуд (зуд)* ‘дзут, бескормица’ [Тодаева, 2001: 164]; бур. *зуд* ‘дзут, гололедица, бескбрмица’ [БРС I, 2008: 408]; калм. *зуд* ‘дзут, бескормица, гололедица’ [КРС, 1977: 255].

Др.-тюрк. *jut* ‘гололедица, вызывающая гибель животных’ [ЭСМЯ, 2016: 88]. Также в Этимологическом словаре монгольских языков есть слово *juta (jud-ta)* халх. *зут* ‘оскудеть (о кормах)’; калм. *зут* ‘страдать, гибнуть от голода’; орд. *джудта* ‘гибнуть от эпизоотии (везде о скоте)’; кирг. *жута* ‘страдать от голода, от джута; тощать’ [ЭСМЯ, 2016: 93].

Кочевники-скотоводы всегда следили за погодой, осознавая зависимость от нее и пытаясь по приметам её прогнозировать, чтобы быть готовыми к трудностям. Безусловно, зима является сложным и тяжелым для них периодом. При затяжной зиме наступала бескормица. Как следствие, скотина теряла вес, корма заканчивались, и начинался большой падеж скота.

Это явление монгольские народы называли зуд ‘дзут, бескормица, гололедица’. Данный метеоним встречается во всех монгольских языках.

В монгольском языке зуд делится на следующие виды: монг. *ган зуд* ‘дзут-засуха (*дзут*, вызываемый длительным отсутствием дождей)’, *өлөн зуд* ‘дзут-бескормица (*дзут*, вызываемый недостатком корма, фуража)’, *туурайн зуд* ‘копытный дзут (когда от скопления животных пастбища выбиты и наступает бескормица)’, *хар зуд* ‘чёрный дзут (*дзут*, вызываемый длительным отсутствием снега)’, *цагаан зуд* ‘белый дзут (*дзут*, вызываемый большой массой снега и невозможностью добыть корм)’, *цас зуд* ‘снег с гололедицей’ [БАМРС, 2001: 234].

Калмыки делят зуд ‘дзут, бескормица, гололедица’ на *цаһан зуд*, *хар зуд*, *турун зуд*. *Цаһан зуд* ‘белый дзут’ наступает в конце зимы, когда выпадает много снега и заканчивается корм. *Хар зуд* ‘черный дзут’ характеризуется длительным отсутствием выпадения снега, замерзанием земли, отсутствием корма для скотины. *Турун зуд* ‘дзут от копыт’ бывает от большого количества скота, который вытаптывает пастбища, уничтожая траву. Все это ведет к бескормице и падежу поголовья.

В паремии монголоязычных народов встречаются пословицы, характеризующие зуд: *Зуд зурһан көлтә*. ‘букв. У бескормицы шесть ног’ [КРС, 1977: 255], т.е. дзут может случиться в любую зиму; *Зудас малан харс, зовлңгас бийән зәәлүл*. ‘Защищай скот от бескормицы, сам избегай страданий’ [КРС, 1977: 255], т.е. последствия бескормицы есть общее страдание и для скотины, и для хозяина. Эквивалентные пословицы – монг. *Зуд болоход нохой таргална, зовлон болоход лам таргална*. ‘При дзуте собаки жиреют, а при горе-беде – ламы’ [БАМРС II, 2001: 234]; ойр. *Зудтаа жилиин нохаа омогтаа, зовлаңтаа жилиин зурхаачи омогтаа*. ‘В год бескормицы даже собака ведёт себя высокомерно, а в год бедствий – астролог (лама)’ [Тодаева, 2001: 164]; калм. *Зуд болхла, ноха тарһлдг, зовлң ик болхла, лам тарһлдг*. ‘При дзуте собака жиреет, а при беде – лама’ [КРС, 1977: 255] – отражают

мировоззрение периода, когда монгольские народы полностью доверялись ламам, обращаясь к ним для решения проблем, делая подношения скотиной. Эти пословицы отражают страх кочевника-скотовода перед *зудом*, который был большой бедой.

***Egülen* ‘облако, туча’**

Облако – скопление взвешенных в атмосфере мелких капель воды или ледяных кристаллов. **Туча** – большое, обычно темное облако, несущее дождь, град, снег [<https://kartaslov.ru/>].

В монгольских языках метеоним ‘туча, облако’ является атмосферным явлением, по которому определяли выпадение того или иного осадка.

Значение: письм.-монг. *egülen* (**egü-len?*), даг. *эулэн*, мнгр. *улін* ‘облако, туча’ [ЭСМЯ, 2015: 209]; стп.-калм. *ūlḡ* ‘облако’ [Рамстедт, 1935: 461]; стп.-калм. *öelen* ‘облако’ [Позднеев, 1911: 55]; монг. *үүл(эн)* ‘облако, туча’ [БАМРС III, 2001: 429]; ойр. *үүлэн (үүлэн)* ‘облако, туча’ [Тодаева, 2001: 371]; бур. *үүлэн* ‘облако, туча’ [БРС II, 2008: 356]; калм. *үүлн* ‘облако, туча’ [КРС, 1977: 557].

Лексема *үүл(эн) / үүлен / үүлн* во всех монгольских языках имеет значение ‘облако, туча’, но в сочетании с другими частями речи обозначает различные виды облаков и туч. В значении ‘светлые, недождевые облака’ в монгольских языках функционируют следующие словосочетания: монг. *бөөн үүл* ‘кучевые облака’, *алаг үүл* ‘отдельные, несплошные облака’, *өдөн үүл / сэмжин үүл* ‘перистые облака’; ойр. *көвкегер цаһаан үүлен* ‘пушистые белые облака, *көвең цаһаан үүлен* ‘ватно-белые тучи’; бур. *сагаан үүлэн* ‘(белое) облако’, *һэмжэн сагаан үүлэн* ‘перистые облака’; калм. *көвкр цаһан үүлн* ‘пушистые, белые облака’, *семжн үүлн* ‘перистые облака’. Например: ойр. *Ораан һурван цонжигишини огторһуун көвкегер цаһаан үүленээсе һуруу дутуу бәрегтен гежи келен бәәвәә*. ‘Говорил: – три башни на крыше дворца сооружайте на три пальца ниже **пушистых белых облаков**’ [Тодаева, 2001: 108]; калм. *Салькта өдрт көвкр цаһан үүлн көк теңгрт көвжс нүүнә*. ‘В

ветренный день **пушистые белые облака** плывут по синему небу’ [Кичиков, 1997: 48].

Метеонимы, обозначающие ‘дождевые облака’: монг. *борооны үүл* ‘дождевые облака’; ойр. *бөөм-бөөм хара үүлен* ‘тёмные кучевые облака’, *давхар хара үүлен* ‘двойной слой чёрных кучевых облаков’; бур. *баглагар үүлэн (или бөөн)* ‘кучевые облака’; калм. *хар үүлн* ‘дождевые (букв. черные) облака, *хурин хар үүлн* ‘дождевые (букв. черные) облака’, *нигт хар үүлн* ‘густые дождевые (букв. черные) облака’. Появление на небе такого вида облаков предвещало дождь. Например: монг. *Үүл нийгэн бүрхэв. ‘Облака сплошь заволокли небо’* [БАМРС II, 2001: 403]; ойр. *Давхар хара үүленээсе дахуулсан хурни оронаа*. Из двойного слоя **чёрных кучевых облаков** полил дождь [Тодаева, 2001: 111]; калм. *Хурин хар үүлн үүмэд, давхрлад, күндрэд харч ирнэ. ‘Дождевые черные облака, волнуясь, наслаиваясь друг на друга, отяжелев, появляются’* [Кичиков, 1997: 49].

Метеонимы, обозначающие ‘грозовые тучи’: монг. *бараан үүл* ‘свинцовые тучи’, *аадар борооны үүл* ‘грозовая туча’, ойр. *задиин хар үүлен / бур. туулган хара үүлэн* ‘свинцовые тучи’; *аадарай үүлэн* ‘грозовая туча’ / калм. *задын хар үүлн* ‘грозовая туча’, *һалв хурин үүлн* ‘грозовая туча’, *темэн үүлн* ‘грозовая туча’, *күргр темэн хар үүлн* ‘большая черная грозовая туча’, *харңһу хар үүлн* ‘темная грозовая туча’, *күргр хар үүлн* ‘грозовая туча’. Например: ойр. *Задиин үүлен күриивээ. ‘Нависли грозовые тучи – предвестники ненастья’* [Тодаева, 2001: 149]; калм. *Задын хар үүлн – догшин, һалв хурин үүлн. ‘Грозовая туча – свирепая, большого ненастья туча’* [Кичиков, 1997: 49]. *Задын хар үүлнэ хурас аюл болдг: хашиа-хаац, гер хурта салькнд хамхрдг. ‘Черные грозовые тучи – предвестники сильной грозы: сарай, дом ломаются от ветра с дождем’* [Кичиков, 1997: 49].

Некоторые наименования грозовых туч метафоричны. Например, метеолексема *темэн үүлн* (букв. *туча-верблюды*) имеет значение *грозовая туча большого размера*, так как *темэн* ‘верблюды’ – крупное животное; такая

туча была предвестником ливня, грозы. Метеоним *семжэн үүлн* (букв. туча-сальник) обозначает ‘перистые облака’: внутренняя форма этой метеолексемы ассоциативно связана с очертаниями *семжэн* ‘сальника, жирового покрова брюшины, брюшного жира’.

В монгольских языках широко используются сочетания метеонима *үүл(эн)*, *үүлен*, *үүлн* с глаголом, характеризующие процесс действия: монг. *үүл зузаарав* ‘облака сгустились’, *үүл нимгээрч байна* ‘облака рассеиваются, облака становятся редкими’, *үүл урагшаа нүүж байна* ‘облака двигаются на юг’, *үүл овооролдох* ‘сгущиваться, гроздиться (об облаках)’, *үүл өндөрлөх* ‘беспрерывно подниматься (об облаках), идти сплошной стеной’, *үүл сарних* ‘рассеиваться (об облаках)’, *үүл ургах* ‘подниматься (об облаках)»; ойр. *үүлен сегээрвээ* ‘тучи рассеялись»; калм. *үүлн көвнэ* ‘облака плывут’, *үүлн нүүнэ* ‘облака перемещаются, кочуют’, *үүлн бүркнэ* ‘облака покрывают’, *үүлн тарна* ‘облака рассеиваются’, *үүлн бархлзна* ‘тучи темнеют’, *үүлн харна* ‘тучи появляются’, *үүлн күринэ* ‘тучи, гроздятся, виднеются’, *үүлн нигтрнэ* ‘тучи сгущаются’. Например: *Бурхн Багшин шүтэг өрүн авч ирэд, хурлур орулж йовсн кемлэ бархлзжасн үүлн тарад, нарн харв* [НККЯ, Хальмг үнн]. ‘Когда привезли в хурул божество Будды Шакьямуни, темнеющие **тучи рассеялись**, и выглянуло солнце’.

В пословицах понятия *үүл(эн)*, *үүлен*, *үүлн* передают качества с человека: *Темэн үүлн харч – теңгрт амрл уга, теңкэ көвүн харч – эцкд амрл уга*. ‘Большие гроззовые тучи не дают покоя небу – нерадивый сын не дает покоя отцу’ [КРС, 1977: 491], т.е. *темэн үүлн* ‘гроззовая туча’ большого размера, предвестник ненастья, меняет состояние неба, так же как непутевый сын создает проблемы для родителей; *Залуһин сэгэнэс үүл хөөһдго, уулын ораһас үүлн хөөһдго*. ‘Как от лучшего мужчины не отстают дела, так и от вершин самых высоких гор не отделяются тучи’ [КРС, 1977: 557], то есть достойный мужчина всегда при деле подобно высокогорным вершинам, обложенным тучами; *Үүлн хурхла – хур, эмтн хурхла – күчн*. ‘Тучи

собираются – дождь будет, люди собираются – сила’ [КРС, 1977: 557], т.е. люди, как и тучи в большом количестве сильны.

Метеоним *облако*, зрительно воспринимаемое как нечто невесомое, используется в калмыцкой пословице как олицетворение легкого груза: *Эцин мөрнд үүлн чигн ацан*. ‘Худой лошади и облако в тягость’ [КРС, 1977: 557]. Ср. ‘Плохому танцору и пол неровный’.

Монгольские народы верят в судьбу, принимая, что уготованного ею не избежать: *Хар үүлн нар халхлэж чадх уга, ханцарн сар халхлэж чадх уга*. ‘Черным тучам не закрыть солнце, рукавом не заслонить луну’ [Тодаева, 2007: 159]; *Хур гедег чини үүленээсе ородаг, хуве гедег чини зайаанааса болдаг*. ‘Дождь – от облаков, доля – от судьбы’ [Тодаева, 2001: 371]; *Хойр уул хол оршв чиг, үүлн маннар уулздг, хойр күмн хол төрв чиг, йовдл замдан учрдг*. ‘Хоть две горы далеки друг от друга, но сходятся при облаках и туманах, хотя два человека далеко друг от друга рождаются, но встречаются на жизненном пути’ [Тодаева, 2007: 447]. В образной составляющей пословиц присутствуют природные феномены, проявления которых не зависят от воли человека.

Т.Б. Борджанова отмечает, что в калмыцкой паремии зафиксированы приметы метеорологического характера: *Хумха цаһан уулн – задын хутхур, хо цаһан баавһа – хотна хутхур* ‘Бледно-синяя туча – предвестница бури-непогоды, белолицая женщина – зачинщица ссор в хотоне’; *Үг сөрхлэ – керул, үүл сөрхлэ – боран* ‘Если противоречить сказанным словам – будет ссора, если туча надвигается – будет буря. *Темэн уулн һархла – теңгрин зовли, му көвүн һархла – эк-эцкин зовли* ‘Если появляется верблюжье облако – небо страдает, если рождается непутевый сын – страдают родители’ [Борджанова, 1999:13].

***Oqtorγoi* ‘небо, небосвод; гром’**

Небо – видимое над Землей воздушное пространство в форме свода, купола. Гром – грохот и треск, сопровождающие разряд молнии [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: стп.-калм. *oktrγū* ‘небо, небесный свод’ [Рамстедт, 1935: 284], *oqtorγoi* ‘небо, твердь, стихия эфира’ [Позднеев, 1911: 33]; монг. *огторгуй* ‘1. небосвод, небо, небеса; сфера (небесная), атмосфера; поднебесье; 2. пространство’ [БАМРС II, 2001: 458]; ойр. *огторхуу (огторхуй)* ‘1. небо, небосвод; 2. гром’ [Тодаева, 2001: 258]; бур. *огторгой* небо, небосвод [БРС II, 2006: 14]; калм. *оһтһу* ‘1. небо, небосвод; 2. гром’ [КРС, 1977: 392].

В некоторых монгольских языках вторым значением метеолексемы *оһтһу* является ‘гром’. Но более точно семантику понятия передает словосочетание монг. *огторгуйн дуу* ‘гром (букв. голос неба)’; ойр. *огторхуун дуун* ‘гром’; калм. *оһтһун дун* ‘громовые раскаты’.

В калмыцком языке используются словосочетания, характеризующие раскат грома: *дүләрүлгч оһтһун дун* ‘оглушительный гром’, где *дүләрүлгч* является причастием, образованным от слова *дүлэ* ‘глухой’, т.е. сила звука была настолько мощной, что могла оглушить человека. Звукоподражательное слово *таш-таш* характеризует громкий звук и часто используется в сочетании с *оһтһу*: *оһтһу таш-таш гихэд ду харв* ‘прогремел гром’.

Гром у калмыков мифологизирован, так как вызывал страх. Его раскаты сопровождалось появлением грозовых туч, сверкающих молний. В калмыцком языке есть выражения *оһтһу ду харчана*, *оһтһу күржэңнэс баанэ*, *теңгр ду харчана*, *оһтһу дуурхна* ‘гром гремит’. Словосочетание *ду харчана* является олицетворением и означает, что небо, как живое существо, выражает возмущение, предвещая непогоду. Например: *Оһтһу хол болв чигн, ордг борань өөрхн’ гижэ эс келдг билү?* [НККЯ, К. Эрендженев]. ‘Несмотря на то что гром далеко, дождь рядом, – разве не так говорят’.

Метеоним *оһтpһу* в калмыцких фразеологизмах является аналогией внезапной беды: *Альдас оһтpһу буухнь темдг уга*, то есть ‘Неизвестно, с какой стороны грянет гром (придёт беда)’ [ФСКЯ, 1990: 8-9].

Раскаты грома в воображении народа вызывали интересные аналогии, например, с гулом, производимым скоплением народа: *Дүүрэд дөчн йисн дуңһра күцэд тагчг суусн улс дүүгэд, ора дееp оһтpһу ду һарсн мет, күржңнэд одихав* [НККЯ. К. Эрендженов]. ‘Сидевшие тихо люди, образовав 49 кругов, подобно раскату грома на небе, стали гудеть’.

***Ауингуа* ‘гром, громовой удар, гроза; молния’**

Молния – гигантский электрический искровой разряд атмосферного электричества между облаками или между облаками и землей [<https://kartaslov.ru/>].

В монгольских языках присутствует синоним метеонима *гром*: монг. *аянга* ‘гром, громовой удар, гроза; молния’ [БАМРС, 2001: 362]; ойр. *айуңһа* (*айуңһа*) ‘гром, удар грома’ [Тодаева, 2001: 24]; бур. *аянга* ‘гром’ [БРС I, 2006: 97]; калм. *аяңһ* ‘удар грома’ [КРС, 1977: 60].

А.Ш. Кичиков отмечает, что в калмыцком языке лексема *айңһ* (*аяңһ*) имеет значение ‘гром’. В монгольском языке лексема *айңһ* имеет значение ‘удар грома’, а когда гром громыхает, то используется глагол *айңһлх* ‘гremеть (о гpоме)’. Также может использоваться словосочетание *аюһин сумн*, но это неправильно: правильный вариант – *айңһин сумн*. Калмыки верили, что, когда гremит гром, сверкает молния, падает стрела, которую называли *айңһин сумн*, *лууһин сумн*. Потому возможен вариант *лууһин сумн* [Кичиков, 2017: 40].

В монгольском языке лексема *айңһ* используется более широко, чем в калмыцком. Об этом свидетельствуют именные словосочетания, семантически связанные с анализируемым метеонимом: *аянга дуун* ‘громовой раскат, удар грома’; *аянга сарниул* ‘молниеотвод, громоотвод;

громоотводный, молниеотводный’; *аянга хорилт* ‘громоотвод’; *аянга цахилгаан* ‘гром и молния, гроза’ [БАМРС, 2001: 362].

Глагольные словосочетания, характеризующие процесс действия метеонима, могут использоваться как в прямом значении, так и в переносном. Например, монг. *аянга ниргэх / аянга буух* ‘удар грома, громовой удар; ударить (о молнии)’, *аянга дайрах* ‘поразить молнией’, *аянга тас хийв* ‘грянул гром’. Словосочетание *аянга буулгах* имеет значение ‘гром, громовой удар’, а также употребляется в ассоциативном сравнении ‘метать громы, молнии, рвать и метать; сметать, стереть с лица земли’.

Образные аналогии с этим звуковым явлением в атмосфере отражены в устойчивых выражениях: ситуации получения новостей, происшествия, появления человека с элементом внезапности может отразить выражение *цэлмэг тэнгэрээс аянга буух мэт* ‘как гром среди ясного неба’; шумного человека можно охарактеризовать *аянга мэт* ‘громоподобный; словно гром, громовой, громогласный’; о громком голосе говорят *аянга мэт дуу* ‘громоподобный голос’; о громком кличе – *аянга мэт ‘ура’* ‘громовое ‘ура’.

В калмыцкой загадке понятие метеонима *гром* кодируется в зоониме: ***Бортмэжин бор ажрһ инцхэхлэ, йиртмэжин йирн йисн гүн заядар унһлжэ.*** ‘Так сильно **жеребец заржал**, что 99 кобылиц ожеребились’, то есть жеребец – это гром, а ржание – раскаты грома.

А.Ш. Кичиков отмечает, что в загадке *Тер тенд тес гив, темэнэ сүл ходс гив.* ‘Настолько сильный гром прогремел, что хвост верблюда стал торчком’. Тес (таш) – это *айңһ* ‘гром, *темэнэ сүл ходс* – это *цэклһн* ‘молния’ [Кичиков, 2017: 40]. *Тес* – усилительная частица, относящаяся к раскатам грома.

В монгольских языках встречается другое название грома: монг. *луу(н)* [БАМРС, 2001, т.3: 305]; ойр. *луу (луу)* [Тодаева, 2001: 222]; калм. *лу* [КРС, 1977: 336].

В калмыцком языке лексема *лу* употребляется со словосочетанием *ду харх* ‘букв. издавать звук’ и глаголом *луржңнх* ‘греметь, грохотать (о грома)’. Например, *Лу ду харчана*. ‘Гром гремит’; *Теңер луржңнхла, лууһин дун харна*. ‘Небо грохочет, раздаются раскаты грома’.

Калмыцкий писатель К. Эрендженов в своем произведении «Һалан хадһл’ (Береги огонь)» рассказывает о мифологическом существе Лу (драконе), появлявшемся перед дождем с градом. Калмыки считали, что гром, предвещающий ненастье, – это не что иное, как топот небесного дракона. «*Намаг бичкнд мана теегт мөндртә хур орхин өмн, ик-ик әәмигтә күргер хар үүлн һарад тачкнад, оһтрһу ду хархла, өвгд шигжә келдг билә: Оһтрһу деер олн ацта көлтә, ик залзһр толһата Лу гидг юмн бәәдгжә... Лу чаңһур гүүсн цагт көлмүдәснь күржңсн ик ә һардгжә гижә оһтрһу күржңнхла келдг билә* [НККЯ, К. Эрендженов]. ‘В моем детстве в нашей степи перед дождем с градом, когда появлялись большие нависающие черные тучи и гремел гром, старики говорили так: «На небе есть многоногий, большеголовый дракон... Говорили, что, дракон быстро бегаёт, его топот очень громкий, это и есть гром’.

В фольклорных произведениях упоминаются персонажи, которые обладали даром управления природной стихией и могли остановить врага, спасти героя. Э.П. Бакаева отмечает, что, по народным поверьям, есть хозяин воды и дождя – *Лу усн хан* – дракон, который, разевая пасть, изрыгает молнию и ревет, громыхая в небе [Бакаева, 2003: 70]. Считалось, что при сильной грозе после удара молнии через какое-то время в этом месте можно найти стрелу дракона – *лууһин сумн*, с помощью которой можно лечить людей.

Во многих вариантах легенд о драконе повторяется сюжет о его превращении в верблюжонка при падении на землю. Верблюжонок олицетворяет земное воплощение дракона [Бакаева, 2003: 71].

Калмыки издревле боялись грома и молнии, сопровождавших дождь. Существует немало легенд, связанных с этим загадочным явлением природы. Наши предки считали, что на небе обитает многоногий с большой головой дракон Лу. На нем верхом ездит человек по имени Нямин-Нямин и преследует одноногого белого демона (злого духа), стреляя в него стрелами. Чтобы дракон бежал быстрее, Нямин-Нямин связывает ему рога железными прутьями и по мере надобности стягивает их сильнее. Когда Лу бежит, от топота его многочисленных ног раздается грохот, то есть гремит гром. Когда рога ему сильно стягивают, дракон, прикусив клыки, скрежещет зубами – от этого сверкает молния [Басаев, 2004: 48-49].

Э.П. Бакаева отмечает, что культ лу, то есть дракона, особым образом связан с божеством Окон-тенгри, которое у калмыков почиталось как божество огня, хозяйка очага. Культ огня тесно связан с культом грома, молнии, дождя в виде грозы [Бакаева, 2003: 73].

Молния – электрический искровой разряд в атмосфере, который происходит во время грозы и проявляется яркой вспышкой света и сопровождающим её громом, образуется между грозовым облаком и землей.

В монгольском языке лексема *цахилгаан* имеет несколько значений, одним из которых является атмосферное явление ‘молния’. Данный метеоним сочетается с глаголами, которые отражают процессы, характерные для этого атмосферного явления. Например, *цахилгаан гялалзах* ‘сверкать (о молнии)’, *цахилгаан зуравхийх* ‘изредка, внезапно сверкать (о молнии)’, *цахилгаан цахив* ‘сверкнула молния’ [БАМРС IV, 2001: 253.].

В ойратском языке *цакилһан* (*цакилһан*) имеет значение ‘разряд грома; молния’: *лууһин цакилһаниги бэрээд авчи ирежи өге* ‘достань молнию и принеси’ [Тодаева, 2001: 421]. Имя существительное *цакилһан* образовано от глагола *цакилха* (*цакилху*) ‘сверкать, блеснуть (о молнии)’.

В калмыцком языке метеоним *цэклһн* имеет значение ‘молния’, образуется от глагола *цэклх* ‘сверкать, блестеть (о молнии)’ [КРС, 1977: 629].

Также в языке широко используется словосочетание *һал цэклһн*, ‘молния’, где *һал* в значении ‘огонь’.

В монгольской культуре *огонь* – сакральная очищающая стихия. Э.П. Бакаева считает, что *огонь* в традиционных представлениях калмыков выполняет функцию взаимосвязи среднего и верхнего миров, и это позволяет рассматривать его как символ *мирового дерева* [Бакаева, 2003: 182].

Отражая мировоззрение монголов, образ *огня* присутствует в паремии монголоязычных народов, реализуя свою национально-культурную коннотацию. Известно, что молнии, спутники грозы, разнообразны и непредсказуемы.

Пословицы, связанные с понятием *молния*, могли отражать типичные, устойчивые признаки этого атмосферного явления, например, уникальность каждого его проявления: *Цэклһн негэр болдо, цаг негэр бээдо*. ‘Молния никогда не бывает одинаковой – время не остается неизменным’ [Тодаева, 2007: 206] разнообразие как качество *молнии* послужило иллюстрацией к философскому осмыслению закона непостоянства.

У каждого народа существует свое особое представление о «соизмеримости» человека и животных, человека и растений, человека и вещей и т.п. В разных жанрах фольклора монгольских народов образ *верблюда* занимает особое место. В архаических представлениях тюрко-монгольских народов он является солнечным животным, наделенным благодатью, громовержцем, связанным с верхним миром, божественными силами [Ханинова, 2005: 170]. Отсюда становится понятной внутренняя форма калмыцкой загадки: *Атн темэн аңһс-аңһс гихэд, арһмэжин үзур гилвс-далвс гихэд (Һал цэклһн)* ‘Кастрированный верблюд зевнул – конец веревки блеснул’ (ответ: *молния*) [Тодаева, 2007: 710].

***Möndür* ‘град’**

Град – вид атмосферных осадков, состоящий из кусочков льда [https://kartaslov.ru/].

Значения: письм.-монг. *möndür* (**möndü-r*); стп.-калм. *möndr* ‘град’ [Рамстедт, 1935: 266], *möndör* ‘град’ [Позднеев, 1911: 235]; монг. *мөндөр* ‘град’ [БАМРС III, 2001: 346]; ойр. *мөндөр* (*мөндөр*) ‘град’ [Тодаева, 2001: 236]; бур. *мүндэр* ‘град’ [БРС I, 2006: 568]; калм. *мөндр* ‘град’ [КРС, 1977: 357]. В киргизском языке фиксируется параллель *мөндүр* ‘град’ [ЭСМЯ, 2016: 177].

В монгольском языке используются именные словосочетания, дифференцирующие атмосферное явление по величине, интенсивности и сопутствующим осадкам: *том мөндөр* ‘крупный град’, *их мөндөр* ‘сильный град’, *хур мөндөр* ‘дождь с градом’. Глагольные словосочетания отражают характер процесса: *мөндөр буулгах* ‘сыпать градом (о небе)’, *мөндөр оров* ‘идёт град’, *их мөндөр орлоо* ‘выпал сильный град’, *мөндөр цохих* ‘градобитие; побить градом’, *мөндөрт цохиулах* ‘попасть под град; пострадать от града’. Например: *Тариа мөндөрт цохиулав* ‘урожай пострадал от града’. *Мөндөртэй хүчтэй бороо орлоо* ‘пошел сильный дождь с градом’.

В калмыцком языке метеоним *мөндр* сочетается:

– с *прилагательными*: *модьрун* ‘грубый’, *ик* ‘большой’, образуя именное словосочетание *модьрун мөндр* ‘крупный град грубой формы’, *ик мөндр* ‘большой град’, т.е. сильный;

– с *глаголами*: *орх* ‘идти (об атмосферных осадках)’, *цокулх* в побудительном залоге ‘быть побитым (поврежденным)’. Например: *мөндр орв* ‘пошел град’, *мөндрт цокулх* ‘попасть под град; пострадать от града’. Например: *Урһц улм ик болх зөвтэ билэ, болв июнь сарин 25-д эн һазрт 20 минутин эргцд мөндр орв, тегэд 560 гектарт урһц үрв* [НККЯ, Хальмг унн]. ‘Урожай должен был быть хорошим, но 25 июня в этой местности в течение 20 минут **шел град**, поэтому урожай на 560 гектарах был испорчен’; *Элду сгэхн бадм-цецг эрсэр халхлата – энүнд модьрун мөндр, һаң халун харилхш* [НККЯ, Хальмг унн]. ‘Красивый тюльпан накрыт фанерой: ни **крупный град**, ни сильная жара его не пощадят’.

Итак, ЛСГ «Атмосферные осадки» включает 330 единиц.

Формирование национальной метеолексики зависело от климата территории проживания этноса (резко континентального, с ощутимым колебанием дневных и ночных температур, малым количеством осадков), специфики хозяйственной системы скотоводов-номадов, неразрывно связанных с природой. Осознавая зависимость благополучия стада (а следовательно, и своего) от погодных условий, номады внимательно наблюдали за проявлениями атмосферных осадков с их сезонной/межсезонной спецификой и периодичностью с позиций практичности, что нашло отражение в номадной лексике атмосферных осадков.

Самыми репрезентативными по количественному критерию являются метеонимы ‘дождь’ (53) и ‘снег’ (63), что свидетельствует о важности, значимости этих природных климатических проявлений для кочевников.

Кроме них, рассмотрены метеонимы со значением ‘град’, ‘иней’, ‘изморозь’, ‘туман’ ‘облако’ (туча) и др. Выявлена сочетаемость метеолексем с другими частями речи, реализующая признаки атмосферных осадков по форме, величине, интенсивности, температуре, сезону. Предикативные сочетания данных лексем отражают процесс и характер действия природного явления.

Понятие ‘осадки’ в монгольских языках передают лексемы *бороо(н)*, *нөөтн*, расширяющие основное значение лексико-семантическими вариантами ‘непогода, ненастье, ливень’. В ойратском и калмыцком языках лексема *бораан / боран* характеризует осадки в виде *снега* и *дождя*. Лексема *нөөтн* только в бурятском и калмыцком языках развила значение ‘осадки (о дожде, снеге)’.

В рассматриваемых языках часто употребляются парные сочетания в значении ‘осадки’: *хур тундас*, *хур ус*, *хур борооны зүйл*, *шииг нойтон*, *хурчиг*, *хур-боран*, *цасн-шуурһн*.

Лексемы этой ЛСГ условно можно разделить на слова с позитивной и негативной коннотацией. К первым относятся *хур* ‘дождь’, *хяруу / кирү* ‘иней’, *будан(г) / будн* ‘туман’; ко второй – *шуурга(н) / шуурһн* ‘метель, пурга’, *зад* ‘ненастье, непогода’, *аянга / аяңһ* ‘гром’, *зуд* ‘дзут, гололедица, бескормица, засуха’.

Явления, обозначенные «позитивными» лексемами в представлении номадов ассоциируются со ‘счастьем, удачей, чистой энергией, благополучием, изобилием, плодородием; негативными являются следующие ассоциации: ‘страх, трудности, испытания, бескормица, падеж скота, страдания, внезапная беда, цикличность, непостоянство бытия’. Метеолексема *цас(ан) / цасн* ‘снег’ у монгольских народов амбивалентна: ассоциируется как с трудностями, испытаниями, так и с изобилием, плодородием, благополучием.

Метеоним *зуд* ‘дзут, бескормица, гололедица’ является этнически маркированной лексемой. Данное природное явление – сложный и тяжелый период для кочевников-скотоводов. Номады наблюдали за погодой, пытались по приметам прогнозировать ее, чтобы быть готовыми к трудностям. Данный метеоним встречается во всех монгольских языках.

Лексемы с данными метеоконпонентами встречаются в разных фольклорных жанрах и художественных текстах, где через образные аналогии с обозначенных явлений природы раскрывается философский взгляд на мир и житейская мудрость кочевников.

2.4. Движение воздушных масс

Суровый резко континентальный климат, в условиях которого выживали номады, отличался большими перепадами годовых и суточных температур, продолжительной морозной, но малоснежной зимой, засушливой весной с сильными ветрами и коротким знойным летом.

Природная специфика обитания обусловили господство единственно рентабельного хозяйственно-культурного типа, а именно кочевого скотоводства. В таких непредсказуемых условиях номады существовали с постоянным страхом перед природными катаклизмами. Подобный образ жизни превратил кочевника в наблюдателя, аналитика и практика и не мог не отразиться на процессе формирования метеолексик, которая представляет собой самостоятельную систему, имеющую свою структуру и набор метеолексем. В этой лексической микросистеме особое место принадлежит ЛСГ, связанной с передвижением воздушных масс. Рассмотрим ее лексико-семантические особенности. Всего было выбрано и проанализировано 123 лексические единицы.

***Salkin* ‘ветер’**. Это ключевое слово данной ЛСГ.

Ветер – движение потока воздуха в горизонтальном направлении [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *salkin* (← **salqin*), мнгр. *салкн* ‘ветер, прохлада, холод’ [ЭСМЯ, 2018: 86]; стп.-калм. *salkn, sälkn* ‘ветер’ [Рамстедт, 1935: 318], *salkin* ‘ветер’ [Позднеев, 1911: 146]; монг. *салхи(н)* ‘ветер’ [БАМРС III, 2001: 79]; ойр. *салькин (салкин)* ‘ветер’ [Годаева, 2001: 285]; бур. *халхин* ‘ветер’ [БРС II, 2008: 543]; калм. *салькн* ‘ветер’ [КРС, 1977: 438]. В тюркских языках зафиксирована данная лексема др.-тюрк. *salqim*, кирг. *салкын* ‘прохлада, прохладный; ветер’ [ЭСМЯ, 2018: 86].

Главные свойства ветра – *направление, сила и продолжительность*.

Метеорологическая лексика, характеризующая движение воздушных масс, связана с ветреной погодой, отражающая климат места проживания носителей языка. Воздушные массы часто меняют свое направление и дуют порой с большой силой. Северные ветры приносят холодный воздух. Морозная погода устанавливается и при северо-восточных ветрах. Западные ветры приносят осадки, зимой они смягчают морозы, а летом умеряют жару.

Итак, *ветер* – немаловажный фактор, определяющий образ жизни монголоязычных народов. Потому среди лексем, обозначающих в монгольских языках разновидности ветров, можно выделить несколько групп номинаций *ветра* по определенному дифференциальному признаку, а именно: 1) *направление*; 2) *сила (степень интенсивности)*; 3) *температура*; 4) *сезон/время года*.

Лексемы, отвечающие первому критерию, составляют значительную группу метеолексики:

1). **Наименования разновидностей ветра по его направлению:**

– в монгольском языке: *аясын салхи* ‘бриз, лёгкий ветер; попутный ветер’, *зохилдуу салхи* ‘попутный ветер, лёгкий ветер’, *нэвт үлээх салхи* ‘сквозняк; сквозной ветер’, *сөрөг салхи* ‘встречный ветер’, *умрын салхи* ‘северный ветер’, *тэсрэг салхи* ‘встречный ветер’, *эсрэг салхи* ‘встречный ветер’;

– в калмыцком языке: *өмн үзгин салькн* ‘южный ветер’, *ар үзгин салькн* ‘северный ветер’, *дорд үзгин салькн* ‘восточный ветер’, *деед үзгин салькн* ‘западный ветер’, *дотанин салькн* ‘восточный ветер’, *һазанин салькн* ‘западный ветер’, *ар һазанин салькн* ‘северо-западный ветер’, *өмн дотанин салькн* ‘юго-восточный ветер’, *аю салькн* ‘попутный ветер’, *зөрүд салькн* ‘встречный ветер’, *һажуһин салькн* ‘боковой ветер’, *эргин салькн* ‘бриз’.

Примеры употребления лексемы *салхин / салькн* в тексте: *Умрын салхи салхилж эхлэв* ‘Задул **северный ветер**’ [БАМРС III, 2001: 79]. *Эн йовдл хаврин эклцэр, киитн хурта, чиигтэ цаста, ар үзгин ивтркэ салькн көдлжэсн цагла болсн юмн* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. ‘Это событие произошло в начале весны, когда дул **северный** пронизывающий **ветер**, шел холодный дождь и мокрый снег’.

2). **Наименования разновидностей ветра с семантикой силы:**

Данные понятия включают сему разрушения (некой ломающей, валящей, сокрушающей стихии):

– в монгольском языке: *догшин салхи* ‘грозна́ый шквал, шквалиста́ый ветер’, *их салхи* ‘тайфу́н, вихрь, смерч, урага́н’, *улаан салхи* ‘песча́ный смерч; си́льный ветер, урага́н’, *хар салхи* ‘цикло́н, бу́ря, урага́н, цикло́нический вихрь; пы́льная бу́ря’, *далайн хар салхи* ‘урага́н на море’, *хий салхи* ‘ветер’, *хуй салхи* ‘вихрь, смерч, шквал; урага́н’, *хуйларсан салхи* ‘шквалиста́ый ветер’, *хүчтэй салхи* ‘си́льный ветер, грозна́ый шквал’, *шар салхи* ‘ветер с песком, вихрь’, *ширүүн салхи* ‘шквалиста́ый ветер’;

– в калмыцком языке: *күчтэ салькн* ‘си́льный ветер’, *догшин салькн* ‘сви́репа́ый ветер’, *шүрүн салькн* ‘ре́зкий ветер’, *шүрүн үзүртэ салькн* ‘ре́зкий пронизи́вающий ветер’, *һалв салькн* ‘шквалё́ный ветер, урага́н’, *хавсрһта салькн* ‘порыви́стый ветер’, *чаңһ салькн* ‘си́льный ветер’, *тархагч һалв салькн* ‘разруши́тельный урага́н’, *хү салькн* ‘вихрь, смерч’, *хурлзсн салькн* ‘вихрево́й ветер’, *ик салькн* ‘си́льный ветер’.

Примеры употребления в тексте метеолексемы *салхин / салькн*, обозначающей разновидности ветра: *Хуй салхи босов / хуй салхи дэгдэв* ‘налетел **шквал**’ [БАМРС III, 2001: 79]. *Улм чаңһрсн шүрүн салькн, усна дольгаг өндрт өргэд, мана оңһциг тер, модна зорһс мет, нааран-цааран эргүлв* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. ‘Усилившийся **ре́зкий ветер**, подняв волну высоко вверх, нашу лодку, подобно щепке, стал крутить в разные стороны’; *Генткн хү салькн көдләд, хамтхасиг өргэд, дуһрулад киискэв* [НККЯ, Хальмгунн]. ‘Вдруг поднялся **вихрь**, стал кружить листья’ [НККЯ, Н. Илюмжинов]. *Хург төгсм цацу генткн һалв салькн көдлв* ‘как только закончилось собрание, вдруг поднялся **шквалё́ный ветер**’.

Семантика именованя *слабого ветра* ‘легкий, свежий, едва уловимый, ласковый, мягкий, тихий, успокаивающий’:

– в монгольском языке: *зөөлөн салхи* ‘слаба́ый, лёгкий ветер’, *сэвшээлэн салхи* ‘лёгкий свежий ветерок’, *сэр сэр салхи* ‘порыви́стый лёгкий ветер’, *цагаан салхи* ‘слаба́ый ветер’;

– в калмыцком языке: *номһн салькн* ‘тихий ветер’, *жөөлн салькн* ‘мягкий ветерок’, *эрэ ирвэлзгсн салькн* ‘едва уловимый ветерок’, *сер-сер салькн* ‘ласковый мягкий ветерок’, *саб-саб салькн* ‘завывающий ветер’, *хоһр салькн* ‘ласковый, мягкий, успокаивающий’, *сержңсн салькн* ‘свежий, легкий ветерок’, *үчүкн салькн* ‘слабый ветер’.

Примеры: *Эн мандлсн нарн, көкржәх модна бүүрмүд, жөөлн салькн - кун болһна седкл авлна гижә санжәнава* ‘Я думаю, что это восходящее солнце, зеленеющие ветви деревьев, **мягкий ветерок** затрагивает душу каждого’ [НККЯ, Хальмг унн]. *Соңсн хамгтнь сержңсн сөөһин салькн, солһтрсн сарин герл хойр герч болв...* ‘**Ночной легкий ветерок**, мерцающий свет луны стали свидетелями всего услышанного...’ [НККЯ, К. Эрендженов].

3). **Наименования разновидностей ветра по температурному признаку:**

Здесь актуализируются семы *прохладный, холодный, теплый, горячий*:

– в монгольском языке: *бүлээн салхи* ‘тёплый ветер’, *жихүүн салхи* ‘свежий, прохладный ветер’, *нөөлөх салхи* ‘порывистый тёплый ветер’, *сэрүүн салхи* ‘прохладный ветер’, *урьхан салхи / урьхан хонгор салхи* ‘приятный тёплый ветерок’, *халуун салхи* ‘знойный ветер, жаркий ветер’, *хүйтэн салхи* ‘холодный ветер’;

– в калмыцком языке: *киитн салькн* ‘холодный ветер’, *дулан салькн* ‘теплый ветер’, *жиңнм салькн* ‘пронизывающий ветер’, *серүн салькн* ‘прохладный ветер’, *халун салькн* ‘горячий ветер’, *зекун салькн* ‘прохладный ветер’, *хаврин хэвсх салькн* ‘пронизывающий весенний ветер’, *ар үзгин ивтркә салькн* ‘промозглый ветер’, *заһлма киитн салькн* ‘перекрестный холодный ветер’.

Примеры: *Бүлээн салхи үлээнэ.* ‘Веет **тёплый ветер**’ [БАМРС III, 2001: 79]. *Мана түрлһн невчк гөңгрв чигн, заагта үүдәр сүүгжәх киитн салькн мадниг зоваһад бәәв.* ‘Несмотря на то что наши трудности немного облегчились, но от **холодного ветра**, дующего с щелей двери, мы страдали’

[НККЯ, Н. Илюмжинов]. *Балтийск теңс талас киитн, ивтркә салъкн үлэжэлэ*. ‘Со стороны Балтийского моря дул **холодный, пронизывающий ветер**’ [НККЯ, Н. Илюмжинов].

4). **Наименования разновидностей ветра по сезонам:**

– в монгольском языке: монг. *найртай салхи* ‘ветерок; приятный ветер, тёплый, весенний ветер’, *намрын салхи* ‘осенний ветер’;

– в калмыцком языке: *намрин хоңһр салъкн* ‘осенний легкий ветерок’, *увлин киитн салъкн* ‘зимний холодный ветер’, *хаврин хар салъкн* ‘весенний сухой, иссушающий ветер’, *намрин серун салъкн* ‘осенний прохладный ветер’, *намрин сержңнсн салъкн* ‘осенний легкий ветерок’. Примеры: *Намчим, намрин сержңнсн салъкн эрә үләһәд өвс көндәнә, Батан чирә иләд давжә одна* [НККЯ, К. Эрендженев]. ‘Тишина, **осенний** легкий **ветерок** еле дует, покачивая травинку, как будто нежно лаская лицо Баты, прошла мимо’.

Сочетаемость метеолексемы *ветер* в монгольском языке: с лексемой *салхи(н) / салъкн* ‘ветер’ зафиксированы следующие **глагольные и именные словосочетания**: монг. *салхи дагах / салхи уруудах* ‘идти по ветру’, *салхи өөд / салхины өөд* ‘против ветра’, *салхи сөрөх* ‘идти против ветра; дуть в лицо (о ветре)’, *салхи хөгжсөөх* ‘вызывать ветер’; калм. *салък орулх* ‘проветривать’, *салъкнд һарх* ‘выйти на свежий воздух, прогуляться на свежем воздухе’, *салък урудх* ‘идти по ветру’, *салък өрх* ‘идти против ветра’, *салъкнд дэәвлх* ‘качаться на ветру’, *салъкнд делсх* ‘развеваться на ветру’, *салък көдлһх* ‘поднимать ветер’, *салък жисх* ‘идти по диагонали с ветром’, *салъкна аю* ‘направление ветра’, *салъкна дүүгән* ‘гудение ветра’.

Слово *салхи(н)* ‘ветер’ в монгольском языке, являясь субъектом действия, образует с глаголом следующие предикативные сочетания: *алхи байх / салхи барах* ‘прекратиться (о ветре)’, *салхи босно* ‘ветер поднимется’, *салхи буув* ‘подымается ветер’, *салхи дэгдэх* ‘подниматься (о ветре)’, *салхи дэлсэх* ‘хлестать, бить (о порывах ветра)’, *салхи зогсов* ‘ветер прекратился’, *салхи исгэрэх / салхи улин исгэрэх* ‘свистеть, выть (о ветре)’, *салхи лүвхийх*

‘дуть зноем, нести жар (о ветре), суховой’, *салхи намдах / салхи намжих / салхи намхрах* ‘приутихнуть, понемногу утихать; успокаиваться (о ветре)’, *салхи салхилах* ‘дуть (о ветре)’, *салхи сүлгэнэв* ‘завыл ветер’, *салхи сэрчигнэнэ* ‘ветер дует’, *салхи тогтох / салхи тогтуун болох* ‘стихать (о ветре)’, *салхи тохрох* ‘прекращаться (о ветре)’, *салхи үелзэх / салхи үймцэх* ‘выть, завывать (о ветре)’, *салхи үлээх* ‘дуть (о ветре)’, *салхи хөгжих* ‘усиливаться, разыграться (о ветре)’, *салхи хөдлөх* ‘подняться (о ветре)’, *салхи ширүүсэв* ‘ветер усилился’, *салхи шуугих* ‘свистеть, шуметь (о ветре)’, *салхи шүнгэнэх* ‘выть, свистеть (о ветре)’.

Сочетаемость метеолексемы *ветер* в калмыцком языке: *салькн* ‘ветер’, являясь субъектом действия, употребляется со следующими глаголами и его особыми формами: *севших* ‘веять, дуть (о легком ветре)’, *ээтрх* ‘успокаиваться, утихать’, *босх* ‘подниматься’, *догшрх* ‘усиливаться, становиться резким’, *көдлх* ‘дуть (о ветре)’, *номһрх* ‘утихать’, *сүүгх* ‘продувать’, *чаңһдх* ‘усиливаться’, *үлэх* ‘дуть’, *орх* ‘проникать’, *авх* ‘продуваться (букв. получить (простуду))’, *догшидх* ‘усиливаться, свирепствовать’. Примеры: *Дэкэд зөвэр хатрулад оркен цагт салькн догшидад, цасна омшнь икдэд, боран болх бээдлтэ.* ‘Когда довольно быстрее пустил лошадь рысью, то ветер усилился, снежинки снега стали крупнее, видимо будет ненастье’ [НККЯ, К. Эрендженев]. *Салькн номһрв, хо бүрүлин өмн малан хотнур залад, ялч орад аашна.* ‘Ветер утих, до сумерков направив скотину к хотону, батрак подошел’ [НККЯ, Х. Сян-Белгин].

От существительных *салхи(н) / салькн* образуются такие части речи, как:

– **глаголы:** монг. *салхилах* ‘дуть (о ветре)’, ойр. *салькилаха (салкилаху)* ‘дуть (о ветре)’, калм. *сальклх* ‘дуть (о ветре)’;

– **прилагательные:** монг. *салхитай* / ойр. *салькитаа* / калм. *салькта* ‘ветренный (о погоде)’;

– **существительные:** монг. *салхивч* ‘форточка; поддувало’; калм. *сальквч* ‘форточка’.

С метеолексемой *салхи(н)* / *салькн* образуются следующие **парные слова:** монг. *салхи шуурга* ‘пурга, метель, вьюга’, *салькн шуурһн* ‘буря’; калм. *салькн теерм* ‘ветряная мельница’, *салькч элэ* ‘маленький серый коршун’.

Образное переосмысление метеолексемы ветер

Слово *салькн* и производные от него лексемы активно функционируют в речи в переносных значениях: монг. *салхи шиг хөнгөн хүн*, калм. *салькта кун* (букв. ветренный человек), равно как и выражение *седклд салькн орх* (букв. в сознание проникает ветер) характеризуют легкомысленного, непоследовательного, безрассудного человека; глагол *сальклх* означает ‘поступать необдуманно, легкомысленно’. Устойчивое словосочетание *севркәһәрнь салькн орх* означает ‘вести беспечный образ жизни’: ‘Ода энүнэ седклднь салькн оржах бәэдлтә’, – *гиж санжаһад Цаһан: Ода Ядмин эцкинд бәәш угаһар седжәнч?* ‘Видимо, он становится легкомысленным, – так подумав, Цагана сказала: Ты не хочешь жить в семье отца Ядмина?’ [НККЯ, К. Эрендженов].

В монгольском языке *салхи* ‘ветер’ ассоциируется со скоростью, быстротой, потому активны сравнения с ветром: *салхи шиг хурдан* ‘быстрый, как ветер’.

В архаических представлениях монголоязычных народов образ ветра воспринимался как живое существо, обладающее мощной разрушительной силой, способной воздействовать как на физическом уровне, так и на уровне сознания человека. Так, выражение *толһаднь салькн оржоч* ‘букв. в его голову проник ветер’ [ПМА] может означать не только легкомысленность, несерьезность, но и ситуацию болезненного состояния сознания: человек становится беспокойным, многословным и даже неадекватным.

В предложении *Однав гинэд үгэн өгчкэн, эс одхла яһсн бэрг уга салькн куукмб гижэ санх* [НККЯ, К. Эрендженов]. ‘Если (девушка), дав согласие выйти замуж, не выходит, то все подумают, что это **ветренная девушка**, которая не держит своего слова’ словосочетание *салькн куукн* имеет значение ‘ненадежность, несерьезность’. В представлении калмыков понятие *үгдэн курх* ‘держат слово’, то есть *выполнять обещания, обязательства* имело особое нравственное значение. Верных своему слову людей почитали, ценили. Таким образом, использование метеолексемы *салькн* ‘ветер’ с её семой неустойчивости в функции характеристики имело негативную коннотацию.

Разрушающий образ ветра часто встречается в устном народном творчестве, художественных произведениях: *Күчтэ эн салькн герин ора таслэж шивв, герин, саран үүдд түңгэснь таслэж уңһав, моддыг уңгарнь сөңглэж һарһе* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. ‘**Сильный ветер** сорвал крышу дома, двери дома, сарая, вырвал с корнем деревья’.

Качества ветра – безудержная сила, всепроникающая природа, неуправляемость – нашли свое осмысление в пословицах: *Салькн уул чолу хамхлдг, үг амтнэ хэрлцэ батрадг*. ‘Ветер разрушает горы и камни – слова укрепляют взаимоотношения людей’ [Тодаева, 2007: 80]; *Заагар үг ордг, завгар салькн ордг*. ‘Слово вставляют в промежутках – ветер проникает сквозь щели’ [Тодаева, 2007: 266]; *Үүдэр орсн салькн яахв, үгэр боли уга нөкдиг яахв?* ‘Как быть с ветром, проникающим через дверь, – как быть с другом, не поддающимся уговорам?’ [Тодаева, 2007: 298]; *Темнин сүвин чинэн нүкэр темәни чинэн салькн орна*. ‘В щель величиной с игольное ушко врывается ветер величиной с верблюда’ [Тодаева, 2007: 340]. Страх перед стихией ветра в воображении человека обретал формы, причем этнически маркированные (величиной с **верблюда**, ср. **вербюжье** облако), и был обоснованным. При кочевом образе жизни хозяйки на ночь всегда закрывали дымовое отверстие кибитки: ночью внезапно поднявшийся ветер через

открытое дымовое отверстие мог проникнуть внутрь и разрушить кибитку, погубив обитателей.

Устойчивое выражение *‘ветер, пронизывающий до костей’* отражает его всепроникающую природу, от которой невозможно укрыться: *Хаврин хар салькн хавсн заагур орна*. ‘Весенний холодный ветер пронизывает до костей’ [ПМА]; *Иргэр орсн салькн сүүжсин экнд жиңндг, иньгин келсн үг зүркнэ экнд жиңндг*. ‘Ветер, дующий по низу кибитки, пронизывает до костей – слова, сказанные другом, доходят до самого сердца’ [Тодаева, 2007: 357].

Значение *‘дыма без огня не бывает’* находит отражение в следующих пословицах: *Салькн угаһар хулсн нээхлдго*. ‘**Без ветра** камыш не колыхнется’ [Тодаева, 2007: 428]; *Салькн эс көдвл, модни ора көдлх уга*. ‘Если не подует ветер, верхушки деревьев не будут качаться’ [Тодаева, 2007: 427]; *Салькн уга болвл давлһан уга, шалтан уга болвл керүл уга*. ‘**Без ветра** и нет волны, без причины нет и ссоры’ [Тодаева, 2007: 552].

Через *ветер* в паремии дается оценка поступкам, качествам, умонастроениям человека: *Седклд сежг уга болхла, севркәһәр салькн ордго*. ‘Если человек серьезный, то его не сбить с правильного пути’ (букв. если в душе нет сомнений, то ветер не проникает через межреберье’) [КРС, 1977: 438], то есть серьезный человек не впустит в сознание ветер (беспокойство), он спокоен и благоразумен; *Салькнд чирәнһ мармаһад, көдлмит һарнь мармаһад бәәж*. ‘**На ветру** лицо огрубело, на работе руки огрубели’ [Тодаева, 2007: 279], то есть указан признак трудолюбия: *ветер* здесь осознается как характеристика непростых условий работы степняка; ойр. *Хара санаан бийе барадаг, хаһархаа девеләэр салькин ородаг*. ‘Злые помыслы мучают тело – через рваную шубу проникает ветер’ [Тодаева, 2001: 285]; калм. *Хар санан бий бардг, хаһрха девләр салькн ордг*. ‘Злой умысел самого человека губит – сквозь рваную шубу ветер проходит’ [Тодаева, 2007: 573], то есть злонамерение, подобно вездесущему ветру, не даст покоя человеку, заставит страдать.

Интересны анималистические пословицы с элементом *ветер*, отражающие повадки животных, в частности коз. Хотя козы у калмыков не входят в число четырех основных видов скота, все же в стаде их держали. Поведенческая особенность этих животных заключалась в том, что они обязательно уводили овец против ветра, тем самым доставляя немало хлопот животноводам. Это качество упрямого животного – поступать наперекор – отражается в следующих пословицах, транслируя данный недостаток на человека: *Серкин заң салькн тал*. ‘У козла норов делать все наперекор’, ‘букв. идти против ветра’ [КРС, 1977: 450]; *Кемр хөд салькнд урудхла, ямаг теңгерт хэ*. ‘Если овцы уйдут по ветру, то козу ищи на небе’ [Тодаева, 2007: 157].

В калмыцком языке функционируют устойчивые выражения с колоремой *хар* ‘черный’ с негативной оценочной коннотацией: *киитн хар салькн*, *хар салькн*, *хаврин хар салькн*. Весной, хотя греет солнце, ветер бывает холодным, пронизывающим до костей, иссушающим кожу лица и рук, в результате кожа заветривается и темнеет, что нашло отражение в пословице *Хаврин хар салькн хавсн заагур орна* ‘Весенний холодный ветер пронизывает до костей’ [ПМА].

В пословицах с компонентом *ветер* отражаются и житейские, философские наблюдения, размышления в форме умозаключений, не подлежащих сомнению: *Салькн көдлв чигн, өр цагасн эрт цээдго*. ‘Если даже и ветер подует, рассвет раньше времени не наступит’ [КРС, 1977: 422], то есть все процессы в мире соответствуют своему месту, времени и обстоятельствам; *Модна өмкрисг учүкн салькн чигн эвднэ*. ‘Гнилое дерево даже слабый ветерок свалит’ [Тодаева, 2007: 335], то есть слабый человек всегда уязвим; *Салькн хурдн, салькнас санан хурдн*. ‘Ветер быстр, а мысли быстрее ветра’ [КРС, 1977: 438], то есть способность человека мыслить – великая ценность и не зависит от внешних обстоятельств.

Монгольские народы знали, что сильный ветер – предвестник ненастья, используя эту примету как аналогию жизненных ситуаций: монг. *Салхины сүүлд бороо, наадмын сүүлд хэрүүл* ‘После ветра – дождь, после игры – ссора’; калм. *Салькна сүл боран, наадна сүл керул* ‘Конец ветра – ненастье, конец забавы – ссора’ [Тодаева, 2007: 551].

Одно из мифологических народных представлений о ветре связано с таким персонажем, как *древняя старуха*. Калмыки считали, что ветер спит в глубокой яме с красным краями, накрытой сверху толстым войлоком. Охраняет яму древняя старуха, которая следит за тем, чтобы войлок не слетел и ветер не вырвался на свободу. Но иногда ветру удавалось это сделать, и он начинал дуть. Утихал ветер только тогда, когда старухе снова удавалось накрыть яму войлоком [Басаев, 2004: 47].

Другая легенда о происхождении ветра повествует о том, что в безлюдной степи жили древняя старуха и ее хромоногая дочь. Иногда они бегали наперегонки, и от их быстрого бега поднимался ветер, который успокаивался, когда девушка-хромножка садилась отдохнуть [Басаев, 2004: 47–48].

Итак, ЛСГ «Движение воздушных масс» включает 123 единицы.

Специфика обитания в условиях ветренного, переменчивого климата с температурными перепадами сделали из кочевника наблюдателя, аналитика и практика, что не могло не отразиться на процессе формирования метеолексик, которая представляет собой самостоятельную систему, имеющую свои лексико-семантические особенности, а именно структуру, набор метеолексем, а также лингвокультурологические проявления, так как эта область лексикона является инвариантной частью языковой картины мира монголоязычных народов.

1. Номинации ветра классифицированы по 1) *направлению (19)*, 2) *силе (27)*, 3) *температуре (14)*, 4) *времени года (7)*. Первая подгруппа отразила особое значение ориентации на местности дляномада. В монгольском языке

преобладают наименования направленности ветра относительно субъекта: ‘встречный ветер’, ‘попутный ветер’: *сөрөг салхи, тэсрэг салхи, эсрэг салхи, зохилдуу салхи*. В калмыцком же языке номинации отражают ориентацию по сторонам света: *өмн үзгин салькн* ‘южный ветер’, *ар үзгин салькн* ‘северный ветер’, *дорд үзгин салькн* ‘восточный ветер’, *деед үзгин салькн* ‘западный ветер’.

Вторая подгруппа характеризуется коннотацией интенсивности: ‘сильный, шквалистый, свирепый, разрушительный, резкий; легкий, мягкий, ласковый’.

Третья подгруппа включает наименования, отражающие температурный спектр ветра: ‘прохладный, свежий, холодный, теплый, горячий’.

Четвертая подгруппа дает картину сезонных характеристик ветра: весенний (‘теплый, приятный, иссушающий, пронизывающий’); осенний (‘легкий, прохладный, холодный’); зимний (‘холодный’); летний (‘знойный, горячий’).

Метеолексема *ветер* в монгольских языках образует *составные* наименования (*догшин салхи, хар салхи, аю салькн*), *сложные* (*далайн хар салхи, нэвт үлээх салхи, ар үзгин ивтркэ салькн*), *парные* (*салхи шуурга / салькн шуурһн*).

2. В языковой картине мира монголоязычных народов образ *ветра* живой, быстрый, с разрушающей и всепроникающей природой, способной воздействовать на человека и его сознание.

Природа ветра при ее художественном переосмыслении ассоциируется с качествами человека (быстрый, легкомысленный, беспечный, безрассудный): *салхи шиг хурдан, салхи шиг хөнгөн хүн, салькта кун, седклд салькн орх*.

Качества ветра – безудержная сила, всепроникающая природа, неуправляемость – нашли свое осмысление в паремии, легендах,

фольклорных и художественных текстах, в которых дается оценка поступкам, качествам, умонастроениям человека в сопоставлении с образом ветра, характеризуя мировидение монгольской языковой личности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Глава посвящена комплексному изучению лексико-семантических особенностей наименований природных явлений в монгольских языках с учетом лингвокультурологических факторов.

Анализ метеонимов (всего 687), ориентированный на три уровня (денотативный, коннотативный, функциональный), позволил выделить 4 лексико-семантических микрополя в семантическом поле «Природа»: «погода», «воздух», «осадки», «ветер». Исследование проводилось с учетом контекстного употребления метеолексем, то есть реализации синтагматических отношений. С учетом этого определились 4 группы лексических единиц со значением характеристики ключевого понятия микрополя: 1) ЛСГ «Состояние погоды» (102); 2) ЛСГ «Температура воздуха» (132); 3) ЛСГ «Атмосферные осадки» (330); 4) ЛСГ «Движение воздушных масс» (123).

Наблюдения над первой ЛСГ на денотативном уровне (словарные значения) обнаружили понятийную эквивалентность лексем, входящих в это объединение в анализируемых монгольских языках. Отсутствие безэквивалентных понятий, на наш взгляд, обусловлено сходством восприятия окружающего мира монголоязычных народов. При этом выявлено этнически маркированное значение прилагательного *sarayul* 'светлый, ясный' с дифференциальной семой *ночное время суток*: во всех анализируемых монгольских языках данная лексема обозначает *ясную погоду ночью*, то есть характеризует определенное время суток. Денотативный компонент рассматриваемых лексем был приведен в словарных статьях и высветил конкретные свойства, признаки предмета; коннотативный

компонент (эмоционально-оценочный, связанный с дополнительным ассоциативным значением) довольно прозрачен (ясный – пасмурный – ненастный) и четко прослеживается в контекстах; функциональный компонент традиционный – наименование качества предмета/явления и эстетическая функция (эпитеты, метафоры в художественной сфере и пространстве повседневной коммуникации).

Вторая ЛСГ характеризует температурный уровень воздуха в диапазоне лексико-семантических подгрупп *жаркий* (52) – *теплый* (17) – *прохладный* (16) – *холодный* (47). Как видим, больше всего именовании с полярными показателями температуры (*жаркий* – *холодный*), что отражает особенность резко континентального климата. Лексемы с температурной семантикой реализуют коннотативные смыслы ‘неимоверная, сильная, изнуряющая, выматывающая жара, палящий зной’; ‘теплая погода, оттепель’; ‘прохлада, свежесть, холодновато, прохладненько’; ‘сильный, пронизывающий холод, трескучий мороз’. Основная часть метеонимов обладают синкретическими формами, функционируя как существительное или прилагательное в зависимости от контекста и выступая компонентами предикативного сочетания или подчинительного словосочетания.

«Температурные» метеолексемы также функционируют в переносно-метафорических значениях с ценностной коннотацией лексем: *жаркий* – сердечный, искренний, дружеский; вспыльчивый, легко возбудимый, *теплый* – радость, довольства от приятных ощущений, переживаний, ласковый; *прохладный* – обманчивый, промежуточный; *холодный* – неприветливый, хладнокровный, каменный, безжалостный, черствый.

Третья ЛСГ объединила метеонимы, характеризующие атмосферные осадки в виде *дождя*, *снега*, *града*, *инея*, *изморози*, *тумана*, а также метеонимы *облако* (*туча*). Самыми репрезентативными являются метеонимы ‘дождь’ (53) и ‘снег’ (63), что свидетельствует о важности, значимости этих природных климатических проявлений для кочевников. Выявлена

сочетаемость метеолексем с другими частями речи, передающая признаки атмосферных осадков по *форме, величине, интенсивности, температуре, сезону*. Предикативные сочетания данных лексем отражают процесс и характер действия природного явления.

Понятие ‘осадки’ в монгольских языках передают лексемы *бороо(н), нөөтн*, расширяющие основное значение лексико-семантическими вариантами ‘непогода, ненастье, ливень’. В ойратском и калмыцком языках лексема *бораан / боран* характеризует осадки в виде снега и дождя, а метеоним *нөөтн* только в бурятском и калмыцком языках развил значение ‘осадки (о дожде, снеге)’. В рассматриваемых языках часто употребляются парные сочетания в значении ‘осадки’: *хур тундас, хур ус, хур борооны зүйл, шииг нойтон, хур-чиг, хур-боран*. Лексемы этой ЛСГ условно можно разделить на слова с позитивной и негативной коннотацией. К первым относятся *хур* ‘дождь’, *хяруу / кирү* ‘иней’, *будан(г) / будн* ‘туман’; ко второй – *шуурга(н) / шуурһн* ‘метель, пурга’, *зад* ‘ненастье, непогода’, *аянга / аяңһ* ‘гром’, *зуд* ‘джут, гололедица, бескормица, засуха’. Явления, обозначенные «позитивными» лексемами в представлении номадов ассоциируются со ‘счастьем, удачей, чистой энергией, благополучием, изобилием, плодородием’; негативны следующие ассоциации: ‘страх, трудности, испытания, бескормица, падеж скота, страдания, внезапная беда’. Метеолексема *цас(ан) / цасн* ‘снег’ у монгольских народов *амбивалентна*: ассоциируется как с трудностями, испытаниями, так и с изобилием, плодородием, благополучием. Лексемы с данными метеокомпонентами встречаются в разных фольклорных жанрах и художественных текстах, где через образные аналогии с обозначенных явлений природы раскрывается философский взгляд на мир и житейская мудрость кочевников.

В четвертой ЛСГ номинации ветра учитывают 1) направление; 2) силу; 3) температуру; 4) время года. Первая подгруппа отразила особое значение ориентации на местности для номада. Однако есть свои предпочтения:

монголы учитывали преимущественно направленность ветра относительно субъекта ('встречный ветер', 'попутный ветер': *сөрөг салхи, тэсрэг салхи, эсрэг салхи, зохилдуу салхи*), а калмыки отражали ориентацию по сторонам света (*өмн үзгин салькн* 'южный ветер', *ар үзгин салькн* 'северный ветер', *дорд үзгин салькн* 'восточный ветер', *деед үзгин салькн* 'западный ветер'). Метеонимы второй подгруппы демонстрируют манифестируют интенсивность: 'сильный, шквалистый, свирепый, разрушительный, резкий; легкий, мягкий, ласковый'. Третья подгруппа отражает температурный спектр ветра: 'прохладный, свежий, холодный, теплый, горячий'. Четвертая дает картину сезонных характеристик: весенний ('теплый, приятный, иссушающий, пронизывающий'); осенний ('легкий, прохладный, холодный'); зимний ('холодный'); летний ('знойный, горячий'). Метеолексема *ветер* в монгольских языках образует составные наименования (*догшин салхи, хар салхи, аю салькн*), сложные (*далайн хар салхи, нэвт үлээх салхи, ар үзгин ивтркэ салькн*), парные (*салхи шуурга / салькн шуурһн*), реализующие дифференциальные семы этой непростой и непредсказуемой стихии. В языковой картине мира монголоязычных народов образ ветра живой, быстрый, с разрушающей и всепроникающей природой, способной воздействовать на человека и его сознание.

ГЛАВА III. ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ (НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА) В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ О ПОГОДЕ

За звездным небом и движением небесных тел – солнцем, луной и другими планетами – люди наблюдали с глубокой древности, но изучать их стали в средние века и позднее, особо активно со второй половины XX в. [Бонов, 1984; Евсюков, 1988; Фролов, 1982; Кисловский, 1989; Мамуна, 1998; 2000; Крапц, 1999; Корнелиус, 2000].

Жизненный уклад монгольских народов, традиционно ведущих кочевой образ жизни, напрямую был связан с небесными телами, их движением во вселенной. С положением небесных тел соизмерялся весь жизненный цикл монголоязычных племен.

Наблюдения за местоположением небесных тел, их движением в космическом пространстве в разное время года, выявление связи этих процессов с погодой постепенно расширяли знания монголов об окружающем мире. Астрология, наука о небесных телах, с древности вызывала неугасающий общечеловеческий интерес. А для народов кочевой цивилизации, постоянно мигрировавших в поисках пастбищ, хорошие знания звездного неба, умение точно определять время, стороны света, свою локацию, ориентироваться на местности в необозримом степном пространстве, искать и безошибочно находить дорогу к колодцам и пастбищам – все это было жизненной необходимостью. Кочевники «днем время узнавали по солнцу, а ночью – по положению Большой Медведицы (Долан Бурхн) или Пояса Ориона (Һурвн Марл) [Омакаева, 2024: 109]. Так постепенно складывались объективные представления о метеорологических, атмосферных явлениях и астрономических объектах (климате, погоде, небесных телах и т.д.), нашедших отражение в номадном лексиконе (метеонимы, астронимы/космонимы), в языковой картине мира народов.

Одним из направлений исследования этнической культуры в связи с астрономическими знаниями является непрерывная традиция изучения национальной астрологии, в том числе и у монгольских этносов. Результаты исследований в этом научном направлении представлены в работах таких ученых-лингвистов, как О.М. Ковалевский, Л.Г. Скородумова, Э.У. Омакаева, М.М. Содномпилова, У.Д. Душан и др. [Ковалевский 1837; Скородумова 1994; Омакаева, 1993, 1995; 1998, 2024; Содномпилова 2009, 2010; Душан 2016].

ЛСГ «Небесные тела» включает 172 единицы.

3.1. Солнце

Солнце – центральное тело Солнечной системы, звезда, представляющая собой гигантский раскаленный газовый шар, излучающий свет и тепло за счет протекающих в его недрах термоядерных реакций [<https://kartaslov.ru/>].

Nara(n) ‘солнце’

Значения: письм.-монг. *nara(n)* ‘солнце’ [Лессинг, 1960: 565]; баоан. *наран*, калм. *нарн*, даг. *нар*, мнгр. *нара* ‘солнце’ [ЭСМЯ, 2016: 189]; монг. *нар(ан)* ‘солнце’ [БАМРС II, 2001: 396]; ойр. *наран (наран)* ‘солнце’ [Тодаева, 2001: 244]; бур. *наран* ‘солнце’ [БРС I, 2006: 593]; стп.-калм. *нарн* ‘солнце’ [Рамстедт, 1935: 272]; стп.-калм. *наран* ‘солнце’ [Позднеев, 1911: 64]; калм. *нарн* ‘солнце’ [КРС, 1977: 368].

В монгольских языках лексема *наран* образует именные словосочетания, которые характеризуют погоду по степени жары. *Распространенные номинации, связанные с высокой степенью жары*: монг. *хурц нар* ‘яркое солнце; палящее солнце’ [БАМРС II, 2001: 396]; ойр. *хурца наран* ‘жгучее, палящее солнце’ [Тодаева, 2001: 414]; калм. *хурц нарн* ‘(букв. острое) палящее солнце’ [КРС, 1977: 368]; калм. *герлтэ нарн* ‘ясное солнце’, *өндр нарн* ‘высокое (в зените) солнце’, *халун нарн* ‘горячее солнце’, *ээвртэ*

нарн ‘греющее теплое солнце’, *күчтэ зальта нарн* ‘обжигающее жгучее солнце’, *шачах нарн* ‘испепеляющая жара (букв. солнце)’ [НККЯ].

По положению солнца, его тепловому воздействию монголы-кочевники определяли, насколько день будет жарким.

Монгольские народы характеризовали и прогнозировали погоду по цветовой характеристике солнца: монг. *шар нар* / ойр. *шара наран* / калм. *шар нарн* ‘желтое солнце’; *өңгтэ шарһ нарн* ‘букв. золотисто-соловое солнце’, *алтн нарн* ‘золотое солнце’ [НККЯ]. Данные словосочетания обозначают дневное солнце, предвещающее ясный день: монг. *улаан наран* ‘красное солнце’/ ойр. *улаан наран* ‘красное солнце’ / калм. *ик улан төгрг нарн* ‘большое красное круглое солнце’ обозначают солнце на закате, когда красный диск имеет четкое очертание. По народным приметам, такое солнце предвещало непогоду, ветреность, пыльную бурю в предстоящий день.

В монгольских языках в соответствии со временем года используются следующие словосочетания с лексемой *нар* ‘солнце’: монг. *намрын шар нар* ‘бабье лето’ [БАМРС II, 2001: 396]; ойр. *намариин цагиин йаарам наран* ‘недолгое осеннее солнце’ [Тодаева, 2001: 295]; калм. *хаврин нарн* ‘весеннее солнце’, *шүрүнъ хэрсн намрин нарн* ‘утратившее силу осеннее солнце’, *үвлин нарн* ‘зимнее солнце’ [НККЯ].

Солнце для монголов являлось пространственным ориентиром времени, о чем свидетельствует присутствие в языке словосочетаний, обозначающих восход и закат, время до восхода, до заката солнца:

– монг. *нар орхын урд* ‘время перед закатом’, *нар үд дунд* ‘солнце в зените’, *нар битүү* ‘ни свет, ни заря; до восхода солнца; очень рано’, *нар гарах цаг* ‘время восхода солнца, восход солнца’, *нар орох цаг* ‘время захода солнца, заход солнца’, *нар ургах цаг* ‘время восхода солнца, восход солнца’, *нар таших цаг* ‘время захода солнца, солнце на закате’, *нар унатал* ‘до заката солнца’ [БАМРС, II, 2001: 396];

– ойр. *наран хархааса өмнө* ‘до восхода солнца’, *асхан наран суутал* ‘до заката солнца’, *наран бүтүү* ‘до восхода солнца’, *урһаха нартаа* ‘с восходом солнца’ [Тодаева, 2001];

– калм. *нарн суутл* ‘до захода солнца’, *нарн хартл* ‘до восхода солнца’, *нарн хархин алднд* ‘примерно на восходе солнца’, *нарн хархас урд* ‘до восхода солнца’, *нарн харх кем* ‘время восхода солнца’, *нарн суусн дару* ‘после заката солнца’, *нарн суухин өмн* ‘до заката солнца’, *нарн хурдндан орсн кем* ‘время, когда солнце активно’, *нарн гүргүдэн орсн цаг* ‘солнце в зените’, *нарн модна толһад хартл* ‘указывается на предрассветное или рассветное время суток, когда первые лучи солнца отражаются на верхушках деревьев’ [НККЯ].

Глагольные словосочетания с лексемой *нар* ‘солнце’ также обозначают время:

– монг. *нар мандах* ‘появление солнца’, *нар хөрөөх* ‘восход солнца’, *нар жаргах* ‘закат солнца’, *нар хэлбийх* ‘солнце клонится к закату’, *нар жаргах / нар орох / нар шингэх* ‘закат’ [БАМРС II, 2001: 396];

– ойр. *наран мандалах* ‘восход солнца’, *наран жиргехиин алдаар* ‘когда солнце клонилось к закату’ [Тодаева, 2001: 42, 172];

– калм. *нарн харх* ‘восход солнца’, *нарн суух* ‘солнце на закате’ [НККЯ].

По народным приметам, солнце, восходящее через три тучи, предвещало зимой – холод, летом – дождь, а закат солнца через тучи зимой был предвестником отступления холода и наступление тепла [ПМА].

Монголы определяли время и по углу падения солнечного луча, проникавшего в юрту через дымовое отверстие: круглое основание юрты подобно циферблату, площадь же юрты символически делилась на двенадцать частей, и в зависимости от того, на какую часть юрты падал луч, определяли время. Например:

– *нар тооноор тусах цаг* ‘время попадания солнечных лучей в зону, именуемую *временем зайца*, было сигналом хозяйкам к дойке скота (5.40–7.40);

– *нар унины толгойд тусах цаг* ‘время попадания солнечных лучей на верхнюю часть жердей юрты’ именовалось как «время дракона», то есть период завершения дойки и выгона скота на пастбище (7.40–9.40);

– *нар унины голд тусах цаг* ‘время попадания солнечных лучей на середину наклонных жердей’ было «временем змеи», то есть временем обработки свежего удоя (9.40–11.40);

– *нар унины бөгсөнд тусах цаг* ‘время попадания солнечных лучей на нижнюю часть жердей’ или *нар ханын толгойд тусах цаг* ‘время попадания солнечных лучей на верхнюю часть решетчатой стены юрты’ – время *бага уд* ‘малый полдень’ или «время лошади» (11.40–13.40);

– *нар авдарт тусах цаг* ‘время попадания солнечных лучей на сундук’/ ‘время попадания лучей солнца на хоймор’ (*хоймор* ‘почетное место напротив двери’, см.: монг. *нар хоймор тусах цаг*) означало наступление «времени овцы», когда с пастбищ для дойки пригоняется скот. В монгольском языке есть синонимичное выражение *удийн хонь ирэх цаг* ‘время прихода овец в полдень’ (13.40–15.40);

– *нар ханын элэг өгсөх цаг* ‘время освещения солнечными лучами верхней части решетчатой стены’ означало приход «времени обезьяны», (15.40–17.40);

– *нар унины үзүүр өгсөх цаг* ‘время освещения солнечными лучами верхней части жердей’ знаменовало «время курицы», то есть пригона скота с пастбищ, начала вечерней дойки, которая завершается во «время собаки», 19.40–21.40 [Баярсайхан, 1998: 46-47].

Солнце являлось для монгольских народов ориентиром в определении сторон света: монг. *нар мандах зүүн зүг* ‘восток’, *нар шингэх зүг* ‘запад’ [МНК], ойр. *наран харха зүгииги чиглехе* ‘направляться в сторону восхода

солнца’, *наран үдийги чиглээд харха* ‘держать курс в сторону полуденного солнца’, *наран харха зүг тала* ‘в сторону восхода солнца’ [Тодаева, 2001: 438]; калм. *нарн суух үзг* ‘запад, сторона захода солнца’, *нарн харх үзг* ‘восток, сторона восхода солнца’ [НККЯ].

Лексема *нар(ан) / нарн / наран*, являясь субъектом действия, употребляется с глаголами, передающими различные процессы, связанные с небесным светилом:

– монг. *нар ээх / нар шарах* ‘жарить, печь (о солнце)’, *нар гарлаа / нар мандав* ‘взошло солнце’, *нар жаргав* ‘зашло солнце; солнце закатилось’ [МКН];

– ойр. *наран дегжихе (дегжихү)* ‘подниматься’, *наран хараад* ‘взошло солнце’, *наран кецээхе (кецеекү)* ‘спускаться, снижаться, садиться (о солнце)’ [Тодаева, 2001];

– бур. *наран мандаба (или гараба)* ‘солнце взошло’; *наран оробо (или жаргаба, шэнгэбэ возвыш.)* ‘зашло солнце, солнце закатилось’; *наран хүрээлбэ* ‘появились цветные кольца вокруг солнца’; *наран хэлбыбэ (тонгойбо)* ‘солнце стоит низко на горизонте, близится к закату’ [БРС I, 2006: 593];

– калм. *нарн кецэх* ‘спускаться, снижаться (о солнце)’, *нарн мандлх* ‘восходить (о солнце)’, *нарн хээрх* ‘обжигать (о солнце)’, *нарн сүүрлх* ‘садиться, закатываться (о солнце)’, *нарн дегжх* ‘всходить (о небесных светилах)’, *нарн харх* ‘подниматься, всходить (о солнце)’, *нарн суух* ‘заходить (о солнце)’ [КРС, 1977].

В монгольских языках для обозначения хорошей, солнечной погоды употребляется производное прилагательное от «халх. *нар(ан)*, бур., баоан., *наран*, калм. *нарн*, даг. *нар*, мнгр. *нара* ‘солнце’» [ЭСМЯ II, 2016: 189]: монг. *нартай* [БАМРС II, 2001: 399] / ойр. *нартаа* [Тодаева 2001: 77]; калм. *нарта* ‘солнечный’ [КРС 1977: 369]. В языке употребляются такие сочетания как монг. *нартай өдөр* ‘солнечный день’ [БАМРС II, 2001: 399] / ойр. *нартаа*

йиртемжи ‘солнечная вселенная’ [Тодаева 2001: 77] / калм. *нарта өдр* ‘солнечный день’ [КРС 1977: 369].

В языке зафиксировались наблюдения номадов за солнцем (характер, воздействия, положение), ставшие погодными приметами:

– монг. *аагисан нар, шаагисан хур ээлжилсэн зун* ‘лето, в продолжении которого знойное солнце, сменяясь, чередуется с сильными шумными дождями’ [БАМРС I, 2001: 125]; *нар хүрээлбэл тэнгэр муухай аашилдаг* ‘кольцо вокруг солнца – к ненастью’ [БАМРС I, 2001: 135];

– ойр. *улан мана татхла, сальклхин темдг, улан нарн хархла, һаңдхин темдг* ‘когда все затягивается красным туманом – к ветру, когда поднимается красное солнце – к засухе’ [Тодаева, 2007: 341].

Солнце – небесное светило, являющееся источником света и тепла. Культ Солнца является одним из древнейших, сохранившихся в обрядности всех монгольских народов, который позднее сменился культом Вечного Синего Неба. У.Д. Душан отмечает, что солярный культ пронизывает всю культуру калмыков: он прослеживается почти во всех их обрядах и обычаях, с ним связано множество примет и наставлений-инструкций [Душан, 2016].

Солнце в культуре всех народов является покровителем всего живого. Люди издревле понимали, что это источник жизни на земле, поэтому светило возвеличивали, поклоняясь, и, наблюдая за ним, приспособливали образ жизни под его природные ритмы.

Тесная взаимосвязь небесных тел и погодных явлений прослеживается в народных культах, фольклоре монгольских народов.

Монголоязычные народы традиционно вели летоисчисление по лунному календарю, в котором время (месячное и суточное) было связано с образами определенных животных. Суточное время разбивалось на двухчасовые периоды, также обозначенные названиями животных, и было сопряжено с небесными телами (солнцем, луной, звездами). В Монгольско-

русском тематическом словаре суточное время расписано следующим образом:

- бар цаг (гэгээ шарлах)* ‘час тигра (перед рассветом)’ (3.40–5.40);
бич цаг (нар орохын урд) ‘час обезьяны (перед закатом)’ (15.40–17.40);
гахай цаг (од гарсан хойно) ‘час кабана (появляются звезды на небе)’ (21.40–23.40);
луу цаг (нар мандах) ‘час дракона (появление солнца)’ (7.40–9.40);
могой цаг (нар хөөрөх) ‘час змеи (восход солнца)’ (9.40–11.40);
морь цаг (нар үд дунд) ‘час лошади (солнце в зените)’ (11.40–13.40);
нохой цаг (үдишийн бүрий) ‘час собаки (вечерние сумерки)’ (19.40–21.40);
тахиа цаг (нар жаргах) ‘час петуха (закат солнца)’ (17.40–19.40);
туулай цаг (үр цайх) ‘час зайца (светает)’ (5.40–7.40);
үхэр цаг (шөнө дунд хойно) ‘час быка (после полуночи)’ (01.40–3.40);
хонь цаг (нар хэлбийх) ‘час овцы (солнце клонится к закату)’ (13.40–15.40);
хулгана цаг (шөнө дунд) ‘час мыши (полночь)’ (23.40–01.40)
- [Ульгийсайхан, Скородумова, 2008: 149].

Рабочий день ойрата-кочевника, хозяйственная деятельность которого была тесно связана с разведением четырех видов скота (овец, коров, верблюдов, лошадей), начинался задолго до восхода солнца и завершался после его захода.

Ойраты, как и другие монгольские этносы, тоже использовали лунный календарь, которого придерживаются и современные калмыки. Все значимые в жизни события калмыки планируют в соответствии с лунным календарем.

У ойрат-калмыков существует много обычаев, связанных с солнцем. Поклонение солнцу присутствует во всех калмыцких обрядах: любое действие совершается по ходу солнца (слева направо); солярный культ в обрядах, связанных с жизненным циклом человека; ритуал поклонения

солнцу и луне во время свадебного обряда (прежде чем переступить порог, прибывшая в дом жениха невеста в числе семи культов должна поклониться и солнцу (*Шар нарнд мөргмү?* ‘Желтому солнцу поклонилась?’).

Бериг ирсн һазртнь мөргүлнэ. Берэн орулхларн, үүднэ эрkd ширдг делгэд, берэн мөргүлнэ: олн бурхдтан мөргмү, шар нарнд моргмү, һазрин сәкүснд мөргмү, ээж-аавдан мөргмү гийэд, нег медэтә күн толһаһинь өкәлһэд гекүлнэ. Тиигэд мөргүлчкэд, берэн орулна [Хуучн үгд худл уга, 2018: 214–217]. ‘Вновь прибывшую невесту заставляют поклониться. На пороге дома расстилают кошму (авт. чтобы один конец кошмы был в доме, другой – снаружи), старший в роду [мужчина] произносит: «Бурханам поклонилась? Желтому Солнцу поклонилась? Духам земли поклонилась? Родителям поклонилась?» При этом каждый раз наклоняют голову невесты. После поклонения невесту заводят в дом’

Солярный культ также прослеживается в ритуале захоронения: тело умершего располагали головой на запад (*хар нохан амн* ‘рот черной собаки’), лицо обращали на восток. Именованное западного направления как *хар нохан амн* ‘рот черной собаки’ не случайно. Вот как объясняет это информант в книге «Хуучн үгд худл уга»:

Хар нохан амн гисн тернь нарн суух үзг болж харчана. Юнгад терүг хар нохан амн гижэ келдмб болхлаг – зүн бийэс харсн нарн барун бийд орсн хөөн нань хэрү хардго, эргэд эндэс хардг. Тегэд тер нарт орчлңд төрсн күн үзхэн үзэд, жирһлэн жирһэд, дакч эн нарт орчлңд нанд юмн керва, эннь болх, үүнэс сэн жирһл олж, төрлэн олж төрнэв гийэд, хар нохан ам хэләһэд хардг бээж. Тиигэдчн өңгрсн кү оршахларн, нарн суух үзг тал толһаһинь хэләһэд, нүдинь нарн харх үзг хэләһэд оршадг бээж [Хуучн үгд худл уга, 2018: 97]. ‘Рот черной собаки – это западная сторона света. Почему же запад определяли как рот черной собаки? Родившееся на востоке солнце уходит за горизонт на западе, и уже оттуда оно не взойдет. Оно совершит оборот и взойдет на востоке. Человек за свою жизнь увидел все, прожил счастливо,

больше ему на этом свете ничего уже не нужно, он уходит, как и солнце, в рот черной собаки, чтобы переродиться в лучшем месте. Поэтому человека хоронят головой на запад, а глазами на восток'

Изображение солнца присутствует в традиционной одежде в виде орнамента *зег*. Во время народного праздника встречи весны Цаган Сар жарились в кипящем масле мучные изделия *борцоки*, они имели особую форму *цельвг* или *хавтха* (лепешки в виде круга с защипами по краям, символизирующими лучи солнца) и были частью ритуального набора для подношений бурханам, а именно первой порцией пищи (*дееж*). Лепешки без защипов по краям символизировали весенние лиманы, наполненные талой водой. При подношении *дееж* произносились благопожелания, чтобы солнце растопило снега и наступившая весна напоила степь талой водой, была обильна дождем, чтобы было вдоволь травы для животных.

Любое важное дело начинают утром и стараются завершить до захода солнца, что особенно важно для начинания значимого мероприятия (прибытие «свадебного поезда», переезд в новое жилье, отправление в дальнюю дорогу и т.д.). Прием лекарства, назначенного гелюнгом-врачом, калмыки обязательно начинали утром, на восходе солнца, веря в особую активность жизненной энергии именно в это время.

Так как солнце обожествлялось монгольскими народами, на него нельзя было показывать пальцем и кивать в его сторону.

Некоторые явления, связанные с небесными светилами, имевшими большую значимость в жизни монголов-кочевников, отразились в древних мифических представлениях о происхождении солнечных и лунных затмений. Так, например, в калмыцких легендах солнечное затмение объясняется тем, что дневное светило проглотил злой дух Араха [Басаев, 2004: 13]. В языке есть выражение *нариг араха бэрлһн*, что означает 'букв. заглатывание Арахой солнца, солнечное затмение'.

С культом Солнца связан и момент табуирования лексемы *нарн*. Например, для обозначения орнамента (этнического маркера одежды ойратов и калмыков) с использованием солярной символики, существовал запрет на произношение астронома *нарн* замужними женщинами – вместо него использовалось слово *эвр* ‘греющий’ [Бакаева, 2006: 29].

Для обозначения процесса ‘греться на солнце’ в калмыцком языке используется глагол *эврлх*. Определение теплой погоды в языке выражается словосочетанием *эвртэ өдр* ‘солнечная погода’, также используется словосочетание *эмгдин эвр* ‘бабье лето, букв. время, когда старухи греются на солнышке’.

Красная кисточка *улан зала* на головном уборе ойрат-калмыков (самоназвание калмыков – *улан залата хальмг*) также является символом солнца.

Астроном *нарн* ‘солнце’ часто используется в текстах героического эпоса «Джангар» в составе устойчивых словосочетаний: *мандлж харх нарн мет* «подобно восходящему солнцу», *нарн мет мандлв* «подобно солнцу, воссияла», *нарн сар мет сээхн күүкн* «прекрасная девушка, подобная солнцу и луне» [Бачаева, 2016: 86].

Устойчивые словосочетания с лексемой *нарн* с соответствующей цветовой характеристикой определяют время: *өрүн улавр нарнь* ‘утреннее красноватое солнце’, *өрин улавр шар нарнь* ‘предраассветное зарево’, букв. ‘предраассветное красновато-желтое солнце’, *үдин шар нарн* ‘полуденное солнце’, *үдин тамбл шар нарнь* ‘полуденное желтое солнце’, *шарh нарнь* ‘знойное, полуденное солнце, букв. ‘соловое солнце или белое солнце’.

Лексема *нарн* ‘солнце’ употребляется в текстах малых жанров фольклора (пословицах, поговорках, загадках), в которых акцентируется исключительный статус единственной звезды Солнечной системы, дающей жизнь всему живому: *Орчлң нарар гегардг, күн медрлар гегардг*. ‘Вселенная освещается солнцем, а человек – знаниями’; *Нүүх одн олн болв чигн, нарна*

герл хааж чадш уга. ‘Хоть и много на небе звезд, но они не заслонят сияние солнца’; *Хар үүлн нар халхлэж чадх уга, ханцарн сар халхлэж чадх уга.* ‘Черным тучам не закрыть солнце, рукавом не заслонить луну’ [Тодаева, 2007: 159–160].

Как отмечалось выше, солнце в языковой картине мира монголов имеет практическую ценность. Ментальные представления об астрономических знаниях находят отражение в малых жанрах устного народного творчества, которые репрезентируются ключевыми словами: *Нарн уга зун – зун биш.* ‘Лето без солнца – не лето’; *Нарна нилчиг тоолж болиго, назрин оруг барж болиго.* ‘Блага солнца не счесть – богатства земли не исчерпать’; *Нарн харвл, сан өдр, гесн цадвл, кишг өдр.* ‘Взошло солнце – хороший день, сыт – счастливый день’; *Үүлнэс харсн нарн хури, үгчрхг экнрин келн хури.* ‘Солнце, выглянувшее из-за облаков, жгучее – язык болтливой женщины острый’; *Хурин хөөтк нарн күчр, худлын хөөтк ичр күчр.* ‘После дождя солнце жгуче – после лжи стыд жгуч’ [Тодаева, 2007: 160–161].

Солнце в текстах пословиц выступает в качестве некоего мерила, критерием оценки явлений, действий, поступков человека, где подчеркивается особое его значение – *нарна нилчиг тоолж болиго* ‘заслуги солнца не переоценить’. Как вселенная освещается солнцем, так и позитивные качества украшают человека, который, подобно солнцу, дарит радость всем вокруг: *Наадн уга күмн уга, нарн уга орчлң уга.* ‘Без шутки нет человека – без солнца нет вселенной’; *Нарта орчлң сээхн, наадта күмн сээхн.* ‘Красива вселенная, освещенная солнцем – прекрасен человек веселый и шутливый’ [Тодаева, 2007: 152].

Солнце символизирует движение, цикличность, знаменуя собой, что мир не стоит на месте, после заката всегда наступает рассвет, после ночи – утро. Так и в жизни человека: после горестей приходит радость, после падений бывают взлеты. В природных процессах кочевник видел законы бытия, его принципы, философию, и, преосмысливая свои наблюдения и

размышления, фиксировал их в народной паремии, отражавшей систему жизненных ценностей этноса: *Эндрк нарн маңһдур чигн һарх*. ‘Сегодняшнее солнце взойдет и завтра’ [Тодаева, 2007: 211], то есть как бы ни было плохо, наступит новый день, и жизнь продолжится; *Хаврин цаг ирх, халун нарн ээврлх*. ‘Наступит весна – пригреет солнце’ [Тодаева, 2007: 214]; эквивалентом известного выражения «найти свое место под солнцем» является пословица *Нанас цааһур, нарнас нааһур*. ‘букв. От меня подальше – к солнцу поближе’ [Тодаева, 2007: 214], а, чтобы обрести правильное место в жизни, чтобы все задуманное воплотилось, необходимо прилагать усилия, иначе результата не будет: *Буру халэсн эргд нарни герл тусдг уга*. ‘На берег, обращенный к северу, солнечные лучи не падают’ [Тодаева, 2007: 160]; пословица *Өрүни нарн нарн биш, өсхин жүрһл жүрһл биш*. ‘Утреннее солнце – еще не солнце, счастье юности – еще не все счастье’ [Тодаева, 2007: 168] о периодичности жизни, в частности о ее начале, дарующем радость (антитеза *утреннее солнце – счастье юности*), предполагающем взросление.

Климат в языке характеризуется пределами видимости солнца на небосклоне. Как отмечалось выше, если солнце светит мягко, то день (погода) будет хорошим. Если солнце жгло, то калмыки обычно прогнозировали *хур орн гижэна* ‘вероятно, пойдет дождь’. Погода, климат местности зависит от многих факторов. Народные наблюдения за метеорологическими и астрономическими явлениями сформировали у монгольских народов свое объяснение погодно-климатических условий.

Центральноазиатский регион отличается резко континентальным климатом, характеризующимся ощутимыми перепадами дневной и ночной температур и скудными осадками. Зависимые от погоды скотоводы-кочевники внимательно следили за ней, весь день наблюдая за ходом солнца. Особенно важен был момент его захода: красное зарево заката обещало на завтра ветреный день.

В языковой картине мира калмыков *солнце* всегда знаменовало покой, благополучие, а временные трудности олицетворяли тучи, закрывавшие светило: *Үүлн эрлвл нар олж үздг, өшэтн эрлвл сгэхниг олж үздг*. ‘Когда рассеиваются тучи, появляется солнце’ [Тодаева, 2007: 318]; *Нариг үүлн халхлад бггж чадх уга, үнниг худл дарад бггж чадх уга* ‘Туча ненадолго заслонит солнце – ложь ненадолго скроет правду’ [Тодаева, 2007: 406]. Метеоним *туча*, временная в своем природном проявлении и олицетворяющая холод, и астроним *солнце*, вечное и согревающее по своей животворной сущности, вступают в отношения противопоставления, образно демонстрируя законы жизни мира кочевника.

Интересна визуальная характеристика солнца в текстах калмыцких загадок, где *нарн* ‘солнце’ представляется в различных формах, при этом всегда имеет небольшой размер. Например, по форме его сравнивают с круглыми краями пиалы, по размеру оно бывает величиной с альчик, ладонь, платок, и при этом всегда символизирует тепло, богатство, изобилие: *Ааһин чинэн зальд, хамг эмтн көлчгж* ‘У огня величиной с чашу греются все люди’ [Тодаева, 2007: 713]; *Альхн чинэн альчур ээл болһнд гүүж* ‘Платок размером с ладонь обежал всех соседей’ [Тодаева, 2007: 711]; *Шаһан чинэн тоснд хамг эмтн шандһж* ‘Все люди объелись маслом величиной с альчик’ [Тодаева, 2007: 712].

Жизнь монголоязычных народов-скотоводов неразрывно связана с местной фауной. Не удивительно, что при художественном переосмыслении в фольклоре астроним *солнце* обозначался зоонимом или орнитонимом. В исследованиях по фольклорным текстам приводится такой ассоциативный ряд: *агт мөрн* ‘конь-рысак’, *улан һалзн бух* ‘красно-лысый бык’, *итлг* ‘сокол балобан’. Загадки: *Һаза – агт мөрн, герт – арһмжсин үзүр* ‘На улице – конь-рысак, а в юрте – конец веревки (солнце и его лучи)’; *Өрүн өрүһәр урһх үзггс улан һалзн бух ирж* ‘Ранним утром со стороны востока пришел (явился) красно-лысый бык (солнце)’; *Иргәр итлг орж* ‘Через нижнюю часть юрты

проник **сокол-балабан** (солнце, проникающее в юрту)’ [Тодаева, 2007: 712-713].

Наименования небесных тел встречаются не только в фольклорных источниках, но и в калмыцкой художественной литературе, обнаруживая национальный компонент в структуре творческой языковой личности как носителя этнического миропонимания.

В сказке-поэме с мифологическим сюжетом «Сар-Герл» Д.Н. Кугультинова *солнце* представлено как символ вечности, с которым связано все живое на земле: *Кесг миңһн жилд / Көндө теңгрин аһуд / Һанцхарн мандлсн Нарн / Һазр дулалж хээрлв* [Көглтин Дава, 1964: 4]. ‘На протяжении многих тысячелетий / В бесконечном пространстве неба / Одно (только) величественное солнце / Одарило землю теплом’ – *пер. авт*).

В архаичных религиозно-мифологических системах разных народов мира существует так называемый «мотив небесной свадьбы» Солнца и Луны, обычно Солнце олицетворяет мужчину, а Луна – женщину. В поэме Д.Н. Кугультинова «Сар-Герл» (букв. Лунный Свет – имя девушки) данный сюжет обыгран по-своему. *Һанцхн нарн* ‘одинокое солнце’, увидев красавицу, желает соединить с ней судьбу и забрать ее к себе, разлучив с любимым. Творчеству калмыцкого поэта в целом присуща философичность, глубокая по смыслу. В поэме Солнце – отрицательный персонаж, великий во всем, в том числе и в эгоизме: *Бум сайиг дулалдг / Бийд хоршсн һал / Элдү ик болвчн / Эзэн дулалдго бээж* [Көглтин Дава, 1964: 6]. ‘Оказывается, огонь, бушующий внутри, / Как бы он ни был велик, / Не может согреть самого себя’.

В текст поэмы-сказки вплетено описание обряда поклонения божеству: так, Герел при разговоре с Солнцем обращается к нему со словами *хээрлгч аав* ‘всемиловитейший отец’, *мандлгсн сээхн нарн* ‘сияющее прекрасное Солнце’, *тоомсрта, күндтә нарн* ‘уважаемое почитаемое Солнце’, *евәгч алдр Нарн* ‘покровительствующее славное Солнце’.

Итак, анализ ЛСП «Солнце» (66) показал, что для кочевых монголоязычных народов светило имело как большое практическое, так и мистическое значение. Наблюдения над сочетаемостью астронома выявили закономерность: *paran/ narn* в сочетании с именами прилагательными образуются номинации высокой степени жары, характерной для климата ареала обитания номадов: *хурц нарн* '(букв. острое) палящее солнце', *шачах нарн* 'испепеляющая жара (букв. солнце)', *өндр нарн* 'высокое (в зените) солнце'. Данные словосочетания фиксировали солярные приметы природных явлений: по цветовой характеристике солнца прогнозировали погоду: прилагательные *шар* 'желтое', *шарһ алтн* 'золотисто-соловое', *алтн* 'золотое' в сочетании с *paran / narn* 'солнце' предвещали ясный день, *улан* 'красное' – непогоду, ветреность, пыльную бурю.

Лингвокультурологический аспект анализа позволил сделать следующие наблюдения: являясь пространственным ориентиром относительно сторон света, номады определяли время по восходу/закату, углу падения солнечного луча.

Визуальная характеристика *солнца* этнически маркирована и всегда имеет небольшой размер, символизируя тепло, богатство, изобилие: *величиной с альчик, ладонь, платок*.

Народное творческое сознание кочевника, включенного в природу во всех сферах жизни, закономерно породило ассоциации *солнца* с животными и птицами. Отсюда в разных жанрах фольклора монгольских народов фигурируют зоонимы и орнитонимы: *агт мөрн* 'конь-рысак', *улан һалзн бух* 'красно-лысый бык', *итлг* 'сокол-балобан'.

В языковой картине мира кочевых монгольских народов *солнце* всегда являлось покровителем всего живого, источником тепла, изобилия, знаменовало покой, благополучие, а временные трудности олицетворяли тучи, закрывавшие светило.

3.2. Луна

Луна – небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным солнечным светом [<https://kartaslov.ru/>].

Sara ‘луна’

Значения: письм.-монг. *sar-a, sara* ‘месяц, луна’ [Лессинг, 1960: 674]; даг. *sar*, дунс., мнгр. *sara*, бао. *sarэ* ‘месяц, луна’ [ЭСМЯ, 2018: 90]; монг. *sar(an)* ‘луна, месяц’ [БАМРС III, 2001: 93]; ойр. *sara (sara)* ‘луна; месяц’ [Годаева, 2001: 288]; бур. *hara* ‘месяц, луна’ [БРС II, 2008: 550]; стп.-калм. *sar*^д ‘луна, месяцы’ [Рамстедт, 1935: 313]; стп.-калм. *sara* ‘месяц, луна’ [Позднеев, 1911: 148]; калм. *sar* ‘луна; месяц’ [КРС, 1977: 441].

Наименования космических объектов отражают путь познания Вселенной человеком, а также свидетельствуют о том, как люди в древности представляли картину мироздания и использовали звездное небо для ориентации во времени и пространстве, для определения относительного и точного времени, для прогнозирования погоды, что было немаловажным фактором для кочевых этносов, основным родом деятельности которых было скотоводство.

Луна как небесное тело, освещающее Вселенную в темное время суток, также определяла жизненный уклад монгольских народов.

Летоисчисление велось также по лунному циклу, поэтому любое значимое событие в жизни монгольских народов было связано с лунным календарем, отражающим фазы Луны. Ежедневное наблюдение за Луной сформировало у кочевников четкое представление о фазах Луны, по которым прогнозировали погоду. Различали четыре основные её фазы: растущая (новая) Луна, половина Луны, полная Луна и убывающая Луна.

Новолуние – монг. *шинэ сар / сарын шинэ* ‘новолуние’, *сар гарах* ‘начало новолуния; восход Луны’, *сар хавислах* ‘Луна в первые два-три дня новолуния; Луна имеет серпообразный вид’ [БАМРС III, 2001: 93]; бур. *шэнэ хара, харын шэнэ* ‘молодой месяц, новолуние’; *шэнэ хара гараха* ‘начало

новолуния' [БРС II, 2008: 550]; калм. *шин сар* 'букв. новая Луна', *урһсн сар*, 'букв. растущая Луна' [НККЯ].

После наступления новолуния кочевники ожидали перемены погоды. Положение Луны определяло погоду на завтра. Согласно полевым материалам, на второй день новолуния, если Луна появляется острыми концами вверх (народн. «рожками вверх так, что можно подвесить ведро»), то это предзнаменовало дождь. Если Луна появляется боком (народн. «ведро невозможно подвесить»), то дождя не будет [ПМА].

Лексические обозначения **половины Луны**: монг. *заримдаг сар* 'полумесяц', *хавирган сар* 'серп луны; лунный серп; полумесяц', *хэлтгий сар* 'полумесяц' [БАМРС III, 2001: 93]; бур. *хахад (ши хэлтэгы) хара* 'полумесяц; лунный серп' [БРС II, 2008: 550]; калм. *өрэл сар* 'половина луны' [НККЯ].

Лексические обозначения **полнолуния**: монг. *арван тавны сар / тэргэл сар* 'полнолуние', *сар дүгрэг / сар төгрөг* 'полнолуние' [БАМРС III, 2001: 93]; ойр. *тергел сара* 'полнолуние', *дүүрең сара* 'полная луна', *арван тавни сара* 'полная луна', *делгер сара* 'полная луна' [Годаева, 2001]; бур. *арбан табанай хара*, *тэргэд хара* 'полнолуние' [БРС II, 2008: 550]; калм. *арвн тавна сар* 'букв. месяц пятнадцатого числа', *күцц сар* 'букв. полная луна (месяц)', *делгр сар* 'букв. широкая луна (месяц)', *төгрг сар* 'полная луна' [НККЯ]. Наступление полнолуния также предвещало перемену погоды к похолоданию.

Лексические обозначения **убывающей Луны**: монг. *сар барагдах* 'ущерб луны, месяц на исходе' [БАМРС III, 2001: 93], калм. *хуучн сар* 'старый (убывающий) месяц', *сарин хуучн* 'старый месяц', *өңгрсн сар* 'букв. убывающий месяц'.

Растущая Луна была *нэрхн хавсн мет* 'подобно тонкому ребру', на восьмой день, наполняясь, Луна становилась *төгргин өрэл* 'половиной круга', на пятнадцатый день Луна наполнялась и становилась *ааһиң төгрг* 'круглой, подобно окружности пиалы', на тридцатый Луна *хасгдна*, *баһрна*

‘уменьшается’.

Культ Луны играет важную роль в материальной и духовной культуре калмыков. В 8-й, 15-й, 30-й день по лунному календарю традиционно постятся. В эти дни все верующие зажигают лампадки, крутят четки, молятся, совершают подношения божествам и предкам. Считается, что результат от любого благого или неблагого совершенного деяния в эти дни увеличивается в тысячу раз. Любое значимое событие (женитьба, стройка жилья, стрижка овец и т.д.) благоприятно начинать в период растущей Луны для успешного завершения: калм. *сарин сээһинь секэд, өдрин сээһинь бэрэд* ‘выбрав благоприятный день по лунному календарю’.

Дневное и ночное светила нашли отражение и в устном народном творчестве. Астральная пара *нарн-сар* ‘солнце-луна’ часто противопоставляется, например: *Сар сарул болв чигн өдрлэ адл болхи.* ‘Хоть луна и светла, но ей не сравниться с днем’, *Нарн угад сар чигн герл болдг.* ‘При отсутствии солнца и луна служит освещением’ [Тодаева, 2007: 159–160].

Небесные тела как источники света имели свою градацию: лунный свет не сравнится с солнечным; свет многочисленных звезд, не осветит землю так, как луна. Эти моменты отражены в фольклоре: *Оһтһуд одн олн болв чигн шар нарнла эдлүдг уга.* ‘Хоть звезд много на небе, но не сравниться им с солнцем’; *Одн олн болв чигн, сарин герл давуһар герлтдг.* ‘Хоть звезд много, но лунный свет ярче их’; *Одн олн болв чигн, сарин герл үлү бээнэ.* ‘Хотя и много звезд, но свет луны ярче’; – *Орчлнд юн сээһмб? – Сар сээһн, сарас нарн сээһн* ‘– Что в мире самое красивое? – Луна, но солнце краше луны’ [Тодаева, 2007: 159-161].

Смене фаз луны придавалось магическое значение, что также нашло отражение в фольклоре: *Нарн үрглэжд герл һардг, сар – арвн тавнас авн хасгддг.* ‘Солнце светит постоянно, луна – с пятнадцатого числа месяца убывает’ [Тодаева, 2007: 160].

Величие и недостигаемость Солнца и Луны послужили аналогией для жизненных ситуаций, связанных с постановкой и достижением нереальных целей: *Сард күрдг күлг уга, нарнд күрдг ухан уга*. ‘Нет такого коня, чтобы можно было достигнуть Луны – нет такого разума, чтобы можно было достигнуть Солнца’ [Тодаева, 2007: 161].

О естественных природных процессах, которые, как и закономерности жизни, непререкаемы (всему свое время), говорится в пословице: *Нарн харвл, өдр гидг, сар дегдвл, сө гидг*. ‘Взойдет солнце – день, поднимется луна – ночь’ [Тодаева, 2007: 210].

У монголоязычных народов существует множество легенд, преданий о небесных телах, в том числе о Луне. Луна всегда сопоставлялась с Солнцем.

Самая известная из легенд рассказывает о чудовище Арахе, объясняющей мифическое происхождение солнечных и лунных затмений.

За свои деяния Араха был наказан богом и рассечен скипетром на две части. Нижняя половина чудовища ушла в землю, отчего появились болезни, пресмыкающиеся, насекомые. Верхняя же часть была поймана богами и прикована к Луне. Араха мстит Солнцу и Луне, время от времени заглатывая их, но светила быстро освобождаются, потому что у Арахи нет нижней половины. Так происходят лунные и солнечные затмения.

О происхождении пятен на Луне повествует другая легенда – о лунном зайце: некогда душа Бурхана Шакджимуни (Будды Шакьямуни) пребывала в теле зайца. И этот заяц, проникшись состраданием, спас умирающего с голоду странника, добровольно отдав себя на съедение. В память об этом событии на Луне появилось изображение зайца [Басаев, 2004: 48].

Луна как астрономический объект транслирует номаду информацию о погодно-климатических явлениях, которые тот фиксирует в сознании как приметы, используемые в паремии для аналогии: калм. *Сар хотлвл киитн болхин темдг, санан икдвл аюл болхин темдг*. ‘Если стоит полнолуние – это

признак прохладной погоды, если человек становится высокомерным – это признак опасности’ [Тодаева, 2007: 543].

Важна роль поэтического образа Луны в репрезентации окружающего мира. Эти художественные образы всегда имеют положительную семантику. Луна как поэтический образ в художественных произведениях, символизирует завершенность, полноту действия, красоту, самодостаточность и т.д. Особенно ярко это выражено в текстах героического эпоса «Джангар», где с Луной сравнивают самого богдо Джангара и луноликих красавиц: *Дуурц нарх арвн тавна / Сар мет мандлад суув* ‘Восседал, подобно полной луне пятнадцатого дня лунного месяца ’ (о Джангаре); *сар нарн зурлхта* ‘подобно очертаниям луны и солнца’, *нарн сар мет сээхн күүкн* ‘подобна солнцу и луне прекрасная девушка’ [Бачаева, 2016: 86].

Интересны визуальные характеристики луны в фольклорных текстах монголов, где *сар* ‘луна’ сопровождается множеством поэтических названий: бур. *далайгас төрсон* ‘из моря родившаяся’, *далай баясгагч* ‘доставляющая радость морю’, *далайн шине тос* ‘свежее морское масло’ [Содномпилова 2010], калм. *арвн тавна сарнь ааһ_мет төгрэ* ‘луна пятнадцатого дня месяца кругла, как обод пиалы’, *алтн сар* ‘золотая луна’: *Асхн бүрүл тасрхла, алтн сарнь шована* ‘Когда угасают вечерние сумерки, восходит **золотая (полная) луна**’ [НККЯ].

В поэтических описаниях Луны (например, в загадках), подчеркивается ее небольшой размер: калм. *половина лепешки и кренделя* (в зависимости от фазы); *величиной с серебряную чашу*, а отражение лунного луча на предмете сравнивается с *серебряными монетами*: *Өрк деер өдмгин өрэл* ‘Над дымником юрты полбуханки хлеба (луна)’; *Өрк деер өрэл целвг* ‘Над дымоходом юрты половина лепешки (луна)’; *Тотх деер тоишин өрэл* ‘На косяке двери юрты половина кренделя (полумесяц)’; *Мөсн деер мөңгн ааһ* ‘На льду серебряная чаша (луна)’; *Дер деер деншиг* ‘На подушке денежка (отражение лунного луча)’ [Тодаева, 2007: 713–714].

Часто в загадках Луну сравнивают с домашними животными: *ицгн* ‘верблюдица’, *улан хуц* ‘красный баран’: калм. *Мек-тек буур мэкр-мэкр ицгтэ, тооли уга тормта, тосхаиш уга өргэтэ* ‘У спокойного верблюда-самца тихая, смиренная верблюдица, бесчисленное количество верблюжат и дворец, что нельзя сотворить (соорудить) (Солнце, Луна, звезды на небе)’; *Миңһн хөн митр-митр гижэ, мини улан хуц хотр-хотр гижэ* ‘Тысяча овец идут, переваливаясь с ноги на ногу, а мой красный баран шагает размеренно, неторопливо (Луна, звезды)’ [Тодаева, 2007: 712–714].

Наименования небесных тел встречаются и в литературно-художественных произведениях авторов, создавая наряду с другими национальными лексемами особенный, этнокультурный колорит текста.

В монгольской художественной литературе в качестве метафоры света луны используются названия драгоценных камней: *хаиш* ‘нефрит’, *болор* ‘хрусталь’, *сүвд* ‘жемчуг’. Как отмечает Л.Г. Скородумова, «перечисленные эпитеты характерны для всей монгольской литературы» [Скородумова, 2014: 56].

Итак, анализ ЛСП «Луна» (29) показал, что астроним *сар* ‘луна’ является важным природным объектом для монгольских народов, который влиял на их жизненный уклад, при этом значение астронима *сар* во всех рассматриваемых языках совпадает, имея уточненные номинации-астронимы ночного небесного тела с учетом важных дляномада четырех фаз Луны: растущая Луна (калм. *нэрхн хавсн мет* ‘подобно тонкому ребру’), половина Луны (монг. *заримдаг сар* ‘полумесяц’), полная (монг. *арван тавны сар / тэргэл сар* ‘полнолуние’) и убывающая (калм. *хуучн сар* ‘старый (убывающий) месяц’). Наблюдения за положением Луны помогали кочевникам прогнозировать погоду: после новолуния ждали перемены погоды, полнолуние предвещало похолодание и т.п.

Луна как астрономический объект транслирует номаду информацию о погодно-климатических явлениях, которые тот фиксирует в сознании как

приметы, используемые в паремии для аналогии (калм. *Сар хотвл киитн болхин темдг, санан икдвл аюл болхин темдг*. ‘Если стоит полнолуние – это признак прохладной погоды, если человек становится высокомерным – это признак опасности’). Интересными являются визуальные характеристики Луны: *далайгас төрсон* ‘из моря родившаяся’, *далай баясгагч* ‘доставляющая радость морю’ и др.

Луна играет важную роль в материальной и духовной жизни монгольских народов, которые любые значимые начинания планировали согласно лунному календарю, и является символом завершенности, красоты, цикличности.

3.3. Небо, звезды

Вечное Синее Небо (Мунх Хух Тенгри) было главным объектом поклонения древних монголов. Для кочевников Небо было верховным божеством, источником жизни и олицетворением сил природы.

***Tngri* ‘небо; тенгри (божество, небожитель)’**

Небо – видимое над Землей воздушное пространство в форме свода, купола. **Звезда** – небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *tngri* ‘небо; тенгри (божество, небожитель)’ [ЭСМЯ, 2018: 165], *тңри* ‘небо видимое и невидимое (божество); дух, гений (добрый и злой, земной и небесный)’ [Голстунский III, 1938: 106]; даг. *тэнгэр*, мнгр. *теңгери* ‘небо; тенгри (божество, небожитель)’ [ЭСМЯ, 2018: 165]; стп.-калм. *teңgr* ‘небеса, небесные боги, Бог’ [Рамстедт, 1935: 392], *tenggeri* ‘небо, небожитель’ [Позднеев, 1911: 188]; монг. *тэнгэр* ‘небо, небеса, небесный свод; гром; погода; бог, гений, божество, небожитель’ [БАМРС II, 2001: 288]; ойр. *теңгер (теңгери)* ‘небо, небеса, небесный свод; гром, раскаты грома’ [Тодаева, 2001: 323]; бур. *тэнгэри* ‘небо, небеса’ [БРС

II, 2008: 277]; калм. *теңгр* ‘небо, небеса; погода’ [КРС 1977: 493]. Др.-тюрк. *tngri* ‘небо; небожитель’ [ЭСМЯ, 2018: 165].

Данная лексема встречается и в тюркских языках, ср. сюг., к.-калп., кирг., куманд. *teñir*; каз. *täñir/ teñir/ täjir*; хак. *tigir*; тув. *deñger/ dēr*. В современном казахском и каракалпакском языках это слово имеет значение ‘бог’, а в других указанных выше языках – ‘небо’. Из первоначальной архаичной формы *teñir* в результате присоединения аффикса принадлежности возник вариант *teñri*. Форма с конечным гласным присутствует почти во всех регионах тюркских языков. В ряде языков параллельно употребляются два варианта. Лексема *teñir* этимологизируется как образование от пратюркского глагола **teñ-* «возвышаться, подниматься, взлетать» присоединением аффикса «деятеля» *-ir*, что в совокупности дает имя существительное со значением «то, что поднимается, возвышается наверху над человеком» [Татаринцев, 1984: 80].

Этимология понятия *небо* неоднозначна: существует множество гипотез относительно происхождения слова *tengri* на тюркской или монгольской почве. Данный термин древний по происхождению, принадлежит тюркским языкам. Возник в эпоху тенгрианства, связан с понятием *небо-божество* и поклонением Небу.

В монгольских языках лексема *тэнгэр/теңгр* используется в значениях ‘небо, небеса’, ‘гром’, ‘погода’, ‘небо-божество’.

Лексема в значении ‘небо, небеса’ образует:

– **именные** распространенные номинации, характеризующие небо: монг. *хөх тэнгэр* ‘синее небо’, *мөнх хөх тэнгэр* ‘вечное синее небо’ [БАМРС II, 2001: 288]; ойр. *көке теңгер* ‘синее небо’ [Тодаева, 2001: 323]; калм. *көк теңгр* ‘голубое небо’, *мөңк көк теңгр* ‘вечное синее небо’, *ил теңгр* ‘открытое небо’, *цевр теңгр* ‘чистое, безоблачное небо’ [НККЯ];

– **предикативные сочетания (с глаголом)**: монг. *тэнгэр бүрхэв* ‘небо покрылось, заволочлось облаками’; *тэнгэр бүүдгэр* ‘слегка облачный (о

небе)'; *тэнгэр сэвтэх* 'покрываться мелкими облаками (о небе)', *тэнгэр бүүдийх* 'слегка покрываться облаками', *тэнгэр үүлших* 'покрываться облаками (о небе)', *тэнгэр харанхуй / тэнгэр бүрхэг* 'сплошь покрытый облаками, облачный' [БАМРС II, 2001: 288]; калм. *теңгр бүркгдв* 'небо покрылось (заволокло) облаками' [КРС, 1977: 493].

Значение 'гром' вербализуется в следующих словосочетаниях: стп.-калм. *тенгериин дуу гарху* 'гремять (о громе)' [Позднеев, 1911, 188], монг. *тэнгэр дуугарах* 'гремять (о громе)', *тэнгэр ниргэх* 'ударять (о молнии), гремять (о громе); удар молнии, удар грома', *тэнгэр тачигнана / тэнгэр тачигнана* 'гремят сильный гром' [БАМРС II, 2001: 288]; калм. *теңгр ду харна* 'гремят гром', *тенгр тачкнна* 'гремят сильный гром', *теңгр хээрлһн* 'удар молнии' [НККЯ].

Лексема, обозначающая *небо* в монгольских языках, характеризует погоду (ясную, хорошую, ненастную, ветреную) и образует:

– **именные** словосочетания: монг. *тэнгэр сайхан* 'безоблачное небо; ясная погода', *тэнгэр цэлмэг* 'безоблачное небо, ясная погода' [БАМРС II, 2001: 288]; калм. *теңгр сгэхн* 'небо безоблачное, ясная погода' [НККЯ];

– **предикативные сочетания** (с глаголом): *тэнгэр арилах / тэнгэр онгойх* 'прекращаться (о дожде), очищаться от туч; проясняться (о небе), рассеиваться (о тучах, дожде); устанавливаться (о хорошей погоде)'; *тэнгэр бүүдийв* 'небо стало пасмурным', *тэнгэр задрах* 'наступление ненастья (осенью); лить (о дожде)', *тэнгэр муухайрах / тэнгэр муухай аашлах* 'хмуриться (о небе), подниматься (о сильном ветре)', *тэнгэр хуйсганах* 'подниматься (о сильном ветре)', *тэнгэр цэлмэх* 'проясняться, становится безоблачным', *тэнгэр дулаарав* 'устанавливается тёплая погода', *тэнгэр хүйтрэх* 'становится холодным, холодеть' [БАМРС II, 2001: 288]; калм. *теңгр киитржэнэ* 'холодает', *теңгр харлж одв* 'небо почернело' [НККЯ].

Лексема *тэнгэр* используется в значении 'бог; гений; божество, небожитель (небо как божество)': монг. *мөнх хөх тэнгэр* 'вечно синее небо

(предмет поклонения монголов)', *тэнгэр тахих* 'поклоняться небу, приносить жертвоприношения небу', *богд тэнгэр* 'святой тэнгри (эпитет Хурмусты)'; *бурхан тэнгэр* 'боги'; *газрын тэнгэр* 'божество земли'; *ерэн есөн тэнгэр* 'девяносто девять тэнгри 'божественных существ, из коих 44 живут на востоке и почитаются злыми, а 55 на западе и считаются добрыми', *муу зүгийн тэнгэр* 'злой гений', *сайн зүгийн тэнгэр* 'добрый гений', *усан тэнгэр* 'божество воды, гений вод', *хурмаст тэнгэр* 'главное божество Хурмушта', *эрхэт тэнгэр* 'могущественный тэнгри' [БАМРС II, 2001: 288].

Монгольские народы по состоянию неба прогнозировали погоду: так, чистое, безоблачное небо – предвестник ясной погоды. Примеры: *Нег чигн үүлн уга цевр теңгр эндр чилгр өдр болх гисн санаһим батлв.* [НККЯ. Н. Илюмжинов]. 'Нет ни одного облака, небо чистое, подтвердилась моя мысль, что сегодня будет ясная погода'; *Теңгр ода деерэн цевр, чилгр билэ, зуг ханцхн торһа шовун тенд эврәннь йиринэ дууһан дуулжэ жүргснь соңсгдна* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. 'Небо было ясное и чистое, только было слышно, как жаворонок поет свою песню'.

Существует ряд эпитетов с сакральной коннотацией и теонимами (божественными именами неба): калм. *көк мөңк теңгр* 'вечное синее небо', *хан теңгр* 'владыка-небо', *теңгр бурхн* 'бог, небо божество', *өргн көк* 'необъятное синее', *һучн һурвн теңгр* '33 неба'.

Восприятие неба как божества (*теңгр-бурхн* 'небо бог, божество') определяло мировоззрение кочевников и соответственно мировосприятие.

В представлении монгольских народов *небо* могло быть *помогающим*, к которому можно было обратиться за помощью и справедливостью, а также *всевидящим*, *карающим* божеством, вершащим суд над согрешившими.

Значение *помогающее божество* зафиксировано в устойчивых выражениях *теңгр халэх* 'бог поможет', *теңгр кишг заяна* 'небо-божество дарует счастье', *теңгр өршэнэ* 'небо помилует', *теңгр байн, күн кишгтэ* 'небо щедрое, человек счастлив': *Тенсиг теңгр өршэнэ*. 'К заблудшему и

небеса милостивы'; *Теңгэс сурхла, гесн бүлтэдг, күүнэс сурхла, нүдн бүлтэдг*. 'У неба просить – быть с полным желудком, у людей просить – быть голодным (остаться ни с чем)'; *Теңгрин өгснэс өгэд угань ик болх*. 'У неба есть много того, что еще может дать' [Тодаева, 2007: 154–157]. Так, кочевники верили, что небо может наделить человека такими способностями, как ясновидение, целительство, что отразилось в устойчивом понятии *теңгр бурхна билг* 'особый дар неба-божества', ниспосланный свыше. Таким даром наделялся не каждый: *Бээнэ чамд Теңгр-бурхна билг*. 'Есть у тебя дар Неба-божества' [НККЯ, Н. Илюмжинов]. Довольно частотны в монгольских языках устойчивые выражения, выражающие просьбу о помиловании, снисхождении, защите, покровительстве: *теңгр өршэтхэ!* 'пусть бог смиростивится'; *теңгр евэтхэ!* 'пусть бог покровительствует', *теңгр хээрлтхэ!* 'пусть бог помилует!': *Хээрхн, килництэ мадниг теңгр хээрлтхэ!* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. 'О господи, грешных нас пусть небо помилует!'

Семантика *всевидящее божество* закрепилось в выражениях *теңгр нүдтэ* 'букв. небо имеет глаза; все видит', *теңгрт нүдн бээнэ* 'небо все видит', *теңгр соңсна* 'небо-божество слышит': *Теңгр нүдтэ болхла, тедн хэрү ирх!* [НККЯ, К. Эрендженев]. 'Если небо все видит, то они вернутся'; *Теңгр нүдтэ гидг, өгхэр седсндэн өгдг* [НККЯ]. 'Небо все видит, кому хочет, тому и дает'; *Теңгр маниг соңсад йовжэгл!* [НККЯ]. 'Бог, оказывается, нас все время слышал'.

Ипостась *карающего* божества обнаруживается в устойчивых выражениях *теңгр цокг* 'пусть меня покарает небо, пусть меня ударит молния', *теңгр цокна гидг эн* 'вот и настала расплата', *теңгр шоодна* 'небо-божество наказывает', *теңгр таасдмн биш* 'небу-божеству не понравится': *Теңгр цокг, тиим юмн бээдвн?* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. 'Разрази меня гром, разве может быть такое?'; *Теңгр хэлэсэн хэлэдг, шоодсан шооддг* [НККЯ, Н. Илюмжинов]. 'Небо к кому милостиво – поможет, а к кому

немилоостиво – накажет’; *Таардг уга йовдлд теңгр бас уурлна* [НККЯ. К. Эрендженев]. ‘Неугодные поступки и **небесам не по нраву**’.

Вера в могущество Неба, вершащего судьбу, помогала кочевнику выживать, смиренно принимая испытания, посылаемые свыше: *Маңһдур юн болхиг маңһдурк теңгр медг*. ‘То, что будет завтра, во власти неба’; *Ку заяси теңгр күмс чигн заядг*. ‘Если бог создал человека, бог дает и пищу’ [Тодаева, 2007: 156].

Проявление эмоций сдержанные кочевники также оценивали в связи с *небом*. Состояние переполняющей, большой радости характеризовалось так: *теңгрт һаран күргх* ‘букв. дотянуться руками до неба; быть на седьмом небе, радоваться безмерно’, то есть чем ближе к небу, тем счастливее. Чрезмерная похвала ограничивалась небом: *теңгрт күргэд магтх* ‘превозносить до небес, чрезмерно хвалить’ [ФСКЯ, 1990: 87–88]. Для осуждения высокомерия, гордыни в народе говорили *оһтһу цумрж одх бәэдлтә* ‘небо разверзнется’: Негл таниг угаһар орчлц деерк **оһтһу цумрж одх бәэдлтә!** [НККЯ, Н. Эрендженев]. ‘Будто без вас **небо разверзнется**’ Именно Небо призывалось в свидетели, если человек давал клятву, обещание, заверение: **Теңгр цокг**, темән девсг, чамас талдан күн нанд уга [НККЯ, К. Эрендженев]. ‘**Да покарает небо**, да лягнет верблюд, кроме тебя у меня никого нет’.

Люди старались накопить благие деяния, чтобы избежать божественной кары: *Му йовдл (килци) һарһад, килциән үүрэд йовси күүг Теңгр таасдмн биш* [НККЯ]. ‘Бог не любит человека, который совершает плохие поступки, берет на себя много грехов’; «*Манд теңгр кишиг заяв, тадниг теңгр шоодж, тадн маднд заргдэж көлсән эдлх улст*» *гидг билә* [НККЯ]. ‘Говорили, нам бог даровал счастье, а вас бог наказал, поэтому вы мучаетесь и батрачите у нас’; *Теңгр нанд ик урһиц чигн, хар чидл чигн элвгәр заяж* [НККЯ]. ‘Бог меня наделил обилием урожая и большой силой’. [НККЯ].

Очень часто кочевники олицетворяли небесные тела и естественные природные процессы, обнаруживая их взаимосвязь. Наблюдая круговорот

небесных светил в природе, кочевники одушевляли их:

Сар суух орм талан көвсн цагтан саңна, сүл делэрни оһтрһуғ ардан арчад илврдэд одсн бээдлтэ, бүркчксн цеңкр шил тэрлк болсн теңгр ца-цааһан цегэрэд, цеңкртэд зеңкрин бээдл һарад эжилмәһэд бээнә. [НККЯ].

‘Луна, когда устремляется на небосвод, будто лбом, челкой и гривой вытирает, очищает небо, которое, как помытая и перевернутая стеклянная тарелка, становилось чистым, отдавая голубизной’;

Нарн суухдан өөрдэд, сүүрэрн оһтрһу улан балмн көшгэр бүркэд, ик көндлң хар үүлн һатц халхлгадад, сүүдрмүд утдхад, эрэ ирвлзгсн сальк татад сууж йовна [НККЯ, Н. Эрендженов]. ‘Солнце близилось к закату, покрывая небо подобно ярко-красному пологу, закатывалось за большие черные тучи-тени, неся еле уловимый ветерок’.

В семантике названий небесных объектов интегрирован сложный когнитивный комплекс, связанный с пространственной и временной ориентацией, а также система представлений об их влиянии на судьбу человека, определенном временем рождения.

Как отмечает К.М. Мусаев, «наблюдая тысячелетиями, народ без инструмента обычным способом изучал небесное пространство и свои наблюдения выражал в фольклоре, создавал астрономию и распространял знания о небе и о светилах. Скотоводы, особенно коневоды и овцеводы, наблюдали не только за скотом, который они пасли, но одновременно внимательно изучали небо, небесные светила, разнообразные небесные явления, устанавливая их связь с состоянием скота, отсюда и с благополучием семьи и своего клана. Какие из созвездий или звезд и планет в какое время появляются на небосклоне – все это было важно также для пространственного и временного ориентира. Например, стадо овец поднимается летом с восходом Венеры, а с появлением звезд ложится спать и т.д. Все это находит выражение в языке» [Мусаев, 2008: 169].

Основные небесные объекты (*теңгр* ‘небо’, *нарн* ‘солнце’, *сар* ‘луна’)

одновременно и обожествлялись, и использовались в практических целях для ориентировки в пространстве и отсчета времени, прогнозирования погоды и т.д. Лексема *теңгр* 'небо' в монгольских языках использовался при характеристике сезонной погоды в сравнении с качествами человека: *үвлин теңгр* 'зимняя погода', *хаврин теңгр* 'весенняя погода', *зуни теңгр* 'летняя погода', *намрин теңгр* 'осенняя погода'. Например: *Намрин теңгр хурсг, наста күүкн бурмсг.* 'Осеннее небо дождливо, старая дева болтлива'; *Намрин теңгр хурта, медэтэ кун бурмсг.* 'Осеннее небо дождливо, престарелые люди болтливы' [Тодаева, 2007: 529]. О непредсказуемости зимней погоды калмыки говорят *Үвлин теңгр иткл уга* 'Зимняя погода непредсказуема' [Тодаева, 2007: 407].

Древние представления монгольских народов о погодных явлениях также связывались с небом: например, рождение *дождя* из *неба*, что рассматривалось как благоволение к человеку в награду за определенные заслуги. Отголоском этого представления в настоящее время является бытующая по сей день примета: начавшийся дождь – к успеху в делах. В наказание за неблагие поступки дождь может показать и свою разрушительную силу – *теңгрин аюл*. В традиционных благопожеланиях существует поэтическая константа: монг. *тэнгэрийн гайгүй* 'без стихийных бедствий', калм. *теңгрин аюл уга* '[жить] без потрясений', монг. *тэнгэрийн өвчингүй амьдрахын* '[жить] без болезней', калм. *теңгрин өвчн уга* '[жить] без болезней'.

Лексема *теңгр* 'небо' в языке часто выступает как важнейшая часть образной ассоциации: осенью – необузданная лошадь, весной – обузданная, зимой – что казак с саблей: *Намрин теңгр ногтта мөрн, хаврин теңгр хазарта мөрн* 'Осеннее небо похоже на необузданную лошадь, а весеннее небо – на обузданную'; *Үвлин теңгр үлдтэ хазг* 'Зимнее небо что казак с саблей'. Зная «сезонный характер» неба, кочевник должен быть готовым к любым ситуациям [Тодаева, 2007: 154-156].

Для представителей номадной цивилизации космические объекты выполняли функцию и геолокации, и предмета поклонения, и обожествления. Это все находило свое проявление в многочисленных образцах фольклора: фразеологизмах, крылатых фразах и других устойчивых языковых единицах.

Небо в языковой картине мира монголов многогранно. Оно не имеет границ и наделено превосходными качествами: *Аавин девлиг алхжэ эс болжэ*. ‘Дедову шубу не перешагнешь’ [Тодаева, 2007: 709]; *Көк теңгр аһарарн сэн, күүкн күн седклэрн сэн*. ‘Синее небо прекрасно чистым воздухом, а девушка прекрасна душой’ [Тодаева, 2007: 155].

Метеолексема *теңгр* в значении *погода* зафиксирована в номадной паремии: калм. *Увлин теңгр бората болдг, үүрсг күн гиичтэ болдг*. ‘Зимняя погода бывает снежной, а дружелюбный человек гостеприимным’ [Тодаева, 2007: 156], то есть природная гармония смены времен года (снежная зима обещает напоённую влагой землю весной) ассоциируется с гармонией человеческих отношений (дружелюбием и гостеприимством); *Теңгрин му эрлдг, күүнэ му эрлдг уга*. ‘Плохая погода проходит, а человеческие пороки не исчезают’ [Тодаева, 2007: 158], то есть изменчивость, непостоянство погоды противопоставлено устойчивости человеческих пороков.

Способность *неба* быть насыщено темным, то есть угрюмым, зловещим, не предвещающим ничего хорошего, создает негативные ассоциации: *Киитрх теңгрин көвэ көк, керулч күүнэ урл көк*. ‘На похолодание погоды указывает темное (синее) небо, на скандального человека – синие губы’ [Тодаева, 2007: 158].

Небо как верховное божество, в понимании монголов-кочевников, приветствует и поддерживает милостью такие качества в человеке, как терпение, смирение, умение довольствоваться малым: *Темэн йовсн замар йовх, теңгр өгсн будаг идх*. ‘Идти по следам каравана верблюдов (проторенной дорогой), довольствоваться пищей, дарованной небесами’ [Тодаева, 2007: 154]. Другой образ жизни и мышления наказуем, так как

противоречит воле Неба: *Теңгр халэж нульмхла, чирэ деер тусдг*. ‘Плюнешь вверх (букв. глядя на небо) – себе в лицо попадешь’ [Тодаева, 2007: 155].

Бурятская пословица *Күмүни дунда тенгери метү, тенгериин дунда хормуста метү*. ‘Среди людей как небожитель, среди небожителей как Хормуста’ осуждает проявление высокомерия, гордыни, то есть даже Хормуста, глава западных 55 тенгриев, среди небожителей такой же тенгриий [БНК].

Небо в творческом сознании народа является мерилем человеческих качеств: калм. *Хаха теңгр үздг уга*. ‘Свинья не видит неба’; *Худг дотрк меклә Хормст теңгр медх уга*. ‘Лягушка, что в колодце, не ведаёт, кто такой Хормуста тенгриий’, то есть человек недалекого ума не видит дальше своего носа; *Теңгрин тулг болад, хазрин хасн болад*. ‘Считать себя опорой неба и осью земли’, то есть самоуверенный человек с завышенной самооценкой считает, что он центр всех событий; *Теңгрин кишигт хагцарн күртх*. ‘Лишь только самому удостоиться милости Неба’, то есть эгоистичный, тщеславный человек думает исключительно о себе, своей выгоде; *Теңгрт темэ үзүләд, хазрт хаха үзүләд*. ‘букв. На небе показывать веблюда, на земле свинью’; *Теңгрт тор татж, хазрт хавх тэвх*. ‘На небесах плести сети, на земле ставить капканы’, то есть изображать из себя того, кем на самом деле не являешься, быть двуличным [Тодаева, 2007: 155–158].

***Odu(n)* ‘звезда’**

Звезда – небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой [<https://kartaslov.ru/>].

Значения: письм.-монг. *од(он)* ‘звезда’ [Лессинг, 1960: 600]; монг. *од(он)* ‘звезда’ [БАМРС II, 2001: 460]; ойр. *одон (одон)* ‘звезда’ [Тодаева, 2001: 258]; стп.-калм. *одн* ‘звезда’ [Рамстедт, 1935: 283], *одон* ‘звезда’ [Позднеев, 1911: 31]; бур. *одон* ‘звезда’ [БРС II, 2008: 15]; калм. *одн* ‘звезда’ [КРС, 1977: 393].

В монгольских языках встречаются следующие словосочетания с лексемой *од(он)*: монг. *зам заах од* ‘путеводная звезда’, *сүүлт од* ‘комета (букв. звезда с хвостом)’, *харвах од* ‘падающая звезда, метеорит’ [БАМРС II, 2001: 460]; бур. *одо мүшэд* ‘звёзды; звёздный мир’; *аймаг одон* ‘созвездие’; *һуултэй одон* ‘комета (букв, звезда с хвостом)’; *харбаһан одон* ‘падающая звезда, метеорит’ [БРС II, 2008: 15]; калм. *сүүлтә одн* ‘букв. звезда с хвостом’ [КРС, 1977: 393].

С древних времен монгольские народы, ведя кочевой образ жизни, наблюдали за небесными телами, которые являлись для них ориентиром в пространстве, предвестниками погодных условий, и изучали их.

Из отдельных групп звезд монгольские народы больше всего почитали **созвездие Большой Медведицы**: монг. *Огторгуйин Долоон бурхан од* ‘Большая Медведица (букв. семь бурханов небосклона), созвездие Большой Медведицы’; *Долоон бяруу* ‘букв. семь телков’, *Долоон өвгөн* ‘букв. семь старцев’, *Долоон бурхан* ‘букв. семь божеств’ [МНК]; калм. *Долан бурхн* ‘Большая Медведица’ [КРС, 1977: 204].

Как отмечает Э.П. Бакаева, *Большую Медведицу* ойраты иногда именовали *Долоон марал* ‘Семь маралов’. Внутренняя форма названия связана с легендами о погоне небесного охотника за маралухами [Бакаева, 2020: 664].

Кроме того, *Большая Медведица* в представлении ойратов и калмыков связана с потеплением на земле, она также является покровительницей детей, способна отпускает грехи, защищать отары от волков и способствовать увеличению численности скота [Бакаева, 2020: 664].

«В шаманских призываниях созвездие «Семь старцев» считается подателем счастливой судьбы. Монголы-буддисты называли это созвездие «Семь богов», а звезды, входящие в его состав, обозначались именами Будды Шакьямуни, бодхисатвы мудрости Маньчжушри и пяти Будд созерцания» [Жуковская, 2002: 177].

«В обрядовых текстах, посвященных *Семи старцам*, а также в других молитвах созвездие *Большой Медведицы* обозначается как одно из главных среди других звезд на небосклоне. В шаманских призываниях к звездам чаще всего звучат следующие слова: «Множество звезд, во главе которых *Семь старцев*», «Охраняющие и порождающие всех животных *Семь старцев*» – свидетельство того, что *Семь божеств*, или *Семь старцев* было самым почитаемым созвездием» [Эрдэнэболд, 2012: 27].

Считалось, что каждому человеку на протяжении всей его жизни сопутствует одна из семи звезд *Большой Медведицы*, например: человек, рожденный в год мыши (по лунному календарю) должен поклоняться первой звезде *Большой Медведицы*, человек года свиньи или коровы – второй, человек года собаки или тигра – третьей, человек года курицы или зайца – четвертой, человек года обезьяны или дракона – пятой, человек года змеи или овцы – шестой, человек года лошади должен поклоняться седьмой звезде священного созвездия.

Полярная звезда – (Альфа Малой Медведицы (α UMi), также – Киносура) – звезда +2,0m звёздной величины в созвездии Малой Медведицы, расположенная вблизи Северного полюса мира. Это сверхгигант спектрального класса F7Ib. Расстояние до Земли – 434 световых года (по другим данным — 323 световых года) [<https://kartaslov.ru/>].

Обозначения: письм.-монг. *Алтан гадасу одон* ‘неподвижная полярная звезда’ [Голстунский I, 1938: 37]; стп.-калм. *Алтан гасун одон* ‘северная полярная звезда’ [Позднеев, 1911: 7]; монг. *Алтан гадас од* ‘Полярная звезда’ [БАМРС I, 2001: 79]; бур. *Алтан гадаһан* ‘Полярная звезда’ [БРС I, 2006: 185]; калм. *Алтн һасн* ‘Полярная звезда’ [КРС, 1977:37].

Полярная звезда для всех кочевых народов была основным ориентиром, так как «она единственная «неподвижная» во всем сонме звезд. Остальные меняют свое положение на протяжении ночи и года: она одна всегда указывает на север [Никонов, 1973: 377].

В тюркских языках главным элементом в названии *Полярной звезды* является *qazuq* ‘кол’, что основано на её особенности быть неподвижной. И потому вокруг нее вращаются другие звезды.

Важным элементом, присутствующим в наименовании этой звезды, являются названия металлов: *temir* ‘железо’, *altyn* ‘золото’. К примеру, ср.-кыпч. *temirqazuq*; ккалп., ног., каз., кирг. *temir qazuq*; каз.диал., кирг., алт. *altyn qazuq*; ср.-уйг. *altun qazuq*; узб. *oltin qoziq* [Мусаев, 2008: 29].

У Н.Х. Максютова находим, что тюркские (особенно скотоводческие) народы, представляя эту звезду, рисовали следующую картину: железный кол с привязанными к нему лошадьми, вокруг которого с целью похищения скакунов кружили разбойники. По этой причине она получило название *Тимер казык* (Железный кол). Монголы считали, что этот кол сделан из золота и вбит самим богом. Чуваши же называли это небесное тело *Северной звездой* [Максютова, 1976].

Монголоязычные народы верили, что все звезды, подобно домашним животным (овцам, коровам, лошадям и верблюдам), вращаются вокруг своего золотого кола.

Полярная звезда считалась у монгольских народов не только красивой, но и спасительной, указывающей путь заблудившемуся кочевнику. Калмыки называли *Полярную звезду* «аврл хээртэ одн» ‘спасительная звезда’ [Кичиков, 1997: 50-51]. Заплутавшие путники по ней корректировали свое местоположение и определяли верное направление движения: необходимо было встать лицом к *Полярной звезде*, расправить руки в стороны – правая рука указывала на восток, левая – на запад, а затылок – на юг.

Млечный путь – галактика, в которой находятся Земля, Солнечная система и все отдельные звёзды, видимые невооружённым глазом. Относится к спиральным галактикам с перемычкой [<https://kartaslov.ru/>].

Обозначения: монг. *Тэнгэрийн задал* ‘Млечный путь’ [БАМРС II, 2001: 190]; *Тэнгэрийн оёдол* ‘Млечный Путь’ [БАМРС II, 2001: 461]; бур. *Тэнгэриин*

зүйдэл ‘Млечный путь’ [БРС II, 2008: 416]; калм. *Теңрин Уйдл* ‘Млечный Путь’ [КРС, 1977: 529].

Наименование этого созвездия во всех монгольских языках имеет одинаковую внутреннюю форму (небесный шов).

В.А. Никонов отмечает, что «восточнее расположен ареал названий Млечного пути с совсем иной семантикой: монг. *Тэнгэрийн заадал* и бур. *Тэнгэрин зүйдэл*, ‘букв. небесная трещина’ (в обоих языках те же слова омонимично могут значить и «небесный шов»); у калмыков, которые территориально оторвались от остальных монголоязычных народов», продвинувшись далеко на запад, в Поволжье, *Млечный путь* называется *Теңгрин уйдл* с тем же значением (небесный шов) [Никонов, 1973: 373]. Автор также указывает, что название *Млечного пути* с подобной семантикой встречается в тувинском и якутском языках тюркской языковой группы и является результатом их историко-географических контактов с монгольскими народами.

Млечный путь, подобно длинной белой дороге протягивается с юга на север. «*Шин орсн көвкр цас эрд, йовад одсн цанын мөр болад теңгрин уйдл, ар үзгин «алтн наснас» харад, «долан бурхдын» хажуһар давад, «мөчнэс» көвкәһэд, чөдр оддыг» дэврн алдад, «һурвн марл» хэләһэд өмн үзгүр цоонград дарваһад бээнэ»* ‘Млечный путь, подобно санному следу, тянущемуся по пушистому рыхлому снегу’, начав свой путь от северной *Полярной звезды*, миновав *Большую Медведицу*, через *Стожары*, взглянув на *Орион*, устремился на юг [НККЯ. К. Эрендженев].

В большинстве тюркских языков в названии созвездия *Млечный путь* присутствует орнитологический компонент: у башкир – *Кош юлы* ‘Птичий путь’, у казахов – *Торна юлы* ‘Журавлиный путь’, у киргизов – *Кыр каззары юлы* ‘Путь диких птиц’, у татар – *Киек каз юлы* ‘Путь диких птиц’ и т. д. [Абдуллина, 2016: 300].

Стожары – название разных (по местностям) созвездий: Плеяд, Тельца, а также Большой и Малой Медведицы с Полярной звездой в центре [<https://kartaslov.ru/>].

Обозначения: монг. *Мичид* ‘Плеяды, Стожары’ [БАМРС II, 2001: 333]; ойр. *мечид (мечид)* ‘плеяды, стожары’ [Тодаева, 2001: 232]; бур. *Суг мушэн* ‘Плеяды (букв. собрание звезд)’ [БРС, 1973: 395]; калм. *Мөчн одн* ‘хвостатая звезда, комета’ [КРС, 1977: 361]; *Мөчн* ‘Стожары’ [Кичиков, 1997: 51].

Для кочевых народов звезды на ночном небе являлись объектом наблюдения для ориентации в пространстве и для определения метеорологических условий предстоящего дня. Большое количество ярких звезд на ночном небе предвещали ясную погоду в теплое время года и морозную погоду в холодное время года.

Скотоводы к концу лета начинали наблюдать за звездами, высматривая *Мичид / Мечид / Мөчн* ‘Стожары’ – мелкие, ранее невидимые звезды, которые являлись предвестниками наступления осени. Они появлялись в конце августа вместе с *Теңгрин Уйдл* ‘Млечным Путем’. Когда Стожары поднимались высоко над горизонтом, кочевники знали, что наступала полночь. С появлением этих звезд ветер становился прохладным, ночи холодными. Весной их исчезновение знаменовало наступление летних жарких дней: *Мөчн одн харч ирв, йосндан киитн оржана*. ‘Появились Стожары – становится холодно’ [НККЯ].

Буряты в прежние времена могли предсказать засуху, «наблюдая за созвездием Плеяд (*Суг мушэн*) в первый месяц лета, когда оно уходит с небесного свода, знаменуя наступление лета. Если созвездие при исчезновении с небосклона погрузится в воду, будет засуха. Под водой подразумевается мгла, туман» [Содномпилова, 2009: 29].

Орион – экваториальное созвездие. В основе названия имя охотника-великана, убитого Артемидой и превращенного богами в созвездие (в древнегреческой мифологии) [<https://kartaslov.ru/>].

Обозначения: монг. *Гурван Марал* 'Орион' [БАМРС I, 2001: 462], калм. *Гурвн марл* 'Орион' [Кичиков, 1997: 51].

Созвездие Ориона в монгольских языках получило свое наименование по количеству трех красивых звезд, появляющихся на небе с южной стороны.

В монгольской звездной астрологии присутствует *Алтан мөнгөн шарга*, то есть Созвездие *Малой Медведицы*, 'букв. золотисто-серебристый соловый конь'. Данный космоним включает в себя наименования двух ярких звезд *Малой Медведицы*: *Алтан шарга* од 'букв. звезда Золотисто-соловый конь' и *Мөнгөн шарга* од 'букв. звезда Серебристо-соловый конь' [МКН].

Алькóр – звезда в созвездии Большой Медведицы, расположенная вблизи (около 12 угловых минут) значительно более яркого Мицара (второй звезды от конца ручки большого «ковша»). Название звезды происходит от арабского слова «аль-хавари», что означает «слабый». Алькор является едва заметным спутником Мицара [<https://tr-page.yandex.ru/>]

Это маленькая звезда, находящаяся около третьей звезды созвездия *Большой Медведицы*. В народе её называют *Хулхалсн одн* 'букв. украденная звезда'. Этимологию калмыцкого названия данной звезды выяснить не удалось, известно лишь, что в прошлом старейшины рода, указывая на созвездие *Большой Медведицы*, просили подростков сосчитать количество звезд в ней: если кто-то из них видел не семь, а восемь звезд, то он мог стать метким стрелком и хорошим охотником.

Венера – вторая по удалённости от Солнца планета Солнечной системы, наряду с Меркурием, Землёй и Марсом принадлежащая к семейству планет земной группы. Названа в честь древнеримской богини любви Венеры. По ряду характеристик – например, по массе и размерам – Венера считается «сестрой» Земли. Венерианский год составляет 224,7 земных суток. Она имеет самый длинный период вращения вокруг своей оси (около 243 земных суток, в среднем $243,0212 \pm 0,00006$ сут) среди всех планет

Солнечной системы и вращается в направлении, противоположном направлению вращения большинства планет [<https://kartaslov.ru/>].

Обозначения: письм.-монг. *colmun* ‘утренняя звезда, Венера’ [Лессинг, 1960:197]; монг. цолмон ‘Венера’ [БАМРС IV,2002: 258]; бур. *солбон(г)* ‘Венера, утренняя звезда’ [БРС, 2008: 178]; ойр. *цолмон* ‘Венера, утренняя заря’ [Тодаева, 2001: 429]; бур. *солбон(г)* ‘Венера, утренняя звезда’ [БРС, 2008: 178]; стп.-калм. *tsolwŋ | tsolwŋ* ‘Венера, утренняя звезда’ [Рамстедт, 1935: 429]; калм. *цолвң* ‘утренняя звезда, Венера’ [КРС, 1977: 636].

Слово имеет тибетско-санскритское происхождение: санскр. *śukra* ‘ясный; светлый; белый’, тиб. *pa va sangs* ‘светлый; белый’, калм. *басңг* (транслитерация тибетского названия). В монгольских языках означает ‘пятница’.

Данный природный объект различают по времени появления на небе: *Өрүн цолвң* ‘утренняя звезда, Венера’ и *Асхн цолвң* ‘Аврора’. Это визуальные проявления на небе одной и той же планеты, которая в зависимости от времени суток с разной интенсивностью отражает свет, потому наблюдательные кочевники и дали два названия этому небесному объекту. «*Аврора* является очень большой, яркой и красивой звездой, а рано утром можно увидеть самую красивую утреннюю звезду *Өрүн Цолвң*» [Кичиков, 1997: 51].

У тюркских народов *Венера* является известной и самой почитаемой из всех планет Солнечной системы, которая в сознании людей связана с рассветом и восходом солнца: кум. *çolpan taŋ attu* ‘Венера вошла – рассвело’; кбалк. *çolpan çyqtj taŋ atmaz* ‘Пока Венера не взойдет, утро не наступит’.

С распространением буддийского учения в монгольских языках появились наименования планет тибетско-санскритского происхождения: *Меркурий* – санскр. *budha* ‘мудрость’; тиб. *lhagba* ‘излишек, более’; калм. *үлмж* ‘более, излишек’ (калмыцкое название является калькой с тибетского и

санскритского языков); *Марс* – санскр. *aṅgāraka* ‘уголек’; тиб. *migmar* ‘красный глаз’; калм. *мигмр* (транслитерация тибетского названия). Отметим, что *Марс* обладает выраженным красным цветом по причине преобладания окислов железа, поэтому в калмыцком языке есть другое его название – *Улан одн* ‘красная звезда’; *Юпитер* – санскр. *brhaspati* ‘владыка молний’; тиб. *phur bi* ‘гвоздь’; калм. *пурвэ* (транслитерация тибетского названия); *Сатурн* – санскр. *śanaiścara* ‘медленно идущий’; тиб. *sren pa*; калм. *санчр* (транслитерация санскритского названия), *бембэ* (транслитерация тибетского названия).

Санскритские и тибетские наименования планет используются в названиях дней недели в монгольских языках: воскресенье – монг. *Ням / Нар*, бур. *Нима*, калм. *Нарн*; понедельник – монг. *Даваа / Сара*, бур. *Дабаа / Гара*, калм. *Сарң*; вторник – монг. *Мягмар*, бурят. *Мягмар*, калм. *Мигмр*; среда – монг. *Лхагва / Пагба*, бур. *Улэмжэ / Дхагба* калм. *Улмжэ*; четверг – монг. *Пүрэв*, бур. *Пүрбэ*, калм. *Пүрвэ*; пятница – монг. *Баасан*, бур. *Баасан*, калм. *Басң*; суббота – монг. *Бямба*, бур. *Бямба*, калм. *Бембэ/Санчр*.

Итак, анализ ЛСП «Небо, звезды» (77) показал, что слово *тэнгэр / теңгр* в монгольских языках используется в значениях ‘небо, небеса’, ‘гром’, ‘погода’, ‘небо-божество’. Сочетаемость выявила реализацию следующих значений именных словосочетаний: ‘небо, небеса’ характеризуют ясную, безоблачную, ненастную погоду (*тэнгэр сайхан, тэнгэр цэлмэг*); в значении ‘бог; гений; божество, небожитель (небо как божество)’: *мөнх хөх тэнгэр, богд тэнгэр, бурхан тэнгэр, газрын тэнгэр; хан теңгр, теңгр бурхн*.

В представлении монголов *небо* являлось ‘помогающим, всевидящим, карающим божеством’, что отразилось в устойчивых выражениях: *теңгр халах* ‘бог поможет’, *теңгр өршэнэ* ‘небо помилует’, *теңгр нүдтэ* ‘букв. небо имеет глаза’, *теңгр цокна гидг эн* ‘вот и настала расплата’.

Лексема *теңгр* в значении ‘погода’ встречается в паремиях, ассоциируясь с положительными / отрицательными качествами человека

(дружелюбие, гостеприимством, сварливость, скандальность). Так, если *погода* – это непостоянство, то человеческие пороки – устойчивость (*Теңгрин му эрлдг, күүнэ му эрлдг уга* ‘Плохая погода проходит, а человеческие пороки не исчезают’).

Кочевники наблюдали за небом и звездами, которые являлись для них ориентиром в пространстве, предвестниками погодных условий. Самая почитаемая звезда у кочевников – Большая Медведица. Космоним присутствуют во всех монгольских языках: *Огторгуйин Долоон бурхан од, Долоон бяруу, Долоон өвгөн, Долоон бурхан, Долан бурхн. Большую Медведицу* ойраты именовали *Долоон марал* ‘Семь маралов’, связанная с легендой о погоне небесного охотника за маралухами [Бакаева, 2020: 664].

Большая Медведица являлась для кочевников покровительницей и защитницей детей, и в их представлении связана с потеплением на земле. *Полярная звезда* – главный ориентир для заплутавшего путника, потому у монгольских народов не только красива, но и «спасительна» (калм. *Полярная звезда «аврл хээртэ одн»* ‘спасительная звезда’ [Кичиков, 1997: 50-51]. *Стожары*, появляющиеся в конце августа, в картине мира кочевника – предвестники наступления осени. Весной их исчезновение знаменовало наступление летних жарких дней. Наблюдения за природными объектами значительно облегчали жизнь кочевников, помогая заранее быть готовыми к капризам погоды, найти нужное и правильное направление, определять суточное время.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Глава посвящена комплексному изучению природных объектов (небесных тел) в монгольских языках.

ЛСГ «Небесные тела» включают 172 единицы и представлена 3 подгруппами.

1. Анализ подгруппы «Солнце» (66) показал, что для кочевых монголоязычных народов светило имело практическое и мистическое значение. Наблюдения над сочетаемостью астронома выявили закономерность: *nanan/ narn* в сочетании с именами прилагательными образуются номинации высокой степени жары, характерной для климата ареала обитания номадов: *хуриц нарн* '(букв. острое) палящее солнце', *шачах нарн* 'испепеляющая жара (букв. солнце)' и т.д. Номадами в языковой форме фиксировались солярные приметы природных явлений по цветовой характеристике. Например: *шар* 'желтое', *шарһ алтн* 'золотисто-соловое', *алтн* 'золотое' в сочетании с *nanan / narn* 'солнце' предвещали ясный день, *улан* 'красное' – непогоду, ветреность, пыльную бурю. Являясь пространственным ориентиром относительно сторон света, номады определяли время по восходу / закату, углу падения солнечного луча. Визуальная характеристика солнца этнически маркирована и всегда имеет небольшой размер, символизируя тепло, богатство, изобилие: величиной с альчик, ладонь, платок. Кроме того, закономерны ассоциации солнца с животными и птицами и присутствие в разных жанрах фольклора зоонимов / орнитонимов: *агт мөрн* 'конь-рысак', *улан һалзн бух* 'красно-лысый бык', *итлг* 'сокол-балобан'. В языковой картине мира кочевых монгольских народов *Солнце* всегда являлось покровителем всего живого, источником тепла, изобилия, знаменовало покой, благополучие, а временные трудности олицетворяли тучи, закрывавшие светило.

2. В основе специфики подгруппы «Луна» (29) её фазовый цикл. Совпадая в основном значении, *луна* – *сар* имеет уточненные номинации-астрономы с учетом фаз: растущая Луна (калм. *нәрхн хавсн мет* 'подобно тонкому ребру' и др.), половина Луны (монг. *заримдаг сар* 'полумесяц' и др.), полная (монг. *арван тавны сар / тэргэл сар* 'полнолуние' и др.) и убывающая (калм. *хуучн сар* 'старый (убывающий) месяц' и др.). Наблюдения за положением Луны помогали кочевникам прогнозировать

погоду: новолуние – предвестник перемены погоды, полнолуние – похолодания и т.п. Луна как астрономический объект транслирует номаду информацию о погодно-климатических явлениях, которые тот фиксирует в сознании как приметы, используемые в паремии для аналогии (калм. *Сар хотлвл киитн болхин темдг, санан икдвл аюл болхин темдг* ‘Если **стоит полнолуние – это признак прохладной погоды**, если человек становится высокомерным – это признак опасности’). Интересными являются визуальные характеристики Луны: *далайгас төрсон* ‘из моря родившаяся’, *далай баясгагч* ‘доставляющая радость морю’ и др. Луна играет важную роль в материальной и духовной жизни монгольских народов, планировавших все события по лунному календарю.

3. Анализ подгруппы «Небо, звезды» (77) показал, что слово *тэнгэр / теңгэр* в монгольских языках используется в значениях ‘небо, небеса’, ‘гром’, ‘погода’, ‘небо-божество’. Сочетаемость подтвердила полисемию этой лексемы (‘небо, небеса’ характеризуют ясную, безоблачную, ненастную погоду (*тэнгэр сайхан, тэнгэр цэлмэг*); в значении ‘бог; гений; божество, небожитель (небо как божество)’: *мөнх хөх тэнгэр, богд тэнгэр, бурхан тэнгэр, газрын тэнгэр; хан теңгэр, теңгэр бурхн*). В представлении монголов небо являлось ‘помогающим, всевидящим, карающим божеством’, что отразилось в устойчивых выражениях: *теңгэр хэлэх* ‘бог поможет’, *теңгэр өршэнэ* ‘небо помилует’ и т.п. Лексема *теңгэр* в значении ‘погода’ встречается в паремии, ассоциируясь с положительными/отрицательными качествами человека (дружелюбие, гостеприимством, сварливость, скандальность).

Звезды / созвездия также были ориентирами в пространстве, предвестниками погодных условий. Космоним *Большая Медведица* присутствует во всех монгольских языках (*Огторгуйин Долоон бурхан од, Долоон бяруу, Долоон өвгөн, Долоон бурхан, Долан бурхн, Долоон марал*), имея константный компонент *долан* (семь). *Большая Медведица* для

кочевников олицетворяла покровительство и защиту детей, была связана с потеплением на земле. *Полярная звезда* – главный ориентир для заплутавшего путника, потому у монгольских народов не только красива, но и «спасительна» (калм. *аврл хээртэ одн 'Полярная звезда' 'спасительная звезда'* [Кичиков, 1997: 50-51]. *Стожары*, появляющиеся в конце августа, в картине мира кочевника – предвестники наступления осени. Весной их исчезновение знаменовало наступление летних жарких дней.

В представлении монголов *небо* являлось ‘помогающим, всевидящим, карающим божеством’, что отразилось в устойчивых выражениях (*теңгэр халах* ‘бог поможет’, *теңгэр өршэнэ* ‘небо помилует’ и др.). Лексема *теңгэр* в значении ‘погода’ встречается в поговорках, ассоциируясь с положительными и негативными качествами человека: дружелюбием и гостеприимством, сварливостью и скандальностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексика, обозначающая природные явления и объекты в монгольских языках, представляет собой целостную систему, включающую наименования, связанные с состоянием погоды, температурой воздуха, атмосферными осадками, разновидностями ветра, небесными телами.

В диссертационной работе представлены результаты комплексного изучения (лексико-семантического и лингвокультурологического) лексических единиц, обозначающих природные явления (метеонимы) и небесные объекты (астронимы / космонимы) в монгольских языках. Данный лексикон для монголоязычных народов, исходя из традиционного представления картины мира и кочевнического уклада хозяйствования, является отражением в языковом сознанииномада локаций, системы координат в окружающем мире, а при образном переосмыслении эта лексика участвует в трансляции нравственных, духовно-ценностных смыслов кочевых монгольских народов.

Анализ лексики природных явлений и объектов (859), позволил выделить 5 лексико-семантических микрополя в семантическом поле «Природа»: «погода», «воздух», «осадки», «ветер», «небесные тела». Исследование проводилось с учетом контекстного употребления лексических единиц, то есть реализации синтагматических отношений. С учетом этого определились 5 групп лексических единиц со значением характеристики ключевого понятия микрополя: 1) ЛСГ «Состояние погоды» (102); 2) ЛСГ «Температура воздуха» (132); 3) ЛСГ «Атмосферные осадки» (330); 4) ЛСГ «Движение воздушных масс» (123); 5) ЛСГ «Небесные тела» (172).

1. Лексико-грамматический анализ показал, что языковые единицы образуют именные, глагольные, фразеологические словосочетания, в контексте которых происходит усиление или ослабление основного значения той или иной лексемы.

В лексике природных явлений и объектов в монгольских языках в основном встречаются односложные корневые морфемы, которые имеют параллели во всех современных монгольских языках и которые существовали в монгольском языке, о чем свидетельствует их фиксация в старописьменных памятниках. Также в анализируемой лексике значительную часть занимают аффиксально-производные наименования. Некоторые лексемы обладают синкретическими формами, функционируя как существительное или прилагательное в зависимости от контекста и выступая компонентами предикативного сочетания или подчинительного словосочетания. Довольно часто встречаются лексемы, переходящие из именных частей речи в глагольные формы. Небольшую часть исследуемого материала занимают составные наименования (парные слова), обладающие самостоятельным номинативным значением.

2. Лексемы, обозначающие природные явления и объекты, в монгольских языках относятся к древнейшему пласту лексики, отражая образ жизни, окружающую среду, менталитет носителей языка. Универсалии данной лексики подтверждаются лексикографическими данными, зафиксированными в старописьменных монгольских источниках: они сохранились без изменений и продолжают функционировать в современных монгольских языках. Анализ лексики с точки зрения этимологии и структуры показал, что лексика, обозначающая природные явления и объекты, в основном имеет исконное происхождение, но встречаются заимствования из тюркских, тибетского и санскритского языков.

3. Лексика природных явлений и объектов рассмотрена в данной работе с учетом лингвокультурологических факторов. Монгольские народы с древнейших времен и в соответствии с потребностями их образа жизни и занятий наблюдали за состоянием погоды и явлениями природы, осознавая себя частью огромного мироздания и природы. Исследуемые языковые единицы, обладая высоким потенциалом метонимизации и метафоризации,

являются базой для дальнейшего семантического развития и образования переносных значений. Некоторые наименования природных явлений и объектов образованы по ассоциативному признаку на основе олицетворения, сравнения, соответствия размерам животных и частей их тела. Явления, обозначенные «позитивными» лексемами в представлении номадов ассоциируются со 'счастьем, удачей, чистой энергией, благополучием, изобилием, плодородием'; негативны следующие ассоциации: 'страх, трудности, испытания, бескормица, падеж скота, страдания, внезапная беда'.

4. Метеонимы и астронимы широко используются в фольклорных и художественных текстах, отражая особенности языковой картины мира и мировоззрения, традиционного мировосприятия, жизненного уклада и внутреннего мира монгольских народов. В результате наблюдений за погодными условиями обнаруживалась взаимосвязь с объектами живой и неживой природы, отразившаяся в преданиях, легендах, пословицах, поговорках, загадках, предсказаниях и разного рода приметах.

Анализируемая лексика в пословицах и поговорках монгольских народов довольно часто символизирует положительные и отрицательные качества человека (мудрость, трудолюбие, надежность, упрямство, злонамеренность, сварливость и др.). Аналогии *человек – природа, животное – природа, природа – человек, природа – животное – человек* отражают как общечеловеческие ценности, так и национальное их осмысление, основанные на народном менталитете, уникальной культуре, традициях и обычаях кочевника-монгола. В лингвокультурологическом плане фольклорные, литературные и лексикографические источники позволяют говорить о важной роли метеолексем в системе оценочно-сравнительных, этических и эстетических представлений носителей монгольских языков.

5. Метеорологические условия являются одним из важных факторов, занимающих значительное место в жизни человека. В любом виде деятельности главную роль играли погодные условия. Поэтому

монголоязычные народы, наблюдая за погодой, составляли метеорологические прогнозы на будущее и передавали свои знания из поколения в поколение. Кочевые племена прогнозировали метеоусловия по характерным признакам протекания природных явлений (ветер, облака, дождь, снег, туман, иней и др.), по особенностям небесного пространства и тел (солнца, луны, неба, звезд / созвездий).

Монголоязычная языковая личность, чья жизнь и хозяйственно-экономический уклад был связан и во многом зависим от состояния окружающего мира и погоды, в своей языковой картине мира последовательно и всесторонне использовала характеристики состояния погоды, температуры воздуха, атмосферных осадков, движения воздушных масс; фиксировала в языковом сознании наблюдения за солнцем, луной, небом и звездами для того, чтобы адекватно отразить увиденное. Задействовав данные лексемы в переносном значении, метафорично, номад таким образом обогащал язык. Об этом свидетельствует представленное лексико-семантическое и лингвокультурологическое поле лексем природных явлений и объектов традиционного представителя монгольских народов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ДП – дифференциальные признаки
ЛСВ – лексико-семантический вариант
ЛСГ – лексико-семантическая группа
ЛСП – лексико-семантическая подгруппа
ПМА – полевой материал автора
ТГ – тематическая группа
аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
баоан. – баоаньский
башк. – башкирский
бур. – бурятский
вост.-тюрк. – восточно-тюркский
гаг. – гагаузский
даг. – дагурский
др.-тюрк. – древнетюркский
дунс. – дунсянский
иран. – иранский
каз. — казахский
калм. – калмыцкий
кбалк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
кит. – китайский
к.-калп. – каракалпакский
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский
кум. – кумыкский
куманд. – кумандинский говор алтайского языка
манчж. – маньчжурский

мнгр – монгорский
монг. – монгольский
ног. – ногайский
ойр. – ойратский
орд. – ордосский
письм.-монг. – письменный монгольский
санскр. – санскритский
ср.-кыпч. – средне-кыпчакский
ср.-уйг. – среднеуйгурский
стп.-калм. – старописьменный калмыцкий
сюг. – сорыг-югурский
тат. – татарский
тиб. – тибетский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
тюрк. – тюркский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
хак. – хакасский
халх. – халхаский
эвк. – эвенкийский
як. – якутский

ИСТОЧНИКИ

1. БАМРС I – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. – М.: Academia, 2001. – Т. I / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеева. – 486 с.
2. БАМРС II – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. – М.: Academia, 2001. – Т. II / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеева. – 507 с.
3. БАМРС III – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. – М.: Academia, 2001. – Т. III / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеева. – 438 с.
4. БАМРС IV – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. – М.: Academia, 2002. – Т. IV / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеева. – 506 с.
5. БРС I – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – В 2-х томах. – Т. I (А-Н). – Улан-Удэ, 2006. – 635 с.
6. БРС II – Шагдаров, Л. Д., Черемисов, К. М. Бурятско-русский словарь. / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – В 2-х томах. – Т. II (О-Я). – Улан-Удэ, 2008. – 707 с.
7. Голстунский, К. Ф. Монгольско-русский словарь / К. Ф. Голстунский. – Ленинград: Ленингр. вост. ин-т, 1938. – 3 т.
8. Жаңһр: хальмг баатрлг эпос. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 286 с.
9. Ковалевский, О. М. Монгольско-русско-французский словарь О. М. Ковалевский. – Казань: Унив. тип., 1844-1849. – В 3 т., 2690 с.
10. Көглтин Дава Сар-Герл / Көглтин Дава. – Элст, Хальмг госиздат, 1964. – 92 с.
11. КРС – Калмыцко-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1977. – 765 с.
12. Манджиев, Н. М. Горькая правда / Н. М. Манджиев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. – 229 с.
13. Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин,

Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. – Москва: Наука – Вост. лит., 2017. – 367 с.

14. МХДТТ I – Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть/ I боть / Ерөнхий ред. Л. Болд. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2008. – XXXX+594+ix тал.

15. МХДТТ I – Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть/ III боть / Ерөнхий ред. Л. Болд. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2008. – XXXX+1858+ix тал

16. Позднеев, А. Калмыцко-русский словарь. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1911. – 306 с.

17. СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. / Отв. ред. член-корр. РАН Э. Р. Тенишев – М.: Наука, 2001. – 882 с.

18. Тодаева, Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. – Элиста: Джангар, 2007. – 838 с.

19. Тодаева, Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 493 с.

20. ФСКЯ – Бардаев, Э. Ч. Фразеологический словарь калмыцкого языка / Э. Ч. Бардаев, Г. Ц. Пюрбеев, Г.Ц., Б. Д Муниев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 142 с.

21. Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңһу материал. Истины древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., автор вступительной статьи на калм. яз. Е. Э. Хабунова. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. – 399 с.

22. Эрендженев, К. Э. Аңһучин көвүн. Сын охотника. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. – 139 с.

23. ЭСМЯ I – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. – Т. I. – А–Е. / Г. Д Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. – 224 с.

24. ЭСМЯ II – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. – Т. II. – G–P. / Г. Д Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. – 232 с.

25. ЭСМЯ III – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. – Т. III. – Q–Z. / Г. Д Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. – 240 с.

26. ЭСТЯ – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.

27. Lessing, F.D. Mongolian-english dictionary / F. D. Lessing. – Berkeley: University of California Press, 1960. – 1218 p.

28. Ramstedt, G. J. Kalmükisches Wörterbuch / G. J. Ramstedt. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. – 591 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина, Г. Р. Космонимы в башкирском языке (в сравнении с другими тюркскими языками) / Г. Р. Абдуллина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Том 2 (68). – № 3. – 2016. – С. 297–311.
2. Акбембетова, А. Е. Проблема языковой личности в современной лингвистике / А. Е. Акбембетова, В. Н. Мушаев // Вестник КалмГУ. – 2021. – № 4 (52). – С. 40–47.
3. Амоголонов, Д. Д. Современный бурятский язык: Учебник для высш. учеб. заведений / Д. Д. Амоголонов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 337 с.
4. Ананьев, Б. Г. Психология чувственного познания / Б. Г. Ананьев. – М.: Наука, 2001. – 279 с.
5. Ангархаев, А. Л. Этимологическое исследование древнемонгольских онимов / А. Л. Ангархаев. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; Отв. ред. Л. Д. Шагдаров. – Новосибирск: Наука, 2003. – 158 с.
6. Анисимова, Н. В. Русская метеорологическая терминология в историческом аспекте / Н. В. Анисимова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. Вып. 4. – Архангельск, 2009. – 502 с.
7. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Восточная литература, 1995. – Т. 1: Лексическая семантика. – 472 с.
8. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
9. Артаев, С. Н. Язык повседневного поведения и базовые концепты национальной культуры калмыков / С. Н. Артаев, П. Ц. Биткеев,

М. У. Монраев, Д. А. Сусеева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. <https://sfk-mn.ru/issue-4-2023.html>

10. Аспекты семантических исследований / А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова и др.; Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1980. – 356 с.

11. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.

12. Бакаева, Э. П. Добуддийские верования калмыков (исследования и опыт реконструкции): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Бакаева Эльза Петровна. – М., 2006. – 50 с.

13. Бакаева, Э. П. Добуддийские верования калмыков / Э. П. Бакаева. – Элиста, АПП «Джангар», 2003. – 358 с.

14. Бакаева, Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 1. / Э. П. Бакаева // Oriental Studies. – 2020. – 13(2). – С. 368–384.

15. Бакаева, Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2. / Э. П. Бакаева // Oriental Studies. – 2020. – 13(3). – С. 661–687.

16. Бардаев, Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Бардаев Эренджэн Чевинович. – М., 1976. – 25 с.

17. Бардаев, Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / Э. Ч. Бардаев. – Элиста, Калм. кн. изд-во, 1985. – 152 с.

18. Бардамова, Е. А. Время в языковой картине мира бурят / Е. А. Бардамова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 160 с.

19. Бардамова, Е. А. Пространство в языковой картине мира бурят / Е. А. Бардамова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 200 с.

20. Баринаова, Б. В. Лексемы состояния погоды в монгольских языках: лексико-семантическая характеристика / Б. В. Баринаова // Мир науки. Социология, филология, культурология». – 2024. – Том 15. – № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/22FLSK124.pdf>

21. Баринаова, Б. В. Структурно-грамматические и лингвокультурологические аспекты метеолексемы «халун» в монгольских языках / Б. В. Баринаова, В. Н. Мушаев // Litera. – 2024. – № 3. – С. 195–198.

22. Баринаова, Б. В. Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками / Б. В. Баринаова, Р. П. Харчевникова, Г. Ц. Пюрбеев, П. Ц. Биткеев, М. У. Монраев // Litera. – 2023. – № 12 – С. 328–337.

23. Басаев, Д. Э. Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / Д. Э. Басаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. – 415 с.

24. Бачаева, С. Е. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: дефиниции названий небесных светил / С. Е. Бачаева // Монголоведение. – 2016. – 8(2). – С.78–88.

25. Баярсайхан, Ё. Лексика современного монгольского языка, отражающая этнокультурные реалии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Ендонжамцын Баярсайхан. – М., 1998. – 29 с.

26. Баярсайхан, Ё. Слова, обозначающие времена года, сезоны, погодные и природные явления Монголии / Ё. Баярсайхан // Тюркская и смежная лексикология и лексикография. Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева. – М., 2004. – С. 51–57.

27. Бертагаев, Т. А. К исследованию лексики монгольских языков (Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров) / Т. А. Бертагаев. – Улан-Удэ: Б.и., 1961. – 160 с.

28. Бертагаев, Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках: О фузии, символизации, аналитизме, внутр. флексии, сингармонизме и многозначности аффиксов / Т. А. Бертагаев. – М.: Наука, 1969. – 183 с.

29. Бертагаев, Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков) / Т. А. Бертагаев. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
30. Бижева, З. Х. Языковая картина мира: лингвокультурологический аспект: учебное пособие для направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование / З. Х. Бижева. – Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. Ун-т им. Х.М. Бербекова, 2018. – 58 с.
31. Биткеев, П. Ц. Калмыцкий язык за 400 лет / П. Ц. Биткеев. – Элиста: Джангар, 2009. – 191 с.
32. Бонов, А. Мифы и легенды о созвездиях / А. Бонов. – Минск: Вышэйшая школа, 1984. – 255 с.
33. Борджанова, Т. Б. Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы / Т. Б. Борджанова. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 182 с.
34. Борлыкова, Б. Х. Кластер «атмосферные осадки» в лексике калмыцких народных песен / Б. Х. Борлыкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2 (75). – 2023. – С. 138–143.
35. Бородина, М. А. Взаимодействие лингвистических ареалов / М. А. Бородина. – Л., 1980. – 272 с.
36. Будаев, Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования) / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1992. – 217 с.
37. Будаев, Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 302 с.
38. Будаев, Ц. Б. Фразеология бурятского языка / Ц. Б. Будаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 88 с.
39. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Центральной Азии / С. И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

40. Васильев, В. Л. Географические термины в говорах Новгородской области: (Ареально-семасиологический анализ на восточнославянском фоне): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Васильев Валерий Леонидович – СПб., 1995. – 22 с.
41. Васильев, В. П. Русская метеорологическая лексика Кузбасса (значение, таксономия и функционирование слов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Васильев Василий Петрович. – Томск, 1986. – 18 с.
42. Васильев, Л. М. Единицы семантической системы языка. / Л.М. Васильев // Вопросы семантики. – М., 1971. – С. 43–50.
43. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
44. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 272 с.
45. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
46. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку. Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
47. Владимирский, Б. М. Археoaстрономия и история культуры / Б. М. Владимирский, Л. Д. Кисловский. – М.: Знание, 1989. – 64 с.
48. Галданова, Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов / Г. Р. Галданова // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск, 1993. – С. 141–150.
49. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
50. Гынзагова, Л. Г. Характер и типы лексических различий в среднеобских говорах (к проблеме лексической типологии говоров малого ареала): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гынгазова Людмила Георгиевна. – Томск, 1984. – 19 с.

51. Данилова, Л. В. Метеорологическая лексика тюркских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Данилова Лина Викторовна. – Ташкент, 1972. – 26 с.
52. Дондуков, У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 246 с.
53. Дондуков, У.-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков в сравнительном освещении с тюркскими языками / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. – 246 с.
54. Дондуков, У.-Ж.Ш. Словообразование монгольских языков / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: БГПИ, 1993. – 196 с.
55. Душан, У. Д. Избранные труды / У. Д. Душан. сост. Батыров В. В., Шараева Т. И. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 376 с.
56. Дыбо, А. В. Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика / А. В. Дыбо, В. В. Куканова, С. В. Мирзаева, Е. В. Бембеев, В. Н. Мушаев, В. Н. Хонинов // *Oriental Studies*. 2022. – Т. 15 – №6. – С. 1333–1351.
57. Дырхеева, Г. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке / Г. А. Дырхеева, Д. Ш. Харанутова, Е. А. Бардамова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 208 с.
58. Евсюков, В. В. Мифы о вселенной / В. В. Евсюков. – Новосибирск, Наука СО, 1988. – 187 с.
59. Есенова, Т. С. Лингвокультурные концепты: содержание, структура и методика исследования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений по направлению 031000 и специальности 031001 – «Филология» / Т. С. Есенова и др. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2010. – 140 с.
60. Есенова, Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков / Т. С. Есенова. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2012. – 160 с.

61. Жуковская, Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учебное пособие / Н. Л. Жуковская. – М.: Вост. Лит., 2002. – 274 с.
62. Зайнуллин, М. В. Общие проблемы лингвокультурологии: курс лекций / М. В. Зайнуллин, Л. М. Зайнуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 204 с.
63. Замалетдинов, Р. Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призмы языка / Р. Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003 – 207 с.
64. Замалетдинов, Р. Р. Национально-языковая картина татарского мира: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.02 / Радиф Рифкатович Замалетдинов. – Казань, 2004. – 38 с.
65. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. / Е. И. Зиновьева. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 179 с.
66. Зиновьева, Е. И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» / Е. И. Зиновьева // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 16–21.
67. Искандаров, А. Г. Метеорологическая лексика башкирского языка: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Искандаров Ахмет Гареевич. – Уфа, 2009. – 24 с.
68. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: URSS, ЛКИ, 2007. – 261 с.
69. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб.: Центр «Петерб. востоковедение», 1996. – 275 с.
70. Касьянова, В. М. Русская метеорологическая лексика (история и функционирование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Касьянова Вера Михайловна. – М., 1984. – 258 с.

71. Кичиков, А. Ш. Оюн түлкүр / А. Ш. Кичиков, Н. Д. Асирова. – Элиста: АПП «Джангар», 1997. – 79 с.
72. Кичиков, А. Ш. Үгин туск үг (Слово о словах) / А. Ш. Кичиков. Изд. 2-е, расширенное и переработанное. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2017. – 160 с.
73. Ковалевский, О. М. Буддийская космология / О. М. Ковалевский. – Казань: Университетская типография, 1837. – 167 с.
74. Кодухов, В. И. Общее языкознание: учебник для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов / В. И. Кодухов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS, 2007. – 301 с.
75. Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – Т.1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / С. А. Козин. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.
76. Кондратенко, М. М. Лексика народной метеорологии во владими́ро-поволжских и брянских говорах / М. М. Кондратенко // Севернорусские говоры. Вып. 5. – Л., 1989. – С.79–89.
77. Кондратенко, М. М. Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений / М. М. Кондратенко. – München, Verlag Otto Sagner, 2000. – 120 с.
78. Корнелиус, Дж. Звездное небо. Предания и новейшие знания о созвездиях, звездах и планетах / Дж. Корнелиус. – М.: БММ АО, 2000. – 176 с.
79. Корнилов, О. А. Языковая картина мира как производное национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: МАЛП, 1999. – 341 с.
80. Котвич, В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. / В.Л. Котвич. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 373 с.
81. Крапп, Э. К. Астрономия: Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / Э. К. Крапп. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 656 с.

82. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 203 с.
83. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 198 с.
84. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
85. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: материалы Международной конференции. – Тамбов, 1999. – Ч. 1. – С. 6–13.
86. Кузнецова, Э. В. Русская лексика как система: учебное пособие / Э. В. Кузнецова. – Свердловск: УрГУю, 1980. – 89 с.
87. Куканова, В. В. Астрономическая терминология монгольских языков: материалы к этимологическому словарю / В. В. Куканова, В. Н. Мушаев, В. Н. Хонинов // Oriental Studies. 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 1652–1666.
88. Куканова, В. В. Представления о дожде у калмыков и их предков (на материале фольклорных источников) / В. В. Куканова // Новый филологический вестник. – № 3. – 2021. – С. 469–484.
89. Кульсарина, Г. Г. Этноязыковая картина мира в текстах башкирского фольклора: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.02 / Кульсарина Гульнур Галинуровна. – Казань, 2018. – 50 с.
90. Ларичев, В. Е. Звездные боги / В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН; Изд-во Новосибирского ун-та, 1999. – 356 с.
91. Ларичев, В. Е. Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди / В. Е. Ларичев; Отв. ред. В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1986. – 176 с.

92. Ларичев, В. Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце / В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
93. Ларичев, В. Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон / В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1993. – 288 с.
94. Лиджиева, Л. А. Лексико-семантические группы локативных имен существительных в монгольских языках / Л. А. Лиджиева, В. Н. Мушаев, Б. Э. Убушиева, Д. М. Лиджиева // *Oriental Studies*. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С.1182–1193.
95. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.
96. Лю, Яньчунь. Метеорологическая лексика и фразеология в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Лю Яньчунь. – Уфа, 2012. – 27 с.
97. Максютлова, Н. Х. Тюркская космонимия / Н. Х. Максютлова // *Ономастика Поволжья*. Вып. 4. – Саранск, 1976. – С. 283–286.
98. Макушева, О. А. Словарь метеорологической лексики орловских говоров / О. А. Макушева – Орловский государственный университет, 1997. – 105 с.
99. Мамуна, Н. В. Зодиакальная мифология. Зодиак мистерий / Н. В. Мамуна. – М.: Алетейа, 1998. – 437 с.
100. Мамуна, Н. В. Зодиакальная мифология. Семь небес древнего мира / Н. В. Мамуна. – М.: Алетейа, 2000. – 352 с.
101. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие / В. А. Маслова – М.: Наследие, 1997. – 205 с.
102. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – Москва: Academia, 2001. – 202 с.

103. Маслова, В. А. Языковая картина мира и культура / В. А. Маслова // Когнитивная лингвистика конца XX века: Сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. В 3 томах. Часть 1. Минск, 1997. – С. 35–47.

104. Михеева, М. С. Названия некоторых явлений природы в печорских говорах / М. С. Михеева // Северно-русские говоры. Вып.1. – Л., 1970. – С. 95–107.

105. Моисеева, В. Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моисеева Вероника Леонидовна. – СПб., 1998. – 147 с.

106. Монгол хэлний товч тайлбар толь / Лувсанбалдан Х. Улаанбаатар, 1966. – 912 с.

107. Монгольско-русский словарь. / Ред. А. Лувсандэндэв. – М.: ГИС, 1957. – 715 с.

108. Монраев, М. У. Современные аспекты изучения калмыцкой лексикографии / М. У. Монраев, Б. А. Шурунгова // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура: материалы Международной научной конференции. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 131-133.

109. Монраев, М. У. Взаимоотношение монгольских и тюркских народов (татарско-монгольские лексические параллели) / М. У. Монраев, Н. Р. Музафарова // Вестник Исык-Кульского университета. – 2020. – № 48. – С. 270-274.

110. Мукабенова, М. А. Мифологическая основа поэмы «Сар-Герел» Д. Кугультинова / М.А. Мукабенова // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2009. – № 8. – С. 161–165.

111. Мусаев, К. М. Представления тюрков о небе, небесных телах и явлениях / К. М. Мусаев // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов; Отв. ред. А.В. Дыбо; Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2008. – 342 с.

112. Мушаев, В. Н. Лексема "нарн" (солнце) в лингвокультуре калмыков (на материале фольклорных и художественных произведений) / В. Н. Мушаев, Б. Э. Убушиева, Б. В. Барина // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 4 (104). – С. 150–156.

113. Мушаев, В. Н. Лингвокультурологические аспекты калмыцкой астрономической лексики в сравнительном освещении / В. Н. Мушаев, В. Н. Хонинов, Б. В. Барина // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 3 (51). – С. 106–113.

114. Мушаев, В. Н. Лингвокультурологический аспект лексем "белый-черный" (на материале калмыцкого языка) / В. Н. Мушаев, М. А. Лиджиев, Б. А. Шурунгова, Ж. А. Мукабенова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 46.

115. Мушаев, В. Н. Номинативы звезд и созвездий в лексикокультурологической традиции калмыков / В. Н. Мушаев, В. Н. Хонинов, Б. В. Барина // Вестник калмыцкого университета. – 2022. – № 4 (56). – С. 108–114.

116. Нанзатов, Б. З. Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова. – М.: Вост. лит., 2008. – 341 с.

117. Никонов, В. А. Космонимия Поволжья / В. А. Никонов // Ономастика Поволжья: материалы III конференции по ономастике Поволжья / Отв. ред Р. Г. Кузеев и В. А. Никонов. – Уфа: Б.и., 1973. – С. 373–381.

118. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.

119. Номинханов, Ц. Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка / Ц. Д. Номинханов. – М.: Наука, 1975. – 325 с.

120. Норманская, Ю. В. Реконструкция пратюркской системы названий метеорологических явлений и ее анализ с точки зрения диахронической лексической типологии / Ю. В. Норманская // Природное окружение и

материальная культура пратюркских народов. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С. 68–100.

121. Норманская, Ю. В. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках / Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо. – М.: Тезаурус, 2010. – 364 с.

122. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская – Москва, 1973. – 367 с.

123. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. гл. кор. АН СССР Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1972. – 565 с.

124. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – Москва: Высш. школа, 1974. – 350 с.

125. Омакаева, Э. У. Культ небесных светил у калмыков / Э. У. Омакаева // Традиционные культуры и среда обитания: материалы I Международной конференции. Тезисы. – М., 1993. – С. 150–153.

126. Омакаева, Э. У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни / Э. У. Омакаева // ALTAICA II: сборник статей и материалов. – М., ИВ РАН, 1998. – С. 101–111.

127. Омакаева, Э. У. Метеорологические и астрономические знания монголоязычных кочевников в зеркале природно-ландшафтного лексикона в погодно-климатическом дискурсе: на материале фольклорных и художественных текстов / Э. У. Омакаева // *Nomadic civilization: historical research*. – 2024. – № 4(2). – С. 105–114.

128. Омакаева, Э. У. Тюркская и монгольская космоимия / Э. У. Омакаева, Н. Б. Бадгаев // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. – 3. – С. 120–121.

129. Омакаева, Э. У. Хальмг зурха. Мөргүл (Калмыцкая астрология. Молитвы) / Э. У. Омакаева. – Элиста, 1995. – 178 с.

130. Пермяков, Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока / под науч. ред. Е. М. Мелетинского и Г. Л. Капчица. – М., 2001. – 624 с.
131. Пименова, М. В. Языковая картина мира: учебное пособие / М. В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. – 113 с.
132. Пойда, О. Б. Лексико-семантические связи слов, называющих явления природы, в брянских говорах: автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пойда Ольга Борисовна. – Л., 1988. – 17 с.
133. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 382 с.
134. Попов, И. А. Лексика природы как объект лингвогеографического изучения / И. А. Попова // Лексика и фразеология севернорусских говоров: сборник статей. – Вологда: Вологодск. гос. пед. ин-т., 1980. – С. 12–20.
135. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 447 с.
136. Потанин, Г. Н. Круговое движение ночного неба и грозное явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике / Г. Н. Потанин // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Вып. XIII. – Семипалатинск, 1919. – С. 1–25.
137. Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А. В. Дыбо. – М.: Вост. лит., 2008. – 342 с.
138. Пыхтеева, А. А. Лексико-тематическая группа слов со значением «атмосферные осадки» в одном из прииртышских говоров / А. А. Пыхтеева // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров: сборник статей. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1978. – С. 83–90.
139. Пыхтеева, А. А. Наименования явлений природы в говорах Среднего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пыхтеева Алевтина Алексеевна. – Ленинград, 1978. – 16 с.
140. Пюрбеев, Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков / Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Наука, 1972. – 208 с.

141. Пюрбеев, Г. Ц. Современная монгольская терминология: (лексико-семантические процессы и деривация) / Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Наука, 1984. – 120 с.
142. Пюрбеев, Г. Ц. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / Г. Ц. Пюрбеев – М., 1971. – 60 с.
143. Пюрбеев, Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков / Г. Ц. Пюрбеев – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. – 176 с.
144. Пюрбеев, Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык / Г. Ц. Пюрбеев. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. – 280 с.
145. Пюрбеев, Г. Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов / Г. Ц. Пюрбеев. – Элиста: Изд-во Калм ун-та, 2015. – 496 с.
146. Пюрбеев, Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка (на калмыцком и русском языках) / Г. Ц. Пюрбеев. В 2 томах; том I (А-Н). – Элиста: Калмыкия, 2022. – 521 с.
147. Пюрбеев, Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка (на калмыцком и русском языках) / Г. Ц. Пюрбеев. В 2 томах; том II (О-Я). – Элиста: Калмыкия, 2022. – 584 с.
148. Раемгужина, З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: аспекты формирования и особенности функционирования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Раемгужина Зилия Мухаметьяновна. – Уфа, 2009. – 300 с.
149. Рамстедт, Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология / пер. с нем. / Г. И. Рамстедт. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 254 с.
150. Рассадин, В. И. Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка / В. И. Рассадин // VII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор): доклады российской делегации. – М., 1997. – С. 151–153.
151. Рассадин, В. И. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности

/ В. И Рассадин, С. М. Трофимова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. – 180 с.

152. Рассадин, В. И. О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков / В. И. Рассадин, С. М. Трофимова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 136 с.

153. Рассадин, В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / В. И. Рассадин. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 608 с.

154. Русско-монгольский словарь / сост. А. Р. Дамба-Ринчинэ, Г. С. Мупкин. – М., 1960. – 780 с.

155. Санжеев, Г. Д. Старописьменный монгольский язык / Г. Д. Санжеев. – М.: Наука, 1964. – 91 с.

156. Семантическая общность национальных языковых систем / З. Д. Попова, И. В. Сентенберг, М. Аншутц и др.; науч. редактор З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 182 с.

157. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников – М.: Наука, 1988. – 242 с.

158. Сиротинина, О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. – 114 с.

159. Скородумова, Л. Г. Дзурхай: Буддийская астрология / Л. Г. Скородумова. – Владивосток: Рубеж, 1994. – 38 с.

160. Скородумова, Л. Г. Мир образов в романах В. Инжинаша / Л. Г. Скородумова // Mongolica-XII: посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931): сборник научных статей по монголоведению / редкол.: д-р. филол. наук И. В. Кульганек (пред.) и др. – СПб: Петербургское востоковедение, 2014. – С. 55–66.

161. Содномпилова, М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов / М. М. Содномпилова – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 364 с.

162. Содномпилова, М. М. Солнце и луна как основообразующие элементы картины мира монгольских народов / М. М. Содномпилова // Культ небесных светил в традиционных представлениях разных народов. – Улан-Удэ: Том 11. – № 1. (37). – 2010. – С. 51-56.

163. Содномпилова, М. М. Представления о холодном и теплом сезонах в мифологии монгольских и тюркских народов и роль астральных объектов в формировании календарной системы / М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 422. – С. 166–171.

164. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык: Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) / Ю. П. Солодуб – М.: Наука, 2002. – 258 с.

165. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. [Курс общей лингвистики. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. Статьи. Анаграммы (отрывки)] / Ф. Соссюр – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

166. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. / Отв. ред. член-корр. РАН Э. Р. Тенишев – М.: Наука, 2001. – 882 с.

167. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин – Воронеж, 1979. – 156 с.

168. Супрун-Белевич, Л. Р. Метеорологическая лексика в славянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Супрун-Белевич Лидия Ростиславовна. – Минск, 1987. – 20 с.

169. Сусеева, Д. А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху / Д. А. Сусеева. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1978. – 207 с.

170. Сусеева, Д. А. Современный калмыцкий язык. Словообразование / Д. А. Сусеева. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 175 с.

171. Татаринцев, Б. И. О происхождении тюркского наименования неба (täŋri и его соответствия) / Б. И. Татаринцев // Советская тюркология, 1984. – № 4. – С. 73–84.
172. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия – М.: Наука, 1986. – 141 с.
173. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект / В. Н. Телия – М., 1996. – 285 с.
174. Тодаева, Б. Х. Баоаньский язык / Б. Х. Тодаева – М.: Наука, 1964. – 158 с.
175. Тодаева, Б. Х. Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь / Б. Х. Тодаева – М.: ГРВЛ, Наука, 1973. – 392 с.
176. Тодаева, Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь / Б. Х. Тодаева – М.: Наука, 1981. – 276 с.
177. Тодаева, Б. Х. Дагурский язык / Б. Х. Тодаева – М.: ГРВЛ «Наука», 1986. – 190 с.
178. Тодаева, Б. Х. Дунсянский язык / Б. Х. Тодаева – М.: Вост. лит., 1961. – 151 с.
179. Тодаева, Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология / Б. Х. Тодаева – М.: Изд-во. Акад. наук СССР, 1951. – 196 с.
180. Толстой, Н. И. Избранные труды, Том I. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 520 с.
181. Трофимова, С. М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект) / С. М. Трофимова. – Элиста: Изд-во КГУ, 2009. – 282 с.

182. Ульгийсайхан, Д., Скородумова, Л. Г. Современный монгольско-русский тематический словарь / Д. Ульгийсайхан, Л. Г.Скородумова – М.: Восточная литература, 2008. – 360 с.
183. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике / Е. В. Урысон – М.: Языки слав. культуры, 2003. – 223 с.
184. Урысон, Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы «округа» и «район») / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – № 6. – 1999. – С. 79–82.
185. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева – М.: Наука, 1986. – 239 с.
186. Филин, Ф. П. Историческая лексикология русского языка: проспект / Ф. П. Филин – М.: Наука, 1984. – 175 с.
187. Фролов, Б. А. Астральные мифы и рисунки / Б. А. Фролов // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. – М.: Наука, 1982. – С. 41–58.
188. Хабунова, Е. Э. Очаг. обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков / Е. Э. Хабунова. – Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2005. – 206 с.
189. Хаитова, Ш. И. Терминотворчество – первая фаза формирования научного стиля национального языка (опыт Ибн Сино и других представителей минувших поколений) / Ш. И. Хаитова // Вестник ТНУ. – 2012. – № 5 (6). – Душанбе. – С. 16–20.
190. Ханинова, Р. М. «Спички судьбы» Велимира Хлебникова: поэтика пламени / Р. М. Ханинова // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций: научная конференция «Язык, культура и этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен». Ч. 1. – Элиста, 2005. – С. 186–192.

191. Харанутова, Д. Ш. Словообразовательные процессы в монгольских языках: проблемы и перспективы / Д. Ш. Харанутова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2022. – № 3. – С. 41-47.

192. Харанутова, Д. Ш. Словообразование бурятского языка / Д. Ш. Харанутова. – Издание второе, дополненное и переработанное. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2021. – 272 с.

193. Хомонов, М. П. О значении слов «тэнгэри» и «огторго» (небо) / М. П. Хомонов // Традиционный фольклор бурят. – Улан-Удэ, БИОН БФ СО АН СССР, 1980. – С. 155–158.

194. Чеджиева, Ж. Д. Домашние животные в калмыцкой и английской лингвокультурах (на материале фразеологических и паремиологических единиц) / Ж. Д. Чеджиева, В. Н. Мушаев, Е. Б. Дертынова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 1. Режим доступа: – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK123.pdf>.

195. Чемерчева, А. А. Народная метеорология: поверья, обряды и терминология (этнолингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чемерчева Анна Андреевна. – Тамбов, 2006. – 22 с.

196. Чимитдоржиева, Г. Н. Звуковые аспекты номинации некоторых метеотерминов в монгольских языках / Г. Н. Чимитдоржиева // Мир Центральной Азии – 4. Сборник научных статей. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. – 2017. – С. 392–396.

197. Чимитдоржиева, Г. Н. Монгольские метеотермины в тюркских языках Сибири / Г. Н. Чимитдоржиева // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2013. – 4(12). – С. 152–156.

198. Чимитдоржиева, Г. Н. О концепте «Саһан / снег» в бурятском языке / Г. Н. Чимитдоржиева // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы IV Международной научно-

практической конференции. Отв. редактор Т. Г. Боргоякова. – 2016. – С. 243–246.

199. Чимитдоржиева, Г. Н. Образ дождя в бурятском языке / Г. Н. Чимитдоржиева // Мир науки, культуры, образования. – 2013 – № 3 (40). – С. 292–295.

200. Шагдаров, Л. Д. Бурятские и русские пословицы, поговорки / Л. Д. Шагдаров, М. П. Хомонов – Улан-Удэ: Бэлиг, 1996. – 111 с.

201. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский – М.: Просвещение, 1972. – 326 с.

202. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв – М.: Наука, 1973. – 280 с.

203. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба – Москва: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

204. Щербакова, Л. Е. Слова гололед, гололедица, ожеледь в русской научной терминологии и разговорной речи / Л. Е. Щербакова // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1978. – С. 28–40.

205. Щербакова, Л. Е. Формирование русской метеорологической лексики: наименования осадков, наименования состояний погоды: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Людмила Евгеньевна Щербакова – Пермь, 1983. – 176 с.

206. Щербакова, Л. Е. Элементы лексики прошлого в говорах русского языка (древнерусская метеорологическая лексика и пермские говоры) / Л. Е. Щербакова // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1979. – С. 9–15.

207. Эрдэнэболд, Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / Л. Эрдэнэболд / пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С. Б. Миягашева, Ж. Б. Бадагаров / отв. ред. М. М. Содномпилова – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 196 с.

208. Этнокультурные концепты в сознании современных россиян / Т. С. Есенова, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин, Ж. Н. Сарангаева и др. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. – 190 с.

209. Языковая номинация: Виды наименований / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 356 с.

210. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева – Москва: Гнозис, 1994. – 343 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. МНК – Монгольский национальный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru&ysclid=m0sckblueu395464262 (дата обращения: 18.02.2024).

2. БНК – Бурятский национальный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://buryat.web-corpora.net/buryat_corpus/search (дата обращения: 26.04.2024).

3. НККЯ – Национальный корпус калмыцкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/?interface_language=ru&ysclid=m0sco7pmkj185559285 (дата обращения: 20.11.2023).

4. Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лексические единицы, характеризующие природные явления и объекты

Ясная погода (69)

Письм-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан	Кол-во
<i>Ĉelger</i> 'светлый, ясный'	<i>чилгэр</i> <i>цэлгэр</i>	<i>чилгер</i>	<i>шэлгэр</i>	<i>чилгр</i>	<i>ĉelger (ĉel-ger)</i>	<i>tsileger (tsilger)</i>					13
<i>Ĉelmeg</i> 'ясный, чистый'	<i>цэлмэг</i>	<i>целмег (целмег)</i>	<i>сэлмэг</i>	<i>целмг</i>	<i>ĉelmeg</i>	<i>tselmæg</i>					7
<i>Sarayul</i> 'светлый, ясный'	<i>саруул</i>	<i>саруул</i>	<i>һаруул</i>	<i>сарул</i>	<i>sarayul</i>	<i>sarūl</i>					10
<i>Tungyalay (tungyal-lay)</i> 'прозрачный, чистый, ясный'	<i>тунгалаг</i>	<i>туңһалаг (туңһалаг)</i>	<i>тунгалаг</i>	<i>туңһалаг</i>	<i>tungyalay</i>						3

<i>Dul</i> ‘ясный, теплый, безветренный’	<i>дул</i>	-	-	<i>дул</i>	<i>dul</i> [<i>dulī</i> , <i>duliya</i>]	<i>dul</i>					6
<i>Gegen</i> ~ <i>gegegen</i> ‘светлый, ясный, яркий’	<i>гэгээн</i>	<i>гэгээн</i>	<i>гэгээн</i>	гэгэн	<i>gegege(n)</i>		<i>гэгэн</i>		<i>гегён</i>	<i>гэгаг</i>	10
<i>Naratai</i> ‘солнечный’	<i>нартай</i>	<i>нартаа</i>	<i>наратай</i>	<i>нарта</i>							4
<i>Egebür-tei</i> ‘солнечный’	<i>ээвэр</i>	<i>ээвер</i>	<i>игаабар</i> <i>и</i>	<i>ээвр</i>	<i>egebür</i> (<i>ege-bür</i>)						10
<i>Solungya</i> ‘радуга’	<i>солонго(н)</i>	<i>солоңо</i> (<i>солоңо</i>)	<i>һолонго</i>	<i>солңһ</i>	<i>solungya</i>				<i>солоңбо</i>		6
Всего: 9											69

Пасмурная погода (19)

Письм.-монг	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан	Кол-во
<i>Bürküg</i> ‘пасмурный, сумрачный, мрачный (о погоде), облачный, тёмный’.	<i>бүрхэг</i>	<i>бүркег</i> (<i>бүркүг</i>)	<i>бүрхэг</i>	<i>бүркг</i>	<i>bürküg</i> (<i>bürkü-g</i>)						11
<i>Büdeger</i> ‘облачный, пасмурный’	<i>бүүдгэр</i>				<i>büdeger</i>						5
<i>Düngsügür</i> ‘сумрачный, пасмурный, мрачный’	<i>дүнсгэр</i>										3
Всего: 3											19

Ненастная погода (14)

Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан.	Кол-во
<i>Boruyа-tai</i> ‘дождливый, ненастный’	<i>бороотой</i>	<i>бораатаа</i>	<i>бороотой</i>	<i>бората</i>	<i>boruyаn</i> [*boru- yаn]						11
<i>Salkitei</i> ‘ветренный’	<i>салхитай</i>	<i>салькитаа</i>	<i>халхитай</i>	<i>салькта</i>							2
<i>Adqur</i> ‘хмурый, мрачный’		<i>атһар</i>		<i>атхр</i>	<i>adqur</i>						1
Всего: 3											14

Жаркий (52)

Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан	Кол-во
<i>Qalaγun (qala-γun)</i> ‘зной, жар; горячий, жаркий’	<i>халуун</i>	<i>халуун</i>	<i>халуун</i>	<i>халун</i>	<i>xalaγun</i>	<i>χalūn</i>	<i>халўн</i>	<i>калун</i>	<i>халуң</i>		28
<i>γang</i> ‘засуха, бескормица от засухи’	<i>ган(г)</i>	<i>һаң</i>	<i>ган</i>	<i>һаң</i>							8
<i>Ѕунџу</i> ‘зной, духота; знойный, душный’	<i>цунџ</i>	<i>цунцаг (цунџуг)</i>				<i>tsuntsɔg</i> <i>џунџу</i>					10
глаголы											6
Всего: 3											52
Теплый (17)											
Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан	Кол-во

Dulayan ‘тёплый; теплота’ (обо всём, кроме жидкостей)’	<i>дулаан</i>	<i>дулаан</i> (<i>дулаан</i>)	<i>дулаан</i>	<i>дулан</i>		<i>dulān</i>	<i>дулāн</i>					11
Uri ‘тёплый, тёплый воздух; оттепель; тёплое время года’.	<i>Урь</i> (<i>урин</i>)											6
Всего: 2												17

Прохладный (16)

Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.- калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан	Кол-во
<i>Serigün</i> ‘прохлада; прохладный’	<i>сэрүүн</i>	<i>серүүн</i>		<i>серүн</i>	<i>serigyn</i>	<i>serün,</i> <i>sirün</i> <i>seriun</i>	<i>сэрүн</i>				12
<i>ĵeberegün</i> ‘прохладный’	<i>зэврүүн</i>										1
<i>ĵibar-tai</i> ‘прохладный,	<i>жаварта</i>		<i>жабарта</i>	<i>живр</i>							3

студёный’.	й		й								
Всего: 3											16
Холодный (47)											
Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан	Кол-во
<i>ᠵikegün</i> ‘холодный, прохладный, свежий’	<i>жсхүүн</i>	<i>зекүүн</i>		<i>зекүн</i>							6
<i>Küyiten</i> ‘холод, стужа, холодный’	<i>хүйтэн</i>	<i>киитен</i>	<i>хүйтэн</i>	<i>киитн</i>	<i>küiyutin</i> (<i>ku:ten,</i> <i>kuitun</i>)	<i>kitᠠ</i> <i>keyiten</i>	<i>күйтэн</i> (<i>хүйтэн</i>)	<i>күйчигэн</i>	<i>күйтэн</i>	<i>китаң</i>	34
<i>ᠵing</i> ‘холод’	<i>жин(г)</i>			<i>жциң</i>							7
Всего: 3											47

Атмосферные осадки (330)

Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан.	Кол-во
<i>Qura</i> ‘дождь’	<i>хур</i>	<i>хур</i>	<i>хура</i>	<i>хур</i>		<i>хир</i> <i>hur</i>	<i>хуар</i>	<i>бура</i>	<i>хурā</i>	<i>бура</i> (<i>бура</i>)	53
<i>Вориуан</i> ‘дождь, ливень, непогода’	<i>бороо(н)</i>	<i>бораан</i> (<i>бороон</i>)	<i>бороо</i>	<i>боран</i>		<i>borān</i> <i>boro</i>					22
<i>Ўигиг</i> ‘влажность, сырость, влага; осадки’	<i>чийг</i>	<i>чииг</i>	<i>шииг</i>	<i>чиг</i>							7
<i>Парные слова</i>											10
<i>Noyitan</i> ‘мокрый, сырой, влажный; осадки’	<i>нойтон</i>	<i>нойтон</i> (<i>нойтон</i>)	<i>нойтон</i>	<i>нөөтн</i>		<i>nōtŋ</i> <i>noyitun</i>	<i>ноитон</i>	<i>наичіэн,</i> <i>наичіэнич</i>		<i>нітаң</i>	1
<i>ǰada</i> ‘ненастье, непогода’	<i>зад</i>	<i>зада</i>	<i>зада</i>	<i>зад</i>	<i>dzada</i>						16
<i>Budang</i> ‘туман’	<i>будан(г)</i>	<i>будаң</i>	<i>будан(г)</i>	<i>будн</i>		<i>budung</i>					22

		<i>(будуң)</i>				<i>budŋ</i>					
Manan (~ <i>manang</i>) ‘туман’	<i>манан</i>	<i>манан</i> (<i>манан</i>)	<i>манан</i>	<i>манн</i>	<i>manang</i> (<i>манан</i>)	<i>manang</i>	<i>манан</i>		<i>намāн</i>		19
Kirayu ‘иней’	<i>хяруу</i>	кирүү	<i>хюруу</i>	<i>кирү</i>	<i>kirayu(n)</i> (<i>хяруу</i>)	<i>kirū</i>					10
Їang ‘иней, изморозь’	<i>цан(г)</i>	<i>цаң</i>	сэн(г)	<i>цаң</i>	цан(г)	<i>цан(г)</i>					3
Їasun ‘снег’	<i>цас(ан)</i>	<i>цасан</i> (<i>цасун</i>)	<i>cahan</i>	<i>цасн</i>		<i>tsasŋ</i> <i>casun</i>	<i>час</i>	<i>часун</i>	<i>чace</i>	<i>часоң</i>	65
Siuyuyan ‘пурга, метель, буря’	<i>шуурга(</i> <i>н)</i>	<i>шуурхан</i> (<i>шуурхан</i>)	<i>шуурган</i>	<i>шуурhn</i>	<i>siuyuyan</i> (<i>siuyur-yan</i>)	<i>šūrŷpn</i> <i>šuurgan</i>					21
Їud ‘джут, гололедица, бескормица’	<i>зуд</i>	<i>зуд (зуд)</i>	<i>зуд</i>	<i>зуд</i>		<i>zut’</i>					6
Egülen ‘облако, туча’	<i>үүл(эн)</i>	<i>үүлен</i> (<i>үүлен</i>)	<i>үүлэн</i>	<i>үүлн</i>		<i>ülŋ</i> <i>öelen</i>	<i>эүлэн</i>		<i>улін</i>		40
Oqtorγoi ‘небо, небосвод; гром’	<i>огторгу</i> <i>й</i>	<i>огторphyу</i> (<i>огторphyй</i>)	<i>огторгой</i>	<i>ohmphy</i>		<i>oktrŷi</i> <i>oqtorγoi</i>					5

<i>Ayungya</i> ‘гром, громовой удар, гроза; молния’	<i>аянга</i>	<i>айаңһа</i>	<i>аянга</i>	<i>аяңһ</i>							20
<i>Möndür</i> ‘град’	<i>мөндөр</i>	<i>мөндөр</i> (<i>мөндөр</i>)	<i>мүндэр</i>	<i>мөндр</i>	<i>möndür</i> (* <i>möndü-r</i>)	<i>möndr</i> <i>möndör</i>					10
Всего: 16											330

Движение воздушных масс (123)

<i>Salkin</i> 'ветер'	<i>салхи(н)</i>	<i>салькин</i> (<i>салкин</i>)	<i>һалхин</i>	<i>салькн</i>	<i>salkin</i> (←* <i>salqin</i>)	<i>salkı</i> <i>salkin</i>			<i>салкп</i>		123
Всего: 1											123

Природные объекты (небесные тела) (172)

Письм.-монг.	Монг.	Ойр.	Бур.	Калм.	Стп-монг.	Стп.-калм.	Даг.	Дунс.	Мнгр.	Баоан.	Кол-во
<i>Nara(n)</i> 'солнце'	<i>нар(ан)</i>	<i>наран</i> (<i>наран</i>)	<i>наран</i>	<i>нарн</i>	<i>nara(n)</i>	<i>narŋ</i> <i>naran</i>	<i>нар</i>		<i>нара</i>	<i>наран</i>	66
<i>Sara</i> 'луна'	<i>сар(ан)</i>	<i>сара (сара)</i>	<i>һара</i>	<i>сар</i>	<i>sara</i>	<i>sar^v</i> <i>sara</i>	<i>сар</i>	<i>сара</i>	<i>сара</i>	<i>сарэ</i>	29
<i>Tngri</i> 'небо; тенгри (божество, небожитель)'	<i>тэнгэр</i>	<i>теңгер</i> (<i>теңгери</i>)	<i>тэнгэри</i>	<i>теңер</i>	<i>tngri</i> <i>тңри</i>	<i>teŋgr</i> <i>tenggeri</i>	<i>тэнгэр</i>				56
<i>Odu(n)</i> 'звезда'	<i>од(он)</i>	<i>одон (одон)</i>	<i>одон</i>	<i>одн</i>	<i>од(он)</i>	<i>odŋ</i> <i>одон</i>					21
Всего:4											172
Итого: 47											859